ЛЕОНИД МОРЯКОВ

Р
А КРИМИНАЛЬНЫЕ
С
С О ЛЮБВИ
К
А УБИТОГО
З КОНТРАБАНДИСТА
Ы

Минск
2008

УДК 821.161.3-3
ББК 84(4 Беи)-44
М 25

Авторизованный перевод с белорусского языка

Моряков Л.
М 25 Рассказы / Леонид Моряков. — Минск, 2008. — 444 с.

Остросюжетные, с элементами детектива, криминала, фантастики, мистики и мелодрамы рассказы Леонида Морякова читаются на одном дыхании. Герои произведений писателя сражаются в абсолютно неравных условиях, бросаются в битву, даже когда шанс выиграть один из тысячи. Они уверены: лучше смерть в бою, чем рабское существование...

УДК 821.161.3-3
ББК 84(4 Беи)-44

КРИМИНАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

ПРИНЦЕССА

Конец июля выдался жарким до изнеможения. Пьяные от обессиливающей духоты люди-тени бродили по земле, как по дну океана.

А Люсе было все нипочем. Она кружилась, словно заведенная игрушка, и разморенным жарой взрослым, притихшим за накрытым в центре сада столом, при виде ее казалось, что они смотрят старое ускоренное кино. Только цветное.

Люся пела:

— Солнышко, солнышко, у меня сегодня день рождения! Поздравь меня, а я — тебя! Пожалуйста!

По Люсиной спинке прыгали две змейки-косички. Доставали до пояса. До ее красавца-ремешка. Ремешок с блестящей пряжкой был изюминкой платьица, подаренного мамкой и папкой на день рождения.

Ах, какое платьице!

Люся была счастлива, утопала в счастье, растворялась в нем. Ведь Люсе — только двенадцать. У нее вся жизнь впереди! Вся!

За большим дубовым столом вместе с гостями томились ее родители: чернобровая алощекая певунья, некогда солистка известного хора — мама и красавец-аккордеонист, учитель музыки — папа. Всего за столом человек десять. Родня.

Словно поймав от дочки заряд энергии, Люсин папа ожил, встрепенулся, выдохнул-сбросил одуряющие объятия жары и опьянения, затянул громовым, на всю округу, сочным басом:

— Ой, моро-оз, моро-оз, не моро-озь меня-а....

Люся любила, когда папа пел. Она любила его и боялась. Боялась: после бурного застолья папа ругал маму, бил ее. Мама плакала и просила: «Не надо, Валерик». А папа держал ее за волосы, кричал: «Ты чего на него пялилась? Сейчас ты у меня насмотришься по сторонам! — и крутил маме голову: — Смотри! Смотри!»

Папа не ругался матом. Папа был интеллигентом. Он бил маму.

Еще совсем недавно Люся была круглая отличница. Но в последнее время стали проскальзывать и «четверки». Нередко она приходила в класс измученная после бессонной ночи и уже к третьему уроку засыпала на ходу.

Учительница укоряла: «И с этой девочки я советовала брать пример?!» Поостыв, интересовалась: «А что случилось, дорогая?»

Люся молчала. Ей было стыдно за папу и жалко маму. «Я больше не буду», — опускала голову.

Снова послышалась музыка. Люся очнулась.

— Ой, моро-оз, моро-оз, не моро-озь меня-а, — поднимался из-за стола, разворачивая аккордеон, папа. — Не моро-озь меня-а, моего-о коня-а...

Люся посмотрела на небо, тихонько попросила:

— Солнышко, солнышко, исполни одно-единственное мое желание. — И уже совсем

шепотом добавила: — Чтобы папка никогда не бил мамочку.

И опять Люся запрыгала, завертелась, запела. Пела? Люся плакала, но этого никто не видел. Стояла удушающая жара, а Люсе было холодно.

Жарко Люсе было зимой, когда выбегала в одном платьице на улицу, звала на помощь соседей: папка снова бил маму.

Так у Люси прошли три бесконечно долгих, мучительно длинных года.

Так прошло Люсино детство.

Не было у Люси детства.

А есть ли без детства будущее?

— Ой, моро-оз, моро-оз, — тянул поставленным басом папа, перебирая клавиши. — Не моро-озь меня-а, — вытер рукавом пот со лба: — Жарища.

«Холод, холод, холод, — прыгала-кружилась, согреваясь и перебивая словами дрожь, Люся. — Солнышко, солнышко, помоги, пожалуйста».

— Доченька, беги ко мне! — распахнула руки, готовая поймать Люсю, мама.

Мама пропала в день сдачи Люсей последнего экзамена за восемь классов. Ее так и не нашли — наверное, и не искали. Много их таких, пропавших и пропащих, — всех не переищешь.

А Люся закончила восемь с тремя «четверками». Для нее это было много. И она почувствовала: до десятого в отличницах не дотянет. Устала. И Люся ринулась в техникум — из последних сил в последний вагон. В самый престижный и труднодоступный. Вот так решила! Двадцать

пять человек на место, двадцать пять! То, что надо! Была ни была!

Оставшиеся до экзаменов дни Люся просидела перед маминой фотографией — с упорством хватающегося за соломинку утопающего повторяла все выученное в школе.

А отцу срывать злость было не на ком, и он запил по-черному. Бросил работу. Сутками напролет распевал «мороза», вспоминал маму: «О-ох, зачем же ты на-ас покину-л-ла-а?». Стонал, плакал, опускался, умирал.

Люся не зря упорно готовилась — в техникум поступила! Сдала все на «пять»! Назло судьбе!

Директор, невесть откуда прослышавший про Люсины невзгоды, сделал для нее исключение: разрешил ей, минчанке, поселиться в общежитии.

— Вот тебе шанс. Бери его, держи крепко-крепко, — пожелал от души. — Считай, что заново родилась!

Люся и впрямь родилась во второй раз. У нее началась другая жизнь. Хорошая.

Отличница, староста, комсорг. Как следствие — собрания, вечера, кавээны, дискотеки, новые знакомые, подруги, поклонники. Жизнь! Счастливая, радостная, светлая. Та, о которой она и не мечтала.

С этим кареглазым, в модных брюках «клеш», с желто-красным приемником «Альпинист» под мышкой, улыбчивым молодым человеком Люся познакомилась в общежитии. Он зашел к матери-вахтерше взять ключи от квартиры, а унес

ключи от Люсиного сердца. Звали кареглазого загадочно — Мишка-Майкл.

«Что же он такое сказал? Как получилось, что в мгновение ока стал близким, родным, дорогим, любимым? — вспоминала позже Люся. — Ах, да! Он спросил у матери: “А эта, самая красивая на белом свете принцесса, здесь живет?”» Люся сразу вспомнила свою маму, ее слова: «Маленькая моя красавица! Ты станешь настоящей принцессой!» Да, он сказал: «принцесса». Он знал заветное слово.

Ах, как они потом смеялись!

И как Люси (этак, «по-французски», с ударением на последний слог, Мишка-Майкл с первой встречи стал ее называть) была счастлива! И как быстро побежало время! Как полетело оно, понеслось, помчалось, покатилось!

Они говорили о Тарковском, слушали Марка Болана по «Голосу Америки», прорывались на «Фантомаса» и «Чингачгука» и, конечно же, ходили в столь модные тогда походы. Лес, свежий воздух, озеро, остров, палатка, ночь, звезды — яркие-яркие! — и они вдвоем. Мишка-Майкл обнимает ее и говорит, говорит. Он любит Люси. Он жаждет быть с нею. Всегда! Вечно! Мишка-Майкл целует ее. Долго-долго не отпускает. Ох, Мишка, Мишка-Майкл...

Как быстро бежало время! И как быстро набухал у Люси живот! Предательски быстро! С каждым днем! С каждым часом!

И решила Люси тоже быстро: рожать ей нельзя! Рано! Шестнадцать!

Люси не знала, что вторая ее попытка начать жить по-новому, по-человечески сорвалась, что

дорога, обогнувшая было пропасть, стала изгибаться, превращаться в круг, разворачиваться в обратную сторону, вспять.

Холод, холод, холод.

Снова холод, как тогда, в июльскую жару.

Она не помнила, как дошла до больницы.

Злые тетки в белых халатах ругались на чем свет стоит! Допрашивали, оскорбляли, пугали: «Смотри, больше никогда не родишь! Сделавшие аборт в шестнадцать уже не беременеют!»

Как ей было плохо! Как нестерпимо больно!

А добрый, милый, родной Мишка-Майкл к ней так и не пришел.

Мишка-Майкл, избитый в чернь, лежал в подвале районного отделения милиции. Боли не чувствовал: был без сознания.

Дочь большого начальника до беспамятства любила своего одноклассника — кареглазого стилягу, но, видя, что Мишка-Майкл, и прежде не очень-то ее жаловавший, все больше отдаляется, отходит от нее, в отчаянии подала на него заявление: изнасиловал. И с Мишей «побеседовали». Били грамотно, с паузами. Для начала объяснили ситуацию. Выбирай: свадьба или тюрьма? Одно из двух. Пока еще не поздно развернуться, не все мосты сожжены. Молчишь? Смотри, в тюрьме насильникам ох как тяжело, ох как... И не говори потом, что не предупреждали.

Мишка-Майкл был молод, верил в идеалы коммунизма и в неизбежность победы добра над злом. Он выбрал «тяжело» — тюрьму.

После исчезновения Мишки-Майкла и продолжительного (садисты в белых халатах сполна поиздевались над малолеткой) пребывания в больнице — в еще одной школе жизни — Люси сломалась, сдалась. Ей все стало безразлично: учеба, подруги, их веселая группа. Все! Даже участливый директор не смог вывести ее из стресса. Люси бросила техникум, упустила последний шанс, сбилась с дороги на тропинку, потеряла судьбу, потерялась.

Подзабытая уже старая жизнь втягивала ее в свои объятия.

— Где ты, милый? Где?!

Он бы помог, оберег, позаботился бы о ней. Он бы... Ох, Мишка, Мишка-Майкл...

Мишка-Майкл погиб на этапе, не доехав до лагеря и уже ни во что не веря. Он потерял веру в коммунизм, но не человеческое достоинство. За него и пошел в смертельный бой.

«С чего это щенок шептал: "Принцесса!"? — думал, вытирая заточку, убийца. — Сдох, а не дался, сука».

Малорослого, кривоногого, с горящими шакальими глазами цыганенка Люси встретила у гастронома. Она переходила улицу и не заметила, как ступила на дорогу, ведущую в пропасть.

Сначала он ее не трогал. Приручал. Наполнив до краев рюмку, предлагал: да выпей, че там! За компанию! Расслабься, весело будет, беззаботно! Ха-ха-ха! И иди сюда. Иди. Че там... Ха-ха-ха!

Но постепенно сучья душонка вылезла наружу. Показала свой волчий норов. День за днем он истязал ее, калечил. И насиловал, насиловал,

насиловал. Раздирал на части. Наслаждался, властвовал. А Люси погибала. Люси превращалась в Люську. Забитую, затюканную, просящую, молящую.

«Не бей!» — однажды услышала она себя и вспомнила маму.

Кровь цыганская, кровь бунтарская.

— Удушу паскуду! — харкал слюною, извергая комья мата. Он не был, как папа, интеллигентом.

Это должно было когда-нибудь случиться. Рано или поздно кончается терпение и у Всевышнего. Подытожил он все проделанное цыганенком и решил: пора воздать по заслугам. Хотя финал получился, на первый взгляд, нелогичным, странным.

Он скакал на ней, лежавшей в полузабытье на грязном полу. Ревел:

— Сегодня, курва, я пасть тебе раскрою!

Но пасть раскроилась у него. Он махнул ножом перед собою, показывая, как будет резать ей горло, как будет мочить, убивать стерву проклятую. Но не рассчитал — пьяная рука сорвалась, и он полоснул по роже себя. Губы расползлись до ушей. Кровь фонтаном хлынула наружу. Грязное тело рухнуло на Люську и затихло. Впервые.

Она долго не могла осмыслить, что произошло.

Цыганенок некоторое время еще мычал, хрипел, и Люська хотела втащить его на кровать,

может быть, спасти, но услышала мамин голос: «Не тронь!».

Мама и *там* ее не забыла.

Люська подошла к могилке с деревянным некрашеным крестом. Опустилась на колени. Она тосковала по нем. По своему насильнику. Теперь насиловать ее было некому. Да и кому нужна истерзанная, изувеченная, беззубая уродина, загнанное, запуганное животное — кому?

Сегодня Люська принесла ему цветы. Два дня голодала, чтобы купить этот маленький красный букетик.

Люська склонила голову, положила руку на холмик, запела-зашептала:

— Ой, моро-оз, моро-оз...

И вспомнила вдруг:

— У меня сегодня день рождения.

И заплакала — услышала голос Мишки-Майкла: «А эта самая красивая на белом свете принцесса здесь живет?»

ЖОКЕЙ

Ближе к вечеру, перед работой, Владимир ложился на часок-другой передохнуть. Он вел дискотеку, которая заканчивалась глубокой ночью, и постоянно недосыпал. Дискотека была эксклюзивная, дорогая, для богатых, но программу готовил и вел Владимир один. Достойного дублера найти не могли, и шеф с волнением думал, что будет, если ведущий заболеет или с ним еще что-нибудь случится. Но Владимир не болел, на работу выходил, и дискотека под аплодисменты завсегдатаев начиналась всегда вовремя.

В тот день, после записи со спутниковой системы сборки последних шлягеров, усталость от недосыпания взяла свое. Уже автоматически он отдал зашедшему, как всегда в это время, соседу Леве переписать в его коллекцию подготовленную для работы кассету и прилег, не раздеваясь, на диван.

Он не знал, что вежливый до безобразия Лева, уходя, дверь лишь прикрыл, и замок не защелкнулся. Жена Наташа укладывала малыша и соседа не проводила.

Владимир находился между сном и реальностью, когда что-то острое кольнуло в живот. Это заставило открыть глаза. Однако только-только

ушедшее на отдых сознание еще сопротивлялось. Все же боль — победила, и он проснулся.

Сначала Владимиру показалось, что сон продолжается. Некто в черном с натянутым на голову чулком прижимал к его животу нож. Прямо в лицо Владимиру в таком же маскараде дышал второй. В руке у него был револьвер.

Владимир никогда бы не подумал, что натянутые на голову колготки могут превратить человека в чудовище, в монстра.

I

Приставивший нож прошипел:

— Убью-ю!

Второй, с пушкой, добавил:

— Лежа-ать!

— Что за клоунада? — произнес Владимир, приподнимаясь, но удар револьвером по голове опрокинул его на диван.

Он окунулся во мрак. В тишину. Вдруг вспышка! Загорелись звезды! Сошлись в круг. Образовали солнце. Оно слепило. Закружилась голова. Он медленно поплыл по кругу. Нет, не он — плыли стены, потолок, пол. Скорость вращения увеличивалась. Тело наливалось тяжестью, взбухало. Сейчас оно взорвется...

Очнулся Владимир на полу.

Двое в черном не исчезли. Но появился третий, такой же близнец. Он стоял в дверном проеме, метрах в трех от дивана, и одной рукой держал Наташу за волосы, а второй приставил к ее шее нож. Кончик лезвия проколол кожу, и из-под него сочилась кровь. Испуганные глаза Наташи застыли.

Первый, с ножом, повторил:

— Убью!

Второй, с револьвером, прошипел:

— Лежи тихо, не дергайся, тогда и девку не зацепим.

Владимир понимал: сейчас главное — выиграть время, не двигаться, но все же решился — только глазами — осмотреть комнату: сколько их? Не успел и чуть-чуть, казалось, незаметно повернуться, как получил удар по разбитой, залитой кровью голове.

Владимир вновь провалился в ночь. В тишину. Он стоит. Один. Ноги тонут в песке. Пустыня. Появляется Наташа. Заводит знакомую песню: «Зачем тебе такая работа? Я же говорила, предупреждала. Добегаешься со своими кассетами и дисками. Доведут тебя эти Джагеры да Глитеры. Я чувствовала... Теперь все...»

Мираж исчезает. Он слепнет. Вдруг свет! Яркий! Снова солнце? Нет, это киноэкран. Пошел фильм. Черно-белый. Сверху обрушивается водопад. Кадр останавливается, поток замирает: кто-то нажал «паузу». Мгновенье — и картинка расползлась. У экрана исчезли границы. Теперь он сам в нем, в кадре. Нет, не в кадре — в жизни. Владимиру снова захотелось осмотреться, но в сознании что-то сработало, и он не пошевелился.

Тут же услышал:

— Урод! Ты кончишь его! Может, уже...

У Владимира дрогнули веки.

Бандит заметил это, улыбнулся:

— Живой?! Молоток! — И уже спокойнее: — Правильно, такую красавицу нельзя одну остав-

лять, нельзя-а. Лады? А-а? Лады-ы... Теперь — к нашим баранам. Всем будет кайф, если скажешь, где бабки. Капуста у тебя есть, мы знаем, так что, жокей, не теряй времени...

Владимир смотрел на мутное черно-белое изображение говорящей сквозь чулок головы. За время, пока объясняли ситуацию, почувствовал — у него неладно с ногами. «Как пропали, — сжал губы. — Да-а, полтела уже потерял. Шансов вырваться все меньше».

— Поднимайся. Только о-очень медленно, — приказала черная голова.

Тело не слушалось. Память о прошлой боли сковала его. Бандиты, видно, поняли, в чем дело и, взяв Владимира под руки, посадили. Дуло револьвера переместилось от головы к шее, нож — к ребрам. Надежды вырваться по-прежнему не было.

— Так что с бабками?

Его приподняли, пытались поставить на ноги.

— Ара, эта сука не стоит, — доложил старшему один из державших Владимира «чулков». — Может, водой его?

— Нет, посади, пусть передохнет, подумает. Без ног он не опасен.

Владимира опустили на диван.

«Дали сесть. Хорошо. Это шанс», — промелькнуло в сознании. Повел глазами: «Их трое. В комнате двое и один на кухне, держит Наташу... Подонок остался с женой?» Напрягся, чтобы рвануться, но что-то сдержало. Нож! Давивший в ребра нож.

«А этот, с револьвером? Он — слева. За ним — балкон. Открытый. Шанс все же есть. Левого отшвырнуть успею...»

Владимир сжался, готовый к прыжку, но прошитый недоносок — главарь тройки учуял неладное: лезвие, проткнув кожу, вошло в тело.

— Вижу, ты не понял. Аус! — позвал, чуть развернувшись в сторону кухни. — С красавицей разобрался? Лады! Теперь возьми одеяло и накинь на мальца. Может, тогда до батяни дойдет...

«Боже, как мог забыть. Малыш! Наташка укладывала его, когда засыпал. “Догоняй папку”, — шептала ему в ушко».

Тело Владимира вновь сжалось в пружину, но он ощутил, что и лезвие вошло глубже. Боли не было, но вырваться стало невозможно: нож на треть сидел в нем.

Послышались всхлипы, и Владимир увидел: малюсенькие ножки сына поднялись вверх, задергались.

«Все, хватит, — приказал себе. — Сыном рисковать — не собою».

— Деньги в шкафу. На верхней полке.

Бандит бросил одеяло, подскочил к шкафу, выпотрошил одну полку, вторую — денег не было.

Нервный, с револьвером, размахнулся, и после нового удара залитое кровью тело распростерлось перед детской кроваткой. Падая, Владимир услышал: «Есть!» — и ухватил за собой душившее сына одеяло.

Снова ночь. Все. Он свое отработал. Было многое. Может, и в самом деле довольно? Повидал столько, что хватило бы на две, на три жизни! Видно, и вправду выбрал лимит у Бога?

«Да?» — осмелился Владимир спросить Всевышнего.

Неожиданно его охватил жар. Опять закружилась голова.

«Где я? — пытался остановить кружение. — Почему один? Где Наташа, малыш?»

В отчаянии закричал: «Боже, если ты забрал *их*, возьми и меня!»

От крика ожило сознание, сильнее забилось затихавшее было сердце, участилось дыхание.

Владимир открыл глаза. Вокруг все белое. «Где я?» Осмотрелся. Кафель. Он в ванной. Не умер. Только руки... За руки его привязали к трубе, идущей к умывальнику. Связаны и ноги. Губы... Губ не разжать. На них — липкая лента.

Прислушался. Тишина.

«Оставили в живых? — продолжал работать мозг. — Не добили?»

Зря он напрягся — вся боль ожившего тела обрушилась на него. Он вновь едва не потерял сознание.

«Осторожно, — сказал себе, — осторожно».

«Думать, думать, не спать», — твердил разум, когда первые попытки выпутаться из оков не удались.

Труба. Труба идет к сливу. Слив — новый, пластмассовый, он только закрашен вместе с трубой белой эмалью.

Надо подвинуть веревку к сливу и, упершись ногами, рвануть.

Медленно привстал на колени. Веревка натянулась. Что-то держало ее. Конец? Нет, не конец. Это последний крепеж трубы, самый слабый.

Владимир прижал спину к сливу. Представил, что разбегается, и — рванулся. Он понимал, что может удариться головой об пол, но это не пугало. Жажда свободы взяла верх над сознанием, и остановить ее было невозможно.

Падая, Владимир успел повернуть голову и тем самым спас свой не особенно сильный нос от перелома.

Отлетел к двери. Не медлил. Надавил на нее ногами. Распахнулась. Снова прислушался: попрежнему тихо.

Руки. Веревка резала теперь не так сильно. Видимо, напрягшись, он подрастянул ее.

Пытаясь ослабить узел, резко задергал руками. Они высвобождались, но немели пальцы. Подташнивало. Время против него. Он потянул более сильную правую руку к себе. Рука с болью пробралась сквозь путы и обрела свободу.

«Теперь — ноги», — приказал себе Владимир, но сознание туманилось, и он понял: освободиться от пут не успеет. «Надо спешить», — и пополз к кухне.

Жену привязали к батарее под обеденным столиком. Скрученная веревками, с заклеенным ртом, она смотрела на него замершими от ужаса глазами. Страдание и боль любимой женщины вызвали ярость, ненависть, отчаяние: «Изверги, сволочи, гады!». Подполз ближе. Осторожно снял с ее губ пластырь. Ничего не сказал, забыл, что умеет говорить. Сказала Наташа:

— О Боже!

— Тихо, тихо, — успокаивал ее. — Не смотри, не надо, — шептал, не понимая, что Ната-

ша не закроет глаза, видя его окровавленную голову, грудь, все тело.

— Ты не умрешь, ты никогда не умрешь! — ожила она, перебивая мысли о самом страшном.

— Все будет хорошо, — кивал Владимир, поддерживая жену. — Все будет хорошо.

Ухватившись за стол, приподнялся. Приборы лежали в выдвижном ящике. Вынув нож, опустился на колени. В голову снова что-то ударило. Сознание покидало его. Уже в тумане разрезал на руках жены веревки. Вскоре обмяк и затих.

«Прохладно. Серо-салатовые стены. Железная спинка кровати. Палата? Да... Я в больнице... — понял Владимир. — Живой».

Послышались шаги. Через мгновение открылась дверь. На пороге — двое. В форме.

— Очнулись? — приближаясь, улыбнулся один из них. — Отлично. Не волнуйтесь, ваши жена с сыном в этой же больнице. Извините за беспокойство, но — время, как говорится, не ждет. Чем скорее вы ответите на наши вопросы, тем больше останется шансов задержать бандитов.

Почему-то вступать в разговор не хотелось, и Владимир закрыл глаза.

— Да что же это такое? — вбежал, возмущенно размахивая руками, дежурный доктор. — Сестра за лекарствами отлучилась, а они тут как тут — комнату для допросов в отделении организовали! Человека только-только с того света вытащили! Немедленно покиньте палату!

Ночью Владимиру не спалось. Будто почувствовав это, в палату неслышно вошла медсестра. Увидела, что Владимир лежит с открытыми глазами, и почти обрадованно сказала:

— Простите за беспокойство. Я вас узнала: вы диск-жокей, ведете ночную дискотеку в кафе, которое недалеко от моего дома. Я несколько раз была там, и мне очень понравилось. Работаете честно, с душой. Музыка — прямо с пластинок, видео — каждый раз новое. И голос у вас бархатный, зовущий. Заряжающий энергией голос. Душа словно в небеса уплывает. Я бывала на других дискотеках — совсем не то. Еще раз извините, что побеспокоила, — хотела, чтобы вы знали.

— Спасибо, теперь буду знать.

— Ой, что вы! Это вам спасибо. И еще хочу сказать. Предупредить. Старший из тех, что ворвались днем в вашу палату, приказал второму остаться дежурить — сейчас тот, кстати, спит. Уходя, старший дважды повторил: «Главное — узнай, сколько денег взяли. И еще: попытайся выведать, откуда они у него. Расспроси, где, мол, взял бабки на финский кожаный плащ, японские телевизор с видеомагнитофоном».

«Понятно, — думал Владимир, когда медсестра так же неслышно закрыла за собой дверь. — Их волнует только то, что деньги достались не им, а бандитам. А какая мне разница? Ножом бы не резали? Револьвером не глушили? Так у них другие приспособления для этих же целей имеются».

Почему-то больше всего было жаль повара, который приходил в кафе вечером, отработав смену в заводской столовой. Он последним,

пятым, решился отдать на покупку нового видео- и аудиооборудования собранные за год работы деньги. Он просто грезил собственной пиццерией.

И через три года она у него будет.

Уже ближе к окончанию школы сыну Владимира понравилось готовить, и он пошел к повару в ученики. Наташа не нарадуется, когда «ее мальчик печет для стариков что-нибудь вкусненькое».

II

Приставивший нож прошипел:

— Убью-ю!

Второй, с пушкой, добавил:

— Лежа-ать!

Резко махнув левой, Владимир отбил руку с ножом и, развернувшись, правой отшвырнул державшего револьвер к балкону. Тот головой пробил стекло двери, и один из прозрачных клыков впился бандиту в горло.

Рука с ножом на долю секунды повисла в воздухе, словно выбирая, куда нанести удар. Этого Владимиру хватило, чтобы заехать нападавшему ногой в живот — выпущенный нож воткнулся в край дивана. Главарь только успел прохрипеть: «Сюда!» — как удар в голову оглушил его.

Третий прыгнул на жокея сзади и — ошибся. Броски через плечо Владимир исполнял лучше всех в секции. Налетев на телевизор, бандит опрокинул его, ткнулся головой в стену и затих.

«Теперь — на кухню!» — пронеслось в голове.

Он ринулся к двери, но еще живой бандит, застрявший в пасти балконной двери, нажал на курок. Первый выстрел заставил Владимира остановиться, второй — потерять равновесие, третьего он уже не услышал. Однако и стрелявшего на большее не хватило — он затих.

Очнувшийся главарь осмотрелся, подобрал с пола револьвер, повернулся к телевизору и выстрелил распластавшемуся перед ним третьему в голову. Пройдя на кухню, нагнулся, ухватил за волосы лежавшую на полу женщину без сознания, приподнял и, ткнув стволом в висок, нажал на курок.

В дверях оглянулся:

— Наводчику язык отрежу.

Ребенок в кроватке не плакал, как будто понимал, что впереди у него вся жизнь, сражаться за место в которой он будет в одиночку. Малыш берег силы.

Через четверть века, когда он стал жокеем, в одном из элитных ночных клубов каждое утро звучало:

ПРОГРАММУ ГОТОВИЛ И ВЕЛ ВЛАДИМИР МОРЯКОВ.

КРАЙНИЙ ВАРИАНТ

— Здесь не грех выйти перед сном прогуляться, — предложил сосед по купе, показывая на открытую дверь в тамбур. — Уголька наша хозяйка не жалеет.

Поезд остановился.

Нас было в коридоре трое. В конце его еще возилась проводница. Уже ступив в тамбур, она взглянула на часы и закачала головой: «Ай-я-яй! Ай-я-яй!». Мы дружно направились к ней: «Может, что случилось?» Но проводница, словно не замечая нас, повернулась к выходу и, неожиданно шустро для своего веса соскользнув со ступенек, побежала в сторону станции.

— Ничего не случилось, — улыбнулся, пройдя в тамбур, мой попутчик. — Видно, продышаться выскочила. Есть резон и нам последовать ее примеру.

Местный вокзальчик, хотя и напоминает разрисованный детворой сарай, все же не полустанок — стоянка здесь пятнадцать минут: крупная воинская часть неподалеку дислоцируется. Правда, вагон у нас последний и до станции сотню метров не доехали, но это и к лучшему. Поезда редко вторгаются в здешние лесные красоты, и вояки от скуки норовят лишний раз документы проверить, а то и чемоданы: как-никак, приграничная зона.

У меня не было охоты спрыгивать в темноту и ветреную сырость, даже захотелось вернуться в уютное теплое купе, но попутчик снова заговорил — и я остался на месте: он ведь ко мне обращался.

— А названьице у станции, — попутчик кивнул куда-то за окно, — запоминающееся — Непылаево. — И уточнил: — Наверное, в то время, когда большевики таким образом ее крестили, здешние леса, как теперь, из года в год не горели. Зрелище, скажу я вам...

Неожиданно захотелось взглянуть на «горящие» леса, и я согласился:

— Пожалуй, и впрямь стоит размяться.

Сказал неуверенно: все еще брали какие-то неопределенные сомнения. Но попутчик, видно, не обратил на мой тон никакого внимания, потому что сразу же шагнул в тамбур, а оттуда, зависая на поручнях, быстро сошел вниз. Мне ничего не оставалось, как ступить вслед за ним на мокрую, пропитанную маслом и угольной смолой щебенку.

— Может, все же закуришь? — тряхнул повеселевший сосед пачкой «Филипп-Морриса». — Суперлегкие, почти без никотина!

Из раскрытой сине-белой коробочки ровно на треть выпорхнули две сигареты.

«Ловкость рук и никакого мошенничества! — непроизвольно отметил я. — Фокусник плюс весельчак. Не попутчик, а находка. Правда, излишне приставучий. Говорил же: табаком не балуюсь, так нет — закури да закури. И с вином та же история: “Да чуть-чуть, для настроения”.

Объяснял ведь: спортсмен, не пью. И лес здесь, как вижу, самый обычный, пожалуй, только угрожающе густой и этим вызывающий тревогу».

Ответил почти со злобой:

— Нет-нет, спасибо! Мне абсолютно все равно какие: Морис или Дорис, легкие или тяжелые, с никотином или без. Лучше откройте секрет: как у вас все так ловко получается?

До этого сосед успел открыть «глазом» бутылку лимонада и назвать карту, наугад вытянутую мной из колоды.

Он с ходу заговорил со мной на «ты», что меня слегка покоробило. Я был воспитан в ином духе. Исходя из общепринятых правил, следовало бы и мне тыкать попутчику, тем более что по виду он казался старше меня лет на десять, не больше. Но тыкать я не решился. Почему-то думалось, что этот шутник-всезнайка — человек из другого, незнакомого и потому опасного для меня мира. Его активность угнетала и настораживала, я не принимал ее, ощущал непривычной и чужой. Он словно следовал девизу: ни минуты покоя. Я же предпочитал уравновешенность, даже степенность.

— Если каждый будет знать мои секреты, то какие же это секреты? — похлопал попутчик меня по плечу. — А человек, между прочим, тем и интересен, что у него не на виду. У тебя, небось, тоже что-нибудь в этом духе имеется?

— У меня? — переспросил я, пожимая недоуменно плечами. — Не знаю. Кажется, нет...

Он улыбнулся, но промолчал, не стал ничего больше выспрашивать и уточнять. А мне вдруг

сделалось как-то неуютно и тревожно. Я только сейчас ощутил пронизывающую до костей зябкость и предложил:

— Пробирает. Может, вернемся?

Мы, оказывается, не стояли на месте, а отошли к другому концу вагона — к самому хвосту поезда.

— Как скажешь. И правда, не май на дворе, — он так же, как и я, только что поежился.

Повернули в обратную сторону. Невдалеке снова засветились огни станции.

Неожиданно попутчик до боли сжал мне руку выше локтя:

— Тихо, не шевелись! Смотри! В окно, говорю, в окно смотри! Узнаешь? Вот дурочка! Одно слово — баба! С мозгами напряженка. В элементарное не включилась: когда в помещении горит свет, то окно — как экран телевизора. Смотри, смотри, чего выделывает!

Я был не в силах пошевелиться. «Кино» парализовало: наша соседка по купе, студентка-первокурсница, ехавшая — как она с гордостью призналась — после успешной сдачи сессии домой на каникулы, зашла в туалет. Сняв легкий пуловер и повесив его рядом с полотенцем, она, поочередно, то правой, то левой рукой, вдавливала рычажок-краник, набирала в ладошки воды и... ополаскивала подмышки. («Африка», устроенная проводницей, давала о себе знать.) Вдруг замерла, всмотрелась в зеркало, в котором отражались приподнятые полные груди. Прикоснулась пальчиками с накрашенными ноготками к большим розовым соскам — словно

убеждалась в их упругости. Под просторным пуловером ее груди совершенно не обозначались, а тут... Тут все выглядело иначе! Таким теннисным мячикам бюстгальтер не нужен. Притягивали и ясные, зовущие глаза, и нежные пухлые губы, и безупречная короткая стрижка. Задурил так задурил сосед мне голову своими прибаутками да фокусами. Такую красавицу не заметил!

Что-то кольнуло. Спохватился: так же нельзя! Подглядывать — что может быть хуже?!

Повернулся к соседу, хотелось сказать ему пару ласковых, но он и рта не дал открыть.

— Смотри, смотри! — подтолкнул, подмигивая. — Кино только начинается.

Я опять, машинально подчиняясь, обернулся в сторону вагона. Студентка, словно почувствовав наши взгляды, закрыла груди руками, всмотрелась в окно. Ничего не увидев в кромешной тьме, успокоилась, глянула куда-то вниз, брезгливо покачала головой. «Конечно, грязно! — непроизвольно согласился я. — В мире нет ничего отвратительнее общественных советских туалетов». И вдруг она встала на унитаз, повернулась к нам задом, приподняла короткую юбку, спустила колготы, за ними крохотные белые трусики...

Откуда-то долетело:

— ...отправляется скорый «Ленинград — Мурманск»...

Я опомнился, отдернул голову. Было неприятно и стыдно. Как после этого возвращаться в купе, встречаться с девчонкой глазами?

А попутчик спокойно, даже деловито сказал:

— Двинулись! Пора, брат, занимать места согласно купленным билетам.

Накатила злость: «Как ты можешь? Ведь низко, подло все это! А с тебя — как с гуся вода. И я, получается, заодно с тобой».

— Успокойся! — на ходу читал фокусник-телепат мои мысли. — Мы что, специально? Мы тут ни при чем. Полнейшая случайность!

— Но ведь могли и не смотреть.

— Да мелочь все это! Забыли! — пропустил меня вперед, к ступенькам. — Прохладно? — посочувствовал подбежавшей к вагону проводнице. Он, казалось, напрочь забыл все, что произошло пару мгновений назад. Железный человек.

Я не сразу прошел в купе, задержался в тамбуре, у печки: никак не мог отойти от увиденного. Хотелось сквозь землю провалиться. «И студентка тоже хорошая цаца. Неужели не знала, что пользоваться туалетом на остановках запрещено? И куда те шторки с окна подевались? А проводница-то безголовая! Забыла «дабл» запереть, все бросила и побежала на станцию. Вспомнилось: «У нее там друг в погонах завелся». Пикантную подробность сообщил мне тот же всезнающий попутчик: он-де случайно услышал ее разговор с товаркой из соседнего вагона. Мелькнуло: «Случайно услышал... Случайно увидел... Случайно угадал... Случайно повезло... Перебор со случайностями».

Тем временем в тамбур поднялась запыхавшаяся проводница. Спешно опустила рифленую плиту над ступеньками, захлопнула дверь. Не успев отдышаться, подала голос:

— По местам, товарищи, по местам!

Я прошел к купе, постучался. Зачем, для чего? Ведь она там не одна, он тоже там. И все же, только дождавшись разрешающего: «Да-да, можно», открыл дверь.

Первокурсница стелила постель и встретила меня «спиной» и... знакомой юбочкой. Взбив подушку, присела у окна. Улыбнулась. У меня отлегло от сердца: ни о чем не догадывается! Хотел ответить на улыбку улыбкой — не получилось. И на какой-нибудь глупый комплимент не хватило духу — язык словно отняло: все еще было стыдно!

Вспомнил, что захватил с собой томик Роберта Шекли. Любимый фантаст не раз помогал отвлечься-забыться, не только заставляя сопереживать его героям, но и вовлекая в мысленное участие в их приключениях. Выручил меня Шекли и сейчас.

Массовик-затейник ближе к ночи, видно, притомился, а может, и исчерпал себя, потому как вскоре предложил:

— Что молодежь думает насчет отбоя?

Молодежь думала положительно.

На два нижних спальных места нас было трое. Дама, понятно, проходила вне конкурса, а мне и попутчику пришлось тянуть спички. Фокусник, как всегда, победил, и я полез на верхнюю полку.

Прохлада сыроватой подушки — еще одна неизменная особенность советских вагонов — вывела меня из заторможенного состояния.

«Боже! Голова отсохла! Деньги! Я же везу деньги! Чужие!»

В Ленинграде старый теткин друг передал четыре брикета с «двадцатипятками» — десять тысяч! — на шестую модель «Жигулей». Тетка после восьми лет ожидания в очереди талончик на машину получила, а вот денег так и не собрала.

Приподнялся, потянулся к куртке. Растяпа: в туалет шел — не забывал накидывать, а тут на перрон выскочил без нее. Вот олух!

Снимая куртку с крючка, почему-то счел нужным объяснить соседу свои передвижения:

— Подушка тощая. Надо под голову что-нибудь добавить.

— Понятное дело, — улыбнулся, но как-то холодно, сосед.

Складывая куртку вдвое-втрое, незаметно прощупал: брикеты на месте. И страховочные булавки на карманах — тоже. Фу-у... Слава Богу! И опять устыдился, но уже по другой причине: как я мог про нормальных людей такое подумать? Деньги кого хочешь рассудка лишат. Это уж точно.

Успокоившись, заснул мгновенно. Снилось крепкое молодое тело соседки, ее журчащий голосок: «Хорошее кино? А? Хорошее? А за хорошее надо платить, малыш, надо платить...»

— Поднимайся, парень, прибываем! — проводница тормошила меня за плечо.

Я спросонья подпрыгнул, и мы чуть не тюкнулись лбами.

— От шустрый! Сразу видно — отдохнул человек! Не то что вчера — чуть по вагону дви-

гался, — затараторила она. — Честно признаюсь, и сама проспала. Дай Бог здоровья твоему соседу: разбудил, когда к «Южной» подъезжали. Его там родственники на машине встречали. Он и студентку из вашего купе прихватил. К ним, кстати, и мальчонка — он ехал в соседнем вагоне — пристал: «Подвезите, дяденька, мне отсюда домой ближе». Со всего поезда только они трое и вышли. Втроем и поехали. Веселый у тебя был сосед. Даже мне придумал какого-то полюбовника. У меня-то, замужней женщины?! Вот шутник неугомонный! А ты потихоньку слезай да одевайся — пора.

— Спасибо, что разбудили... кхе... кхе... — сорвался почему-то мой голос на хрип.

— Побежала поднимать остальных! — встала проводница с незастланной постели студентки. — А ты все же подсуетись, займи очередь в умывальнике. На подъезде к Центральному я уже не забуду его закрыть.

Но до умывальника дело не дошло. Что-то подстегнуло проверить пачки под булавками. Первый же распечатанный брикет рассыпался осьмушками ровно нарезанной плотной бумаги — купюр по двадцать пять рублей было всего две: сверху и снизу. Кукла!

Следующую упаковку раскрывать не стал: ситуация была понятная.

Вспомнил, как вручал мне теткин друг деньги. Наставлял: «Смотри в оба! Доверяю тебе накопленное за многие годы работы на Севере. А там жизнь — не сахар». Вспомнил, как вился тогда возле нас курносый мальчонка в серень-

ком, до пят, пальто. Вспомнилось и то, что поначалу, когда вносил вещи в купе, застал в нем парочку пенсионеров, а вернувшись после прощания с теткиным другом, наткнулся на весельчака со студенткой. Подумал даже, что попал не в свое купе.

Ясно! Мальчонка поведал им про наш с северянином разговор, и они, выяснив, где я бросил якорь, поспешили обменяться с пенсионерами местами. Скорее всего, сказали, что встретили земляка или родственника. Старики, конечно, были не против: надо так надо.

Малыш и подменил брикеты, пока весельчак с подругой-«первокурсницей» меня, тюленя, отрепетированной «клубничкой» развлекали. А до этого, как сейчас понимаю, мою бдительность вином пытались притупить. Возможно, и сигареты предлагались не простые, а с начинкой. В принципе, все было рассчитано правильно: кто откажется от капиталистического «Филипп-Морриса» и массандровского десертного? А «кино» — как крайний вариант. Он и сработал. Пока смотрел представление, мальчишка упаковки пересортировывал.

Что ж, прошляпил — сам виноват. Сам и отвечу.

Накинул куртку, показавшуюся непривычно легкой: деньги, возможно, и не пахнут, зато вес имеют.

Спокойно подумал о самоубийстве: «А что? Рассчитаюсь со всеми сразу!»

Снова вспомнились слова, произнесенные красавицей во сне: «За хорошее кино надо платить».

Заплачу!

Как нырнул в просвет между платформой и набиравшим ход локомотивом — не помню.

Помню, что было потом... Когда проснулся и увидел троих своих старых друзей.

Не только за хорошее кино надо платить.

ДОРОГАЯ ЖИЗНЬ

Сестрички-двойняшки были юные, как майское утро, прелестные, словно сказочные феи, и дорогие, как Жизнь. Именно так. Ибо «дорого, безмерно дорого, — нашептывало предчувствие, — обойдется тебе с Сашкой ночная прогулка с феями». Красавицы под утро юркнули в окошко родительского дома, а кавалеров, понятно, не пригласили:

— До субботы, солдатики! Все было так чудесно!

Местные герои встретили незваных ухажеров молчаливым осмотром-констатацией, но затянувшуюся паузу нарушили первыми.

— Любишь кататься? — подал голос длиннющий, под небо, в попугаичьей рубахе, видно, главный из них, тыкая в меня пальцем. — Люби и саночки возить!

Сашка — молодец, сразу скумекал: превосходящего по силе противника можно одолеть, лишь нежданно вгрызаясь в глотку. И первым ринулся в атаку. Ремень винтом вертолета засвистел над его пилоткой и этим сразу отвлек на себя троих.

Оставшаяся парочка, на удивление, не растерялась — обрушилась на меня:

— Н-а-а!

— Да-а-й! — взбесилось, разрывая легкие, мое сердце.

Закружилась мельница из рук и ног.

Все забыли о дорогой Жизни. Сейчас она ничего не стоила.

— Ку-ка-ре-ку-у! — звонко и прямо в душу завопил петух.

Кто-то в это теплое солнечное утро слышал его в последний раз.

*

Сашка не был тяжеловесом, и я легко взвалил друга на плечи. До части напрямую через лес — часок ходьбы, и с передышками до подъема успею. Если дадут передохнуть. Четверых мы положили, но тот, под небо, разбивший Сашке голову, убежал за подмогой. Если приведет, то отдохнуть не дадут. Не дадут...

Ничего, как-нибудь доковыляем. И не из таких передряг выкарабкивались. Ты, главное, Санек, держись! За меня держись, не роняй голову. Дыши, как я дышу. Как паровоз дыши...

А сейчас — потише, друг мой, потише. Попридержи дыхание. Побереги силы, а заодно — и наши Жизни. Пусть ребята бегут себе мимо, пусть бегут. Не выдержит твоя разбитая голова кольев, которыми местнота неугомонная на бегу размахивает. Ну не стони, Санек, не стони, дорогой. Видишь, ребятки остановились, прислушиваются? Ну не стони, родной...

*

— Зачем волок? — озадачил Сашка. — Без меня не догнали бы — и жил бы себе не тужил. Может, долго-долго жил бы.

Сашкина могила была рядом с моей, и я хорошо слышал друга.

— Такие, как я, долго не живут. Так что — все нормально, Санек, все правильно.

— Эх, дружище! — вздохнули.

— Загадывай желание! — разошелся Сашка.

— К феям! — бухнул я.

— Только дождемся луны! — подхватил Сашка.

— Как же без нее! — согласился я.

Он еще долго захлебывался от смеха:

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

И не только он.

ГЕНА

Гену мне всегда было жалко. Хоть и самого бивали не раз, но себя так, как его, не жалел. Большой и красивый (чего стоили его добрые карие глаза, пышная русая шевелюра и гладкие, розовые, как у младенца, щеки!), он панически всех боялся, трясся при любой угрозе в его адрес, при виде занесенной — а вдруг ударят? — руки. Не знаю, кто и когда столь сильно его напугал, но что какая-то сволочь взяла на себя такой грех, не подлежало сомнению. Я мечтал найти эту сволочь и отомстить за Гену. Жестоко отомстить! Отбить стервецу мозги, как он отбил Гене!

Но прошли годы. Забылся Гена, осели злость, возмущение, негодование...

Вчера я прохаживался мимо своей школы. Двадцать пять лет назад, распрощавшись с нею, мы всю ночь гуляли с одноклассниками по проспекту. Та ночь оказалась для меня последней в родном городе. Назавтра пришлось уехать, и больше я в здешних местах не бывал. Но жизнь есть круговорот, и рано или поздно мы возвращаемся к истокам.

Школа казалась вымершей, как, впрочем, и проспект. Вымершая школа, вымерший проспект, вымерший город. Такое вот получилось возвращение.

Живым был показавшийся из-за угла... Гена. Он почти не изменился: такой же большой, массивный и по-прежнему — испуганный и трясущийся.

Гена увидел меня, замер. Наверное, решал: сигануть назад, за угол, или все-таки идти, как шел, дальше? Авось повезет и не тронут?

Я поднял руки и крестом сложил их над головой, давал понять: свой! Помнишь наш знак?

Гена вспомнил, шагнул вперед, улыбнулся.

Я был удивлен: он очень редко улыбался. И никогда не плакал. Вернее, плакал по-своему. После побоев и издевок дворовой шушеры у него начинали дергаться плечи, хлопать длиннющие девичьи ресницы, безостановочно литься слезы. Ни стонов, ни рыданий, ни мольбы о пощаде — только слезы. Они словно вымывали боль из тела и души, освобождали Гену от страданий.

Гена улыбался. Только сейчас я разглядел его лицо, и меня словно током пронзило: оно было испещрено бесчисленными рубцами-шрамами. Это же сколько над ним, над этим лицом, куражились, кромсали его и резали!

Гена подошел нахрамывая: видно, досталось не только лицу.

— Привет, дружище, — попытался я задать нашей встрече тон пободрее. — Ты все такой же — большой и сильный!

— Нет, нет, нет! — задрожал-испугался Гена. — Я — не сильный, я — не сильный, я — не сильный! — голос сорвался на фальцет.

— Хорошо, хорошо... — спохватился я. — Не узнаешь, что ли?

Гена молчал, косил-поглядывал по сторонам, явно прикидывая, куда бежать. «Что же делать? — думал я. — Вот так встреча! Нет, ребята! На этот раз так просто не сдамся! Я обязан разорвать этот замкнутый круг!»

— Генка! — вспомнил, как называл его в детстве. — Генка, я — свой! Такой же битый, как ты, один в один. Неужто забыл Саньку?

Девичьи ресницы перестали дергаться, брови распрямились.

— Санё-ок! Род-но-ой! — ожил Генка и — заплакал.

Плакал он вот так, не сдерживая рыданий, — при мне впервые. Рыдал, захлебывался слезами, улыбался:

— Санё-ок!

Я обнял друга, легонько похлопал по плечу, поддержал — как в ту ночь, двадцать пять лет назад. Постояли. Потом взял его за руку, и мы пошли.

— Санё-ок! — никак не мог успокоиться Гена, цепляясь дрожащими руками за мой локоть. — Род-но-ой!

Мы шли, смеялись, чему-то радовались. Как в ту выпускную ночь, когда нас убили.

ТИХАЯ ОСЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО

Группа завелась и была в экстазе, исполняя битловскую «Come together. Right now». Даже сидевший напротив Чемпиона его друг Андрей, не так давно вкусивший год пытки побоями и голодом — как оказалось, ни за что — во внутренней тюрьме КГБ, прозванной в народе американкой, положил вилку, притих. Смотрел в одну точку. Окунулся в незатейливую, но резкую, с первых аккордов берущую за душу битловскую «together...» Казалось, полностью отключился. Что-то вспоминал.

Сильное возбуждение испытывал и Чемпион. Раскатистое «right now», казалось, проникало в душу и звучало изнутри.

И потому не сразу, а лишь после повторенных с нажимом слов «Добрый вечер!» Чемпион сначала увидел, а потом услышал подошедшего к ним человека, которого для себя охарактеризовал как короля местных рэкетиров. В народе тот и вправду числился криминальным авторитетом и главным среди бандитов, обосновавшихся при этом заведении.

— В ресторанчик к нам заглянули? В гости, так сказать, на огонек? В гости — это хорошо. Нужное дело. Но вот то, что без подарков пришли, — несолидно, некультурно, я бы даже сказал — нагло. Наглецов же надо воспитывать, учить уму-разуму. Но вы не волнуйтесь, мы люди

покладистые, сердечные и навязываться никому не собираемся. Да и греховное это дело — гостей обижать. А вот, скажем, поучаствовать в благотворительности каждый, кто гуляет в ресторане, думаю, обязан. Видите, там, в углу, ребятишки сидят? Они, между прочим, не просто так баклуши бьют, а вас охраняют. Голодные, отмечу. Благодарности-то никакой. А справедливо ли это, когда одни шикуют, а другие от недоедания пухнут? Правильно ли? По-божьи? И последний задаю вопрос: есть у вас желание исправить эту несправедливость?

Чемпион включился и понял, чего от них хочет борец за правду, или, как говорят о таких в определенных кругах, лидер преступной группировки, а по виду — деревня-деревней: пришел в ресторан в азиатской пижаме. Ему, видно, кто-то по злобе душевной подсказал, что сия одежина — этакий оригинальный вариант спортивного костюма крутой, элитной, малоизвестной в Союзе фирмы.

«Ванек-Ваньком, а говорит, как пишет, — размышлял Чемпион. — Складно так про долги-обязанности и голодающих Поволжья объяснил».

Однако наехал на гостей главный бандит зря. Чувство страха, присущее нормальным сапиенс, у победителя доброго десятка международных турниров по борьбе дзюдо и самбо отсутствовало напрочь. К тому же он был в пике формы, а значит, на открытой, свободной площадке мог сразиться с дюжиной желающих. Бандитов же было семеро. Правда, ребята ничего себе, подтянутые, плечистые. Но сие обстоятельство

Чемпиона не волновало. Вес для него не имел особого значения.

И он терпеливо объяснил «синему»:

— Ты, босс, не к тем ребятам подошел. Публики много, а выбор сделал не из лучших. И если, к примеру, ты не знаешь такое словечко, как иппон[1], лучше перейди на другую сторону дороги и там тренируйся. Здесь пришибить могут.

Договорив, Чемпион на всякий случай отодвинулся со стулом от стола (вдруг бандит сильно нервным окажется и кулаками замашет), чуть откинул голову назад и развел руками: извини, мол.

Бандюга, как видно, близких дел с чемпионами не водил (их же единицы, этих чемпионов, по белому свету шатаются, и они, как правило, недоступны простому люду, пусть даже и «синему»: если не на сборах отсиживаются, то в соревнованиях участвуют) и полез было на рожон. Но что-то — видно, тихий голос и спокойный тон Чемпиона — насторожило короля, он усомнился в себе, решил перестраховаться и махнул остальным:

— Пацаны! С нами поговорить хотят. Да, со всеми. Герой тут один объявился. Просто жаждет познакомиться.

Одновременно поднялись шестеро стриженых бесшейных молодцев и двинулись в сторону гостей.

Шли медленно.

---

[1] Чистая победа в некоторых видах восточных единоборств.

Медленно Чемпион стал меняться. На лице возникла улыбка. Он услышал музыку. Свою музыку. Музыку боя.

«Come together! — заряжая энергией его тело, пронеслось в сознании, и он прикинул: — Шесть. Шесть плюс один — семь. Это близко к пределу. Все! — приказал себе. — Никого нет! Я один. Внимание! Бой! Хаджиме![2]»

Он услышал «right now», вскочил из-за своего стола, опрокинул руками соседний и, освободив перед собой пространство, «хуком» в грудь сбил первого нападавшего. Успел почувствовать: такой удар даже для этого крепыша — больница. Отпрыгнув в сторону, оказался позади самого здорового из бандитов и руками изо всех сил толкнул того в плечи. Вернее, толкал не руками, а корпусом. Иначе бугай, который был выше Чемпиона на голову, не пролетел бы десяток метров и не грохнулся бы всей тушей о бетонный пол.

Оставшиеся четверо (главный застыл, как памятник) оказались проворнее. Ближайший принял боевую стойку.

«Хорошо стоит. Красиво. По-боксерски», — подумал Чемпион и, топнув ногой, на мгновение заставил боксера опустить глаза. Этого хватило. Головой он боднул бандита под ребра, и тот отлетел от него, как зазевавшийся пешеход от капота сбившей бедолагу машины. «Слабенький оказался у парня живот, рыхлый, — отметил Чемпион, но тут же закралось сомнение: —

---

[2] «Сходитесь!» — команда к началу боя в некоторых видах восточных единоборств.

Что-то легко ребята ложатся», — и на всякий случай, автоматически, метнулся вправо — там вроде посвободнее.

Вовремя спохватился. Кулак еще одного смелого вместо того, чтобы попасть ему в голову, лишь чиркнул по щеке. Но больно чиркнул. «Обжег, гад», — мелькнуло у Чемпиона, и он понял — это первый звонок: он запаздывает. Собраться! Продышаться! Вдох-выдох! Вперед. И Чемпион рванул к главному.

Тот убегать не стал: как-никак, хозяин и все такое. Но и драться «в темпе» не умел. Потому и раздробил ему каблук переносицу.

«Ты смотри, заодно из кольца вырвался, — выдохнул Чемпион и осмотрелся. — О-о, ну это никуда не годится, — прокомментировал себе передвижения бандитов. — Трое и с ножом в подмогу...»

Чемпион с детства боялся ножей. Так уж за него судьба решила. Еще мальчишкой сильно порезался, играясь с подаренной северным родственником финкой. И тем не менее, преодолев страх, он бросился на нож. Боялся, но знал: того, с ножом, атаковать нужно первым.

Двое пропустили вооруженного вперед. «Серьезный, видно, товарищ», — сделал вывод Чемпион.

— Дай! — крикнул, внезапно показывая на нож, чем поверг бандита в недоумение.

Воспользовавшись заминкой, левой рукой ухватил его за кисть, правой — за локоть и образовавшимся болевым рычагом пригнул к полу. «Нет, этого жалеть нельзя», — пронеслось в голове, и он швырнул бандита на пол. Тот ткнулся в плинтус головой.

— Отдохни, — посоветовал Чемпион, переводя дух.

Парочка оставшихся немедля бросилась к лестнице. Так шустро перемахнуть со второго этажа на первый Чемпион, наверное, не смог бы и сам.

— Красиво, — услышал и понял: он выходит из боя.

— В жизни такого не видел. Как в американском кино, — ожил друг Чемпиона Андрей. — Да-а... Не знал, с кем дружил, не знал... К тебе, оказывается, без пушки не подходи.

— У-у-у... — загудел, вторя Андрею, зал.

За ближайшими столиками захлопали.

Чемпион подошел к своему. Опустился на стул. «Семь, — почему-то снова ворвалась в его сознание магическая цифра. — Что-то не так. Что-то не отпускает. Правильно, их, конечно же, больше. И скоро прибудет подмога! Бой не закончился! Внимание!»

И тут ему обожгло спину. Тело содрогнулось от боли.

«Нож или пуля», — подумал. И ошибся. Это врезал ему дубинкой подоспевший местный мент, сержант, друг семерки.

— Встать! — рявкнул он отработанным голосом. — Руки!

Подскочил второй мент. С кобурой на боку и наручниками у пояса.

— Есть пушка, не смотри, не сомневайся, — сказал, перехватив ироничный взгляд Чемпиона. — Итак, встали, руки подняли. И все делаем очень медленно, о-очень. Видели, какой ты шустрый...

Затихший зал снова загудел. Кто-то выкрикнул:

— Чего к человеку прицепились? Лучше бы бандитов ловили! Не трогайте парня!

— Молчать! — бросил державший наручники. — А этот кто? Такой же бандит! Руки, я сказал! — повернулся снова к Чемпиону.

«Что делать? — прикидывал Чемпион. — Подчиниться или атаковать? Может, этого с пушкой подсечь, а второго — ногой с разворота? Нет! — тут же приказал себе. — С ментами связываться — на сваю голову проблем искать. За ментов любой судья запросто на “пятерик” раскошелится. Придется сдаться. Хотя и это рискованно. Подмога, если поспеет раньше, чем меня увезут, вмиг сметет этих хомяков... Ладно, будем надеяться на лучшее».

Менту Чемпион сказал:

— За удар по спине ответишь, а пока заметь и запомни: я не сопротивляюсь. Но знай: если еще раз махнешь палкой, это будет в последний в твоей жизни раз.

— Не пугай! Пуганые. Не таких крутых видали, — сказал мент не очень убедительно. — Пошли...

«Жаль Андрюху. Слова не произнес, а его тоже забрали, — думал Чемпион, спускаясь по ступенькам. — Вот уж кому не везет так не везет. Только из КПЗ — и теперь снова...»

Андрей же размышлял о другом: «Такие бои сами собой не заканчиваются. Не к добру все это, не к добру. Чую, ждет нас продолжение банкета...»

В фойе из туалета, который был напротив гардеробной, вышел мент-лейтенант. С ментом

этим Чемпион был знаком, но не узнал его: в форме раньше не видел. По четвергам в их клубе проводился «день схваток», и лейтенант частенько наведывался к Чемпиону в «Урожай», потому как в «Динамо», где он тренировался, достойных в его весе соперников было негусто. Мент тоже хотел стать чемпионом.

— Петя, — не по уставу обратился сержант к лейтенанту, — бандита поймали. Резкий, сука. Прямо вундеркинд. Ты бы видел! Целое представление закатил. Ну ничего, мы его...

«Да это же Петруха! — осенило Чемпиона: только сейчас он узнал своего спарринг-партнера. — Вот змей! Ситуацию просек, но молчит. Решил помучить, поиздеваться, — прикинул, по-своему оценив непроницаемый взгляд товарища. — Может, и прав. Я же его на татами не жалел».

— Давайте, давайте, тащите бандита в машину. В отделении разберемся. Посмотрим, что за птица, — заговорил наконец лейтенант.

«Подлец!» — выругался Чемпион в сердцах, но дешевить фразой типа «Петруха, ты что, своих не узнаешь?» — не стал.

И тут заявила о себе подмога.

Чемпион увидел их первым. Они ломились в дверь. Что-то кричали.

Зазвучала «Come together». Напомнила: «Опасность!»

Входная дверь из толстого стекла была закрыта, но угодливый швейцар поспешил к ней.

— Стоять! — приказал ему Чемпион, рискуя получить еще раз дубинкой. И, возможно, получил бы, если бы лейтенант не отреагировал:

— Костя, проведите вундеркинда на второй этаж, пройдите через бар в гостиницу и вызовите машину оттуда.

Сержант не стал обсуждать приказ, толкнул Чемпиона в спину:

— Пошли, крутой. Сегодня твой день. Халява тебе так и прет.

«Крутой да крутой. И что у него за манера такая дебильная: одно слово пять раз повторять», — думал Чемпион, поднимаясь по ступенькам на второй этаж.

— Двадцатый, я восьмой, — услышал Чемпион неожиданно ожившую в машине рацию. — Задержанного доставьте домой. У отделения бригада Кренделя дежурит...

— Опять тебе пруха валит, — прокомментировал сержант сообщение. — И откуда такие удачливые берутся?

Сегодня четверг, день схваток. Он проспал и теперь торопился. Хлопнул дверью. Почти влетел в открытый лифт. Не глядя, нажал нижнюю кнопку. Достигнув первого этажа, двери раздвинулись. Чемпион сделал шаг, второй. Почувствовал холодок. Опасность! Справа?! Повернул голову. Выбросил, перехватывая удар, руку. Поздно!

Он знал, что когда-нибудь опоздает. В детстве видел сон. Бог, что ли, смотрел на него, предупредил: «Ты станешь лучшим, но никогда не будешь старым».

Удар был из-за спины сбоку. Сильный, резкий, профессиональный. Чемпион отпрянул назад, но

его обхватили двое. Грамотно обхватили, как связали, не дернуться.

— Герой, — сказал ударивший его бандит, — сейчас ты будешь умирать. Умирать медленно и больно. Ты поднял руку на Кренделя. Знаешь, кто это? Знаешь! — полоснул бандит его по груди. — Не волнуйся. Это не страшно, — занес руку с ножом снова...

Ворвалась «Come together». «Ножи — это не для меня, — вспомнил Чемпион. — С ножами у меня проблема. Как же атаку прозевал?» Чемпион почувствовал запах крови. «Вперед! — приказал себе. — Бой! Хаджиме!»

Оттолкнувшись от державших его двоих, ногами ударил третьего. Тот отлетел и выронил нож. «Без ножа работать можно, — промелькнуло у Чемпиона. И снова оттолкнувшись, на этот раз от земли, исполнил кувырок через себя, перекатился, сгруппировался, встал. — Теперь поехали», — призвал себя и... замолк.

Перед ним стояли двое: сержант с напарником. В штатском.

Сержант достал пушку:

— Во гад! — не мешкая, нажал курок.

Пуля попала Чемпиону в плечо, прошла насквозь, звякнула о почтовый ящик. Он ринулся на сержанта, но тот не отпускал курок. Четыре пули вошло в грудь Чемпиона.

Четырежды обожгло. Он медленно опускался, отключался, умирал...

Когда те двое подошли к Чемпиону, он еще слышал «Come together...». Сержант приставил пистолет к его голове и выстрелил. Музыка оборвалась.

— Все, — сказал сержант. — Уходим.

— Дела о’кей, говоришь? — спросил, держа трубку, человек с заклеенным двумя широкими лентами пластыря носом. — Это хорошо, что о’кей. С меня подарочек. Впрочем, с тебя, литер[3], тоже причита... — не договорил заклеенный и затих. Увидел.

Андрей надавил на курок. Пластырь, вспоротый чем-то невидимым, оторвался от лица. Лица не было.

— Что случилось? — слышалось из упавшей трубки. — Что у вас происходит?

— Right now... — поднял трубку Андрей, — My friend is waiting for you[4], — допел он за Чемпиона.

Он не знал, что своим выстрелом поставил в ряд ждущих *там* отмщения за себя и того, в кого стрелял...

---

[3] От слова «лейтенант» (*жарг.*).

[4] Мой друг тебя заждался (*англ.*).

«МАЛЬБОРО-ЛАЙТС»

Накинул куртку, прощупал карманы: портмоне на месте. Выглянул в окно: киоск работает. Спустился: «Мальборо-Лайтс» нет. Перешел на другую сторону улицы, где пара старушек у кафе, оккупированного итальяно-турками, предлагала сигареты из-под полы: есть «Мальборо», но без «Лайтса», а любимая заказала именно легкие. Прогулялся до забегаловки на углу: ни тех, ни других. Ларек в начале боковой улочки не светился — закрыт.

Вернулся назад, к дому. Подошел к машине. Сел, завел. На колесах — не на своих двоих: раздва — и нужная вещь в кармане.

На выезде со двора притормозил. Место на Немиге опасное: мост, за ним подъем и сразу резкий спуск. Дважды оглянулся: никого — можно разворачиваться. Повернул руль влево, тронул машину и... услышал, ощутил нутром обрывающий дыхание визг тормозов, удар, скрежет металла. Казалось, на спину упала рельса. Ткнулся лбом в стекло. Тут же отбросило назад. Погас свет. Отключился...

Разбудил голос-рев:

— Слепой, а? Лупы забыл или как?

— Что такое? — приходил в себя. — В чем дело?

— Не понял!— по-прежнему наезжал бас. — Ты, видно, пацан, нюх потерял?

«Давит, играет на опережение, — начал я включаться в ситуацию. — Теперь отвечать буду я, хотя не прав сам крикун. Я знаю свою улицу, тем более — это место возле дома. Чтобы с него не увидеть, что кто-то едет, нужно нестись километров сто двадцать, не меньше. А ведь при въезде на улицу висит знак “сорок”, с моста начинается улица. Виноват он, а платить буду я».

— Да ничего я не терял, — начал примирительно: для цивилизованного человека непонятные ситуации разрешать лучше мирным путем. — Куда вы так гнали? Знак же висит! Тут школа рядом...

— Это кто гнал?! — бас явно взывал к публике. — Ехал себе сорок, горя не знал. Что я, знаков не вижу? Это ты ослеп! Хочешь все посвоему перевернуть?

«Ты как раз этого и хочешь! Перекинуть с больной головы на здоровую!» — решил для себя. Ответил по-прежнему спокойно:

— Зря орешь! Я не глухой. Отъедем к обочине. Здесь только добавить могут.

— Э, да ты, смотрю, умник. Обуть захотел? «Отъедем...» Ишь, придумал.

«Тупой, — понял я. — На тупых мне везет, каждый день нарываюсь, как по расписанию».

— Ничего никто не придумывал, — попытался объяснить ситуацию. — Здесь чем дольше стоишь, тем больше шансов, что в зад въедут. Что тут непонятного?

И в этот момент появились они. Его кореша. Как с неба свалились. У таких по всему свету есть кореша. Им друг друга искать не надо. Проезжали мимо и увидели: «Э-э, да это же свой с

лохом столкнулся. Можно поживиться», — обрадовались кореша, притормозили. Их было трое. Не спеша вышли из новой «BMW». По-крутому не закрыли дверцы. Направились к нам. Один вертел на руке цепочку с кастетом. Вдавленные щеки, серое лицо — копия зомби. Второй — с прищуром, словно ему солнца много, явно зековская привычка — улыбался. Веселился. Третий, стриженный «под ноль» качок, видно, самый здоровый и резвый, возглавлял шествие.

Я понимал, что драка при таком соотношении сил бесперспективна, и выход видел в одном — ее предотвращении.

— Если исходить строго из правил, — опередил открывшего было рот качка и не дал ему поздороваться с корешом, — то вина за мной. Но, в принципе, прав я. Знак «сорок» в начале улицы висит не случайно. Дорога круто забирает вверх, потом резко падает, и идущая впереди машина исчезает метров через сто. То есть увидеть ее и тем более отреагировать — невозможно. Но теперь это, само собой, не важно. Если бы он, — показал рукой на «гонщика», — не летел больше сотки, то я увидел бы его и дождался, пока проедет. А так получается — виноват я: разворачивался не в установленном месте. Поэтому не против закрыть тему, а значит, рассчитаться, отдать положенное...

— Да что тут разбираться-светиться, — плюнул на асфальт качок. — Валим на базу... В смысле — в гараж, — поправил себя. — Это рядом, в центре. Там пашет классный кузовщик. Он лишнего не возьмет. У него все по мизеру. Па-

ренъ прикинет, во что ремонт станет, ты рассчитаешься, и — разъехались, как в море корабли.

«Рядом, в центре, классный кузовщик... Цивильная “синева” попалась» — удивился я и, соглашаясь, махнул:

— В гараж так в гараж. Только отгоню машину к обочине.

— Давай, — ухмыльнулся игравший кастетом. «Ну и валенок, тепленьким спекся», — читалось в его глазах.

«Посмотрим, кто еще тут валенок», — подумал я, садясь за руль. Вставил ключ. Завелась старушка, не подвела. Мелькнула мысль: может, гонки устроить? Коснулся педали газа, машина покатила. «Ших, ших, ших», — цеплял колесо покореженный бампер. Вздохнул: с гонкой — пролет. Затормозил, вышел. Держался непринужденно. Сел в «BMW».

— Погнали.

До гаража, где «пашет классный кузовщик», добрались за четверть часа. Все было культурно и чинно (мне рассказали даже несколько анекдотов из тюремной жизни), но только до того момента, пока не въехали на лодочную станцию. Она представляла собой огороженный участок земли размером с половину футбольного поля, на котором стояли два строительных вагончика, довольно большой деревянный сарай и почти у берега, на фоне ряда перевернутых лодок, — беседка. Слева от нее, чуть поодаль, находились туалет и бочка с устрашающим черепом и надписью: «Не курить!». В ней, должно быть, держали горючее для лодочных моторов. Гаражей видно не было. Все правильно. Так мне и надо.

— А где же наш умелец-слесарь? — поднял я брови, включая дурака.

— Не спеши, — вышел из машины качок. — Будет тебе умелец, и не один. И не только слесарь.

— А с чего сразу на «ты»? — пропустил я сказанное мимо ушей. — Кажется, овец вместе не пасли, — но не договорил, обернулся на гул за спиной.

К станции подъехали еще две «бээмвухи». Человек семь соколят рэкетирского бизнеса улыбались, приветствовали своих.

«Быстро работается с мобильными телефонами, — с тревогой подумал я. — И полчаса не прошло, а ребята все знают, в курсе событий».

— Как будем разбираться? — спросил небритый мужичок лет сорока пяти — пятидесяти с синими от наколок руками. Руки изобразили жест, как бы приглашающий войти в вагончик. — По-людски или по-другому?

Я понял, что сейчас будет определяться стоимость ремонта плюс морально-материальные издержки (как они говорят — неустойка), которые, по слухам, у таких ребят раз в пять превышают реальную сумму.

Пришлось дальше валять дурака:

— Что тут разбираться? Закрывать надо тему. Нет никаких проблем. Виноват так виноват. За все нужно платить. Я не против. Но здесь, как вижу, никакого кузовщика нет. Предлагаю подъехать к моему однокласснику. Восстановлением машин он занялся еще во времена первых кооперативов. Опыт — громадный. Лучше его никто такую работу не сделает. Отвечаю.

— Вот с этим спешить не надо. Очень ответственное это слово — «отвечаю», — оборвал меня обладатель синих конечностей. — Разберемся на месте. Зачем без нужды кататься, кого-то там искать? Здесь бабки подобьем.

«Что ж там, на месте аварии, не подбили?» — резонно подумал я. Но, чтобы не усугублять ситуацию, пришлось согласиться:

— Здесь так здесь.

— Итак, — повысил голос «синий», — прикинь тачку. Боковина стерта, передняя стойка поехала. Машине — хана. Ни один доктор ее не вылечит. Так что про ремонт забудь. Тачку нужно вернуть новую, такую, как была.

— Какая же она новая?! — не выдержал я. — Этой модели лет десять по меньшей мере.

— При чем тут годы? — реакция была мгновенной. — Машина не ездила. Прошла каких-то пару тысяч. На спидометр посмотри!

«По перематыванию спидометров вы специалисты», — подумал я, уже теряя самообладание.

— Не хочу ничего слышать о новой машине. Назовите сумму, которую я должен за ремонт. Если она божеская, рассчитаюсь — и все на этом. А если...

От удара в спину я пошатнулся, но на ногах устоял. Среагировал, отскочил назад, принял стойку. Этого не стоило делать. Этого ждали. Что-то тяжелое, словно стена, обрушилось на плечи и отбросило меня назад, на бандитов. Подкосились ноги. Упал. Шанса вломить лежачему кореша не упустили. Первые удары чувствовал, потом куда-то провалился...

Очнулся в вагончике. Посмотрел на окошко: смеркалось. Прикинул, что отдыхал долго.

Синие руки ткнули под нос вонючую пробензиненную тряпку.

— Ты это напрасно ребят завел, — разобрал я рисунок змеи на его руке. — Чуть отбил тебя у пацанов. А могло и по-другому обернуться. Зря не захотел по нулям все раскинуть, зря. Но сейчас, когда братва уехала, можешь не бояться. Напишешь пару слов, которые я продиктую, и...

— Под диктовку не пишу!

— Опять за свое? — смяла рука мою рубашку. — Рискуешь, парень, оч-чень рискуешь.

«Рискую? — повторил про себя. — Может, “синий” и прав. Зациклился, рискую и могу дорисковаться. Надо менять тактику, пока не поздно. Что он сказал? Мы одни? Уже легче...» Вслух согласился:

— Ладно, диктуй...

— Вот видишь, можешь и по-другому, культурно общаться. Правильно решил, — улыбнулся бандит, — всем жить хочется. Теперь — о деле. Черкнешь «письмецо» жене. Так, мол, и так, должен одному человеку, а долг — это святое... Понятно объясняю?

— Куда понятнее. А чем писать? Зубами, что ли?

— Снова грубишь. Смотри, довыступаешься. Руку я тебе освобожу. Одну. Для писанины хватит. — Он наклонился и развязал узлы на запястьях. — Поднимись, левую обратно к поясу прихвачу.

Я понял, что появился шанс вырваться. Медленно приподнялся, отвел назад голову, стиснул

в зубах всплывшую боль и резко, изо всей силы, засадил «синяку» лбом между глаз. Нос бандита расплылся, глаза сошлись к переносице — попал хорошо. Без жалости толкнул его в грудь. Мужичок раздавил стоявший в центре вагончика журнальный столик, отлетел в угол, ударился об очень кстати оказавшийся там лодочный двигатель, раскинул руки и затих.

«Вот и полежи, — вздохнул я и тут же выдохнул. — Бежать! Одному с шайкой не справиться... Нет, не бежать! Стоять! Думать! Бандит, помнится, зажег газовую плиту, хотел огнем попугать. Он ее так и не выключил, одна конфорка горит. Хорошо».

Я подкинул на плиту «дровишек» — кипу газет с разлетевшегося столика. Полыхнуло сразу. «Подсохла бумажка, — полегчало на душе. — Пора уходить! Здесь скоро жареным запахнет...»

Выскочил из вагончика. Подбежал к бочке с горючим. Опрокинулась легко: полупустая. Покатил к сараю. За пару метров от него пнул бочку в последний раз. Выбежал за забор, оглянулся.

Дощатое сооружение вспыхнуло, как высушенная солома. Это вам не шуточки — бочка с бензином.

Хотя отбежать удалось довольно далеко, я понимал — так просто не уйти. Я сжег логово, но не его обитателей, и все еще впереди. Вот и «бээмвухи» подкатили. Снова оглянулся: рыщут. Заметили. Кинулись вдогонку. Что-то кричат. А-а, понятно, что они могут кричать. Несутся лихо, явно бывшие спортсмены. И это опасно! Бежать! Не останавливаться!

Вспомнил и ужаснулся: такое в моей жизни уже было. Логово, «бээмвухи», вагончики, синие руки, погоня — все было во сне, очень давно. Именно так я и бежал. Долго, до изнеможения, пока не настигли. Что тогда сделал не так? Почему догнали? Я устал, остановился, спрятался и... сдался! Да, главное — не останавливаться, изменить вариант, попробовать другой.

В этот раз — не как во сне — не затаивался. Знал, что будет, если дам себе передышку. И я бежал. Задыхался и бежал. Падал, вставал и бежал. Бежал, бежал, бежал, убегал от смерти. И, кажется, она отстала...

Увидев свой дом, обрадовался, но по инерции продолжал перебирать ногами. Страх ураганом толкал в спину. Нет, стоп! Стоять! Ларек! Светится? На этот раз — да! Работает! Может, и «Мальборо-Лайтс» появились?

Когда подлетел к ларьку и увидел пачку с заветным названием, сил говорить не было. Как глухонемой, постучал в стекло витрины, показал, что хочу купить. Продавщицу, судя по всему, не смутила моя немота, и она просунула в окошко заветную светло-золотистую коробочку:

— Эти?

Я по-прежнему молча положил перед нею серо-салатовые бумажки. Забирая пачку, услышал:

— Господи!

Я ее понял. Не каждый день клиенты с разбитым в кровь лицом попадаются.

— Спасибо, — выдавил из себя и, свернув за угол, побрел к родной раненой пташечке. По-

битая, она смотрела на меня, жаловалась обоими большими глазами-фарами.

«Прости, дорогая, все будет хорошо, — успокоил. — Поехали, сменим дислокацию. Здесь становится опасно».

Потихоньку, с ших-шиханьем, заехал во двор за гаражи. Вышел, погладил любимицу, пообещал: «Я все исправлю. Завтра же! Потерпи».

На лестничной площадке снова украли лампочку, и молодая красавица не рассмотрела в глазок окровавленного лица посланного ею за сигаретами мужа. Узнала по голосу. Но голос ей показался странным, виноватым, что ли. И она решила: наверное, «Мальборо-Лайтс» не было и он опять купил какую-нибудь гадость.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Я встретил Андрея на Центральном рынке. Время шло к закрытию, народу почти не было, и хотя мы не виделись добрый десяток лет, друг друга узнали сразу: Андрея всегда отличала белая, пышная, под раннего Рода Стюарда, шевелюра. Он покупал своим двойняшкам персики. Рассказал, что дочки перешли в четвертый класс, отличницы. Не согласился с моим банальным: «Быстро растут чужие дети». Похвастал, что, несмотря на тяжелые времена — о чем свидетельствовала хотя и аккуратно, но штопанная его куртка, — ему пока удается каждый вечер приносить малышкам что-нибудь из фруктов: их худощавые фигурки («Ничего не поделаешь, — развел Андрей руками, — мои точные копии».) явно нуждались в витаминах. Переживал, что наступает новый учебный год, а толком не приготовился к нему: не купил девчонкам школьную и спортивную форму, туфли, ранцы, теплые вещи на осень. Андрей предпологал приобрести все одним махом и не здесь, а в Польше: мол, там дешевле и качественнее. И денег подсобрал для такого случая. Выехать собирался в ближайшую пятницу, чтобы вернуться в воскресенье: понедельник — первое сентября.

На том и разошлись.

Когда-то мы учились вместе в аспирантуре. В начале перестройки я не выдержал жизни на

несчастные сто двадцать «рэ» и подался в автономное плавание. Андрей оказался более терпеливым. Защитился, преподавал. Очень любил свою работу. Лекции его напоминали передачу «Что? Где? Когда?». Аудитории не вмещали желающих — редкостное не только по тем временам явление. Молодой, красивый, перспективный, студентки бегали за ним цугом, а он... он продолжал жить в двухкомнатной хрущевке с мамой и двумя своими маленькими красавицами: жена ушла в поисках более сытного существования.

Некоторое время Андрей еще промаялся в институте, но в конце концов закрыли и его. С тех пор я Андрея не видел.

И вот — вторая подряд встреча. Хотя не знаю, можно ли назвать это встречей. На моих глазах два мордоворота в мятом камуфляже, с лоснящимися от жировыделения рожами подкрались к нему сзади. Андрей посмотрел на меня, узнал, но поздороваться не успел. Один из ментов схватил его за волосы, другой пытался выкрутить руку. Андрей не отличался силой или ростом, и скажи они ему просто: «Пройдемте» — не подумал бы сопротивляться. Менты же вознамерились исполнить учебно-показательный захват валютчика. Они гнули Андрея к земле, но, к их удивлению, он уперся: не хотел марать о грязный асфальт недавно обновленную матерью куртку. Не хотел, чтобы дочки, его светлые головушки, испуганно спросили: «Папа, это бандиты на тебя напали?». Как бы он объяснил им, что все как раз наоборот? Схватили его менты по указке бандитов: не платит, мол, дань. Он бы

заплатил, но накануне сентября нужно было приодеть девчонок. Думал — обойдется.

Не обошлось.

Менты сломили его отчаянное сопротивление, повалили в грязь. Андрей уронил пакет, из которого выпали и покатились два больших апельсина. Мент, выкручивавший Андрею руку, отфутболил апельсины из-под ног, и вместе с напарником они поволокли Андрея к подъехавшему «Уазику».

— Взяли, наконец, суку, — прокомментировал мент в штатском, вышедший им навстречу из машины. — Халявщик гребаный. Сегодня тебя научат рассчитываться. Объяснят, кто в доме хозяин.

Андрея поставили на ноги. Мент в штатском зашел ему за спину и неожиданно прыгнул. От удара ногой в поясницу Андрей ввалился в «Уазик». Полезли в машину и менты. Дверца закрылась, и банда поехала. Ошарашенный, не в силах пошевелиться, я смотрел вслед отъезжающей серой машине. «Почему она не черная? — неожиданно пришла мысль. — Она должна быть черной, как те “воронки” с нелюдями в тридцатые годы».

В школу первого сентября двойняшки не пошли. Накануне, в пятницу, Андрей с утра предупредил мать и дочерей, что, возможно, с базара домой заезжать не будет — сразу махнет в Варшаву. Автобус отходит около семнадцати, и нет смысла мотаться туда-сюда. Еще сказал матери, что берет с собой все накопленные за лето деньги: еды в квартире запасено на неде-

лю, так что до его приезда они им не понадобятся, а там любая лишняя копейка может пригодиться. Мать упросила взять и ее энзэ — пять долларов, которые весною подарила на день рождения подруга — соседка-пенсионерка. Но забежать домой на минутку Андрей все же решил: не мог уехать, не попрощавшись с дочками. Выбрал для них два больших апельсина — большие всегда слаще.

И в субботу, и в воскресенье до глубокой ночи двойняшки ждали папку. Им не терпелось увидеть новую школьную форму, и ранцы, и новые туфельки — старые совсем износились. Папка обещал, что купит своим отличницам самые лучшие.

Бабушка в ночь на воскресенье спать не ложилась. С рассветом достала выцветшие, застиранные платья девочек. «На всякий случай надо погладить, — подумала. Спохватилась: — На какой такой всякий?» Гладя, отклоняла голову: не хотела, чтобы на фартучек капнула слеза. Сердце тревожно билось, кружилась голова — видно, поднялось давление: утро, а сына нет. Не решалась будить поздно уснувших внучек: сегодня только линейка, общее построение, а папа приедет — и малышки пойдут в школу в новеньком. «Все будет хорошо, сынок», — повторяла одну и ту же фразу, водя утюгом.

Рассвело. Наступило первое сентября.

В лесном массиве вблизи железнодорожной станции на окраине столицы сонный опер описывал обнаруженный выгуливавшим ранним утром собаку местным жителем труп:

— Мужчина... Возраст тридцать пять — сорок... Волосы пышные, светлые... Куртка залита кровью... Денег и документов не обнаружено...

«Грабят народ, — думал оперативник. — А тех, кто сопротивляется, убивают». И не догадывался, насколько был прав.

Откуда-то доплыла трель школьного звонка. Опер вспомнил, что для его сына этот звонок — первый. «А ребята с базара не подвели, — улыбнулся, довольный. — Организовали мальцу к школе новый костюмчик. Фирменный, не то что наше барахло...»

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

Машина с красной полосой на боку ползла медленно, словно вслепую. Сидевший рядом с водителем молодой человек нервно вертел головой, искал: «Куда же она подевалась, куда?» И угораздило его назначить встречу именно там, где остановка запрещена! Договорились, что только на миг притормозят, заберут ее и поедут дальше. Но — опоздали. На двадцать без малого минут. Опоздали не по своей вине.

Она считала: да, интеллигентный человек, конечно, обязан подождать, но не больше четверти часа, и обиделась: «Не объявился! Все у него не как у людей. В такой день не смог без сюрпризов! Неудачник!». Завела себя, разнервничалась, подбежала к краю улицы, подняла руку.

Красивые женщины привораживают. Два дюжих джипа, едва не сцепившись, точно годовалые бычки, рогами-защитами, резко затормозили. Повезло владельцу «Ленд Крузера» — он первым распахнул дверцу:

— Прошу! — эффектно бросил вместо обычного «куда?».

Катя посмотрела на улыбающегося молодого человека, хотела по инерции — в ней еще не остыла злость — послать довольного жизнью ловеласа подальше, но, вспомнив, как обошел-

ся с нею Сергей (сегодня они планировали подать в ЗАГС заявление), молча села в машину.

«Ленд Крузер» почти мгновенно влился в общий поток транспорта.

Пахнущий «Кельвином Кляйном» красавчик ни о чем не расспрашивал. Видя, как возбуждена незнакомка, попробовал ее успокоить:

— Тут недалеко цветочный магазин. Предлагаю заглянуть. Такая шикарная девушка не должна оставаться без роз ни минуты! Думаю, именно красные подойдут к вашему чудесному платью.

— Спасибо вам, конечно, за заботу и внимание, но я спешу домой, — устояла против первых комплиментов Катя. Однако в тоне ее не было категоричности. Розы дарили ей только однажды — в прошлом году, на выпускном. Сосед по парте осмелился. Так то ведь — одноклассник, свой... — Договорилась о встрече, и меня ждут, — пыталась уверить она незнакомца и саму себя, — и хотелось бы...

— Да-да, — мягко перебил ее красавчик, видя, что девчонка говорит как-то неуверенно. — И мне хотелось бы... сделать вам приятное!

«Может, во всем этом и нет ничего страшного или дурного, человек-то вроде культурный», — казалось, правильно рассудила Катя, но вслух по-прежнему отнекивалась:

— Я правда не могу...

— Нет так нет, — непринужденно согласился владелец джипа. — Принято. Но мы уже на месте. Секундочку, я мигом.

Только теперь, когда молодой человек вышел и направился к магазину, Катя увидела, какой он опрятный, подтянутый, энергичный.

«Очень даже энергичный, — поддержал без малейшей иронии внутренний голос, — очень». — «Ну и что?» — пыталась она его заглушить. Но голос настаивал: «Забудь своего вечно опаздывающего неудачника, смотри, какой принц положил на тебя глаз, не лишай себя удовольствия, один раз живем».

С букетом алых роз красавчик выплыл из магазина. Катя почувствовала, как берет ее в плен белозубая улыбка, как захватили ее большие светло-серые глаза, как забилось, заколотилось ее сердечко.

«Будь что будет, — прошептала, вздохнув. — И в самом деле, нормальный, похоже, парень».

Он действительно был нормальным парнем, но — не просто парнем, а сыном «нового русского» (так она в самом начале подумала — и не ошиблась). В свои молодые годы успел не только вкусить сладость вседозволенной жизни, но и пресытиться ею. Приелись ему и длинноногие жрицы любви. И волновали, манили разве что такие вот «зеленые» и неопытные, доверчиво-чистые и, конечно же, смазливенькие молодые дурочки, которым легко вскружить голову, обезволить безмерной галантностью и щедростью, а потом овладеть и насладиться. И не просто насладиться, а по-крутому, с жестокостью, истязая малолетку, делая ей больно (подругому он уже и не возбуждался). При этом считал, что делает малышке одолжение, преподносит подарок: мол, если бы не он, дурочка так и не узнала бы, что есть совсем иная, чем ее

обыденная и серая, — богатая, захватывающая, особенная жизнь. Жизнь без мер и границ...

Вот для таких малышек он и умел представиться нормальным, даже больше чем нормальным парнем.

Сел в машину и нежно, с придыханием прожурчал:

— Это для самой привлекательной и очаровательной, для... Могу я узнать, как зовут красавицу?

— Катя... Екатерина, — поправилась она, осуждая себя. Подумала: «Быстро же у меня до знакомства дошло».

— Ал-лик, — щелкнул языком элегантный владелец джипа. — Для вас — Алик, а для всех прочих — Александр, — отчеканил последние три буквы и перешел на другой тон: — Теперь — расслабляемся, выдаю серию последних анекдотов...

Серия оказалась удачной, хорошо подобранной, и это Катю окончательно успокоило.

Остановились у нового кирпичного дома с оградой, уходящей от улицы в лесок. Алик набрал входной код. Услышали: «Open the door»[1] — и направились к яйцеподобному, белого металла лифту. Тот подъехал без вызова — «получил команду» от входной двери. Уже по-русски промурлыкал: «Назовите код, пожалуйста». Уловив нужный набор цифр, двинулся вверх. Не успела Катя оглядеть себя в зеркальных дверях, как те открылись: приехали.

«Чудеса, — вздохнула с облегчением. — Одно слово — фирма!»

---

[1] Дверь открыта.

— Проходите, леди, в нашу скромную обитель, — протянул ей Алик дистанционный пульт. — Нажмите, пожалуйста, на зеленую кнопочку, пожалуйста.

«Ничего себе — скромная! — заметила про себя Катя. — Лифты на двух языках разговаривают, дверь кожей обита и с пульта открывается, кнопка звонка словно из золота. Насколько же шикарно такая квартира должна быть обставлена внутри?»

Внутри к названным аксессуарам добавились теплые, явно с подогревом, светящиеся полы, фактурные стены из толстого, цвета морской волны стекла, стильная, бьющая по глазам оранжево-лимонная столовая, змеящиеся хромированные люстры-подсветки. Такого супердизайна Катя не видела и в голливудских кинофильмах.

Алик пригласил гостью присесть, но опомниться не дал:

— Кофе, чай, джус? Советую орендж — апельсиновый. Готовлю сам. Специальной машинкой выдавливаю. А может — ну их, эти соки, освежимся холодненьким, со льда, шампанским? Имеется «брют».

«Смотри ты, все у него имеется. Счастливчик, не то что некоторые», — сделала вывод Катя. Решилась, выдала по-английски:

— Please, orange with ice[2].

Наступившая пауза Катю смутила, и она перешла на родной:

— Если можно, конечно же...

---

[2] Пожалуйста, апельсиновый <сок> со льдом (*англ.*).

— Не можно, а нужно, — поддержал хозяин. И предложил: — Посмотрите пока красивые журнальчики, я мигом...

Катя не пролистала до конца первый попавшийся «Плейбой», как вернулся Алик с подносом. К джусу он приложил легкие сандвичи с сыром, фаршированные чем-то красным — видно, морковкой — оливки и мягкое персиковое мороженое.

От такого сервиса настороженность и недоверие, таившиеся где-то на дне души, окончательно исчезли, настроение поднялось. «Все по высшему классу!» — восхитилась Катя.

Алик смотрел на нее и улыбался, торжествовал. Первый акт прошел как нельзя лучше: девчонка завелась и, значит, все идет по плану.

Катя взяла высокий бокал с утопавшей в золотой жидкости прозрачной соломинкой, потянула-попробовала — сказка! Увлекшись, не заметила, как осушила полбокала. По телу пробежала волна приятной теплоты. Кате стало хорошо и покойно. Она засыпала...

Через час ее разбудил пронизывающий холод.

— Очнулась? — услышала знакомый голос.

Открыла глаза:

— Где я?

— Может, в гостях, а может, и дома — это как себя поведешь.

Катя увидела перед собой прищур светло-серых глаз. Теперь они не светились добротой, как прежде, а вопрошающе всматривались. Убедившись, что Катя пришла в себя, он не стал ниче-

го объяснять, направился к выходу. У двери на секунду задержался:

— Сама понимаешь, приходится перестраховываться. Хотя, возможно, ты и не дернулась бы, но рисковать — себе дороже.

Когда закрылась дверь, Катя привстала, осмотрелась. Пустая комната. Она — на полу, в углу, прикована наручниками к батарее. Вспомнила и ужаснулась: «А ведь мама все уши прожужжала: не заговаривай на улице с незнакомыми, не заговаривай...»

«Спасаться! — все больше включалось сознание. — Пока не убили, не изувечили. Не спи, сосредоточься, не так много оранжевой отравы глотнула. Впрочем, у него, видно, тут все на наркотиках настояно. Запасливый. И смотри ты, сволочь, в какой квартире живет! В фильмах маньяки по подвалам шастают, а этот... Влипла, дура! Что же делать, как вырваться? Спокойно, кажется, он идет...»

— Голубка, что у нас с настроением? Как думаем себя вести: слушаться или капризничать, проблемы лишние создавать?

— Капризничать не буду, я же не враг своему здоровью, — пыталась Катя оставаться спокойной. — Только не могу я делать это без настроения и не приведя себя в порядок. Включи медленную музыку и разреши принять душ.

— Санитария и гигиена? Хорошо, удовлетворим заветное желание. В кредит, понятно, — хозяин разомкнул наручники, помог встать.

Ванная комната была пуста — ни полок, ни зеркал, ни других сопутствующих предметов: зубных паст, щеток, моющих порошков, ножниц.

«Ножницы иногда срабатывают при защите не хуже ножа, а порошок — ментовской “Черемухи”, — вспомнила Катя известный детективный сериал. — Но здесь... Ванна, биде — и все. Видно, отделку еще не закончили... Однако должен же быть выход, должен! Может, взять и со всей силы заехать ногой ему в пах, а потом вцепиться в гада ногтями, зубами и рвать, кричать, кусаться? Читала, для таких это первое лекарство... Нет, силой его не возьмешь, жлоб под два метра, с одного удара убьет. Стоп! Что же это я?! А окно!»

— Может, выйдешь? — попросила Катя жалобно. — Стесняюсь...

— Люблю, когда меня стесняются. И еще больше люблю помогать раздеваться.

— Поможешь, какие вопросы. Только сейчас дай мне, пожалуйста, побыть одной, настроиться. Так будет лучше.

— Ладно, схожу за полотенцем, — отпустил ее руку. — Но не вздумай шалить, всякие козни строить, не советую...

«Да плевала я на твои советы, маньяк чертов, — осмелела Катя, когда дверь закрылась. Вспомнила: — Окно! В нем спасение».

Попыталась открыть створку, но с ужасом осознала: «Ничего не выйдет. Сняты ручки. Разбить? Нечем. А голыми руками такое стекло не возьмешь. Может, как в детстве, когда с моста в воду ныряла, — рыбкой? На каком я этаже? Не должно быть очень высоко. Поднимались на лифте недолго, наверное, не выше третьего. И как назло — ни одного фонаря во дворе: хоть глаз выколи».

Мгновения улетали, Катя не решалась прыгнуть, а хозяин квартиры мог войти в любую секунду.

Опять вспомнила маму, ее частое: «Катенька, ни с кем и никуда, ты же девочка, обидеть могут».

«Вперед!» — скомандовал оживший внутренний голос. Отойдя к стене для разгона, она бросилась в окно...

Лопнуло-выстрелило стекло — или ее голова? — Катя уже понять не успела.

Несмотря на отдаленность от центра, «скорая» прибыла к месту трагедии лишь немногим позже милиции. Из машины с печальным лицом-маской вылез врач-практикант и полюбопытствовал у эксперта из дежурной опергруппы, что случилось. Тот кивнул: разве не видишь?

Подойдя к распластанному на бетонной отмостке телу, врач неожиданно замер, затем всполошился, замахал, как слепой, руками, залепетал:

— Боже мой, почему, за что?!

Если бы Катя была жива, она бы ответила Сергею.

ДОБРОДУШНЫЙ

Весна разбудила в пять. Жажда любви разрывала тело, но жена накануне — как всегда, чтобы не забывал! — предупредила: «С утра не греметь! Ходить на цыпочках! Не дай Бог проснусь раньше двенадцати — мало не покажется».

Как в том анекдоте:

— Хотите выпить?

— Почему бы и нет?

— Ну, нет так нет!

Последнюю фразу повторил вслух. Все же любимая присказка одной кособокой стервы, чуть не загнавшей меня в могилу — подставила под бандитские ножи — на заре юности веселой.

Завтракал один. Скука. Перекурил. Желание не исчезло, а дверь в спальню по-прежнему была заперта.

Что делать?

Посмотрел в окно. Во дворе прохаживалась соседка: вывела прогуляться своего любимца — серого, считай, невидимого на фоне асфальта пуделя Бублика, большого охотника до местных дам-с. Так, сдается, невидимкой к ним и подкрадывался. Шустрый малый.

Решил не отставать. Оделся, спустился: если что — а что? — ходил за почтой, освежался-просыпался, дышал! Прошел вдоль стены. У последнего, углового подъезда притормозил: ждал,

пока соседка обогнет дом и ее не будет видно из окон моей квартиры.

Появилась.

Улыбнулся, сыграл на опережение, поздоровался первым:

— Доброго утречка, уважаемые! (Не забыл и любимца).

Подумал: «У нее, наверное, все наоборот: муж — сова». Услышал:

— Ты смотри, Бублик, не только нам в выходной не спится. Интересно...

После «интересно» общий язык, взаимопонимание и обоюдно волнующие темы нашлись сразу. Условились: продолжим беседу позже...

Вернулся в неосторожно бодром настроении (расслабился), чем сильно разозлил соизволившую встать Ее Величество.

— С чего это у тебя глаза сияют? — вместо «Доброе утро, милый!» с подозрением прищурилась она.

— По тебе соскучился, вот и сияют. Хотят... — парировал как можно дружелюбнее, давал шанс, не чужая ведь.

Упустила (все же чужая!):

— Смотри у меня, — погрозила пальцем с ноготком большим, чем сам палец, и удалилась в ванную. Уже из-за двери услышал: — Не вздумай в сахарнице чайную ложку оставить. И хлеб не нарезай, словно инвалид безрукий. Крошек на весь стол. Ты знаешь, я нервная, за себя не отвечаю. (Так-так, пошла пробуждаться-расходиться, лучше бы дальше спала-молодела.) И вообще, равнялся бы на моего брата. Человек и младше тебя на десять лет, и институтов не кон-

чал, а какой умница, какой у него порядок в доме. Сходил бы на экскурсию. И работает не где-нибудь, а в богатой фирме. Денег — во! — не чета тебе, голодранцу! А что ты? За бесплатно студентам мозги с утра до вечера сушишь-полощешь! («А ты не сушишь, ты на них капаешь», — подумал, но сказать не решился. Привычка...) И это все, на что способен? — жена никак не могла угомониться. — Не зря брат не только видеть, но и слышать о тебе не хочет. Так и не пожелал знакомиться-родниться.

Включила воду. Бубнить продолжала, но теперь ее слушали только краны. Давай, давай, дери горло, разминай связки.

Тем временем события набирали обороты. До условленной встречи оставалось меньше часа, а я не только о цветах не побеспокоился, но и повода для исчезновения не придумал. Спасло «Величество» — свой игрок в чужой команде.

— Съездил бы на базар, — показалось оно из ванной с белым, как смерть, от крема лицом. — В холодильнике шаром покати, неужели ослеп?

«Да вроде бы не ослеп, — подумал. Припомнил: — Колбасы два сорта сохнет, сыр, масло, молоко, яблоки, рыба, лимонад, пирожные... Что еще? А-а... Вчера черная икра закончилась. Понятно, кроме столь изысканного деликатеса для нее любая другая еда — отрава».

Базар так базар. Видит Бог, сама напросилась. Если бы ведьма знала, что к базару сегодня прилагается, вряд ли проявила бы инициативу — ревнивая и жадная: ни себе ни людям.

Многие мужья и жены думают, что рано или поздно узнают (непременно!) эту страшную со-

кровенную тайну — изменяла им вторая половина хоть раз в жизни или нет. Но жизнь проходит, а супруги так и остаются в неведении, хотя про обоих известно и его друзьям, и ее подругам.

Снова отклоняюсь от курса. Быстро собраться и — в дорогу. Одна нога здесь, другая — там.

Оделся. Теперь, с не очень довольным видом известить: «Я ушел!». Выдержать ее «Ох, и попался же мне мумуччина (да-да, с удвоенными «му» и «ч»)!» — и в бой! Для некоторых и такой сойдет.

Соседка ждала, как и условились, у входа в кинотеатр «Мир». На вопрос-улыбку насчет планов заверил:

— Планов нет, но возможны экспромты. Может быть, Раубичи: говорят — сауна там приличная.

— Сто лет не была в таких заведениях, — тут же согласилась она, избегая слово *сауна*.

«Вот что значит человек мыслящий, вернее, понимающий! — оценил соседку по достоинству. — Для нее время — деньги. И слов подозрительных на ветер не бросает. С такой не пропадешь, не влипнешь в историю, не загремишь под фанфары», — сделал вывод в пользу более близкого знакомства с соседкой.

— Тогда — в путь! — призвал ее и себя, останавливая как по заказу выплывшее из-за угла такси.

Садясь, на всякий случай огляделся: никого, чисто. Ну и добренько.

— В Раубичи!

— Понятно! — бросил таксист в зеркало заднего вида. — За отдельную плату могу и подождать.

— А чего нас ждать? — отреагировал, поднимая брови. — Мы же не на пикник собрались. На работу едем, вернее — опаздываем.

— Конечно, — с ехидцей усмехнулся водитель. — Хорошая работа. Свежий воздух и так далее...

Я не стал выяснять насчет подковыристого «и так далее». Собаки лают, а караван идет. Так молча и добрались.

У входа в тихое двухэтажное здание не было припарковано ни одной машины. «Приехали, — вздохнул, — выходной». Не растерялся (а есть другие предложения?), подошел к двери, постучал.

— Кто главный? — спросил у появившегося на пороге в спортивном трико парня.

— По выходным — я за него. Но сегодня сауна не работает — сандень. Не повезло-о вам, — высоким сопрано выдал неожиданно парень. (Голубой, что ли? И где это я слышал столь высокочастотный голосок?) — Вот если промассажироваться желаете, — заметил он баксики (заначку от Ее Величества) у меня в руке, резко дернул головой — проснулся, — то это мы можем. У меня высшая категория. Я не какой-нибудь там самоучка безграмотный.

«Сообразительный мальчик, — прикинул. — Лет триста назад хороший холоп получился бы». И, сотворив небрежную улыбку богатого бизнесменчика, произнес:

— Желаем всего и по полной программе, кроме массажа — тут мы и сами как-нибудь разберемся. Включай котлы, не теряй времени. С оплатой решим. И не беспокойся, вряд ли сегодня твои боссы объявятся. Впереди женский день. Думаю, у них проблем и без тебя выше крыши.

Парень, сдается, обожал хруст заморских купюр, потому как, ощутив их в потной ладошке, спорить не стал, а пригласил присесть, заверил:

— Организуем все моментом!

И, больше не мешкая, удалился.

Соседка огляделась по сторонам:

— Беспокойно здесь как-то. Сдается, в таких местах особо любопытные телекамеры не поленятся вмонтировать.

Я усмехнулся:

— Это ты лишку дала, мы же не первые лица страны. Не из тандема «оператор-гэбист и прокурор-красавец».

Для себя отметил: «Молодец, волнуется, контролирует ситуацию, не спит, как моя, день и ночь. С такой и в самом деле не пропадешь. Флирт флиртом, а реноме превыше всего».

Дежурный оказался совсем не дураком, и котлы бурлили задолго до нашего приезда: к приему гостей парень был, как в детстве учили, — всегда готов.

С пониманием и чуть заметной ухмылкой дипломированный массажист проводил нас к заветной дверце, оказавшись за которой, понимаешь, что пока ты за нею, ты — в ловушке и, следовательно, всегда есть шанс, что она может захлопнуться (если вас отследили, конечно). Но

не ноем, не каркаем, надеемся на лучшее. К тому же — я воспрял духом, глядя на светящуюся (думается, в предчувствии легких денег) физиономию массажиста, — вряд ли микросхемки в камере или микрофоны парную выдержат, а ведь именно там многие как раз и любят кости старые размять, отдохнуть-позабавиться. А если и создали такое чудо, то, сдается, пар-жар не только глаза, но и объективы слезиться-потеть заставит. Не особо верится, чтобы любопытные парни разобрались в таком тумане, кто с кем и чем занимается. А тогда — какой смысл?

Соседка (теперь уже и подруга) разделась с ледяным — удивительная женщина! — спокойствием. Хороша. Груди из казавшегося под одеждой второго размера перешагнули в третий. Соски розовые, как щеки младенца. Бедра крупные, круто переходящие в шикарную попку-мяч. Везет же некоторым! Каждый день с таким мячиком играются...

Тело-наркотик притуманило сознание. Очнулся, входя в сладкое заветное место. Она охала, обнимала, словно боялась потерять. И я снова забылся.

Время летело.

Для кого-то неумолимо таяли последние в его жизни секунды.

Не очень глупый, вернее, совсем не глупый шантажист, простите, массажист, или, если уж до конца быть точным, массовик-затейник приставил к обратной стороне стены, разделяющей раздевалку «люкс-номера» и склад белья с дру-

гими банно-прачечными «аксессуарами», полутораметровую алюминиевую стремянку. Похихикивая, он потер тренированными пальчиками-живчиками известную штуку между ног и посмотрел, загорелся ли красный светодиод, означающий, что телекамера работает.

Горит. Пашет, родной! И как! «Глаз» объектива спецсоставом смазал — теперь не запотеет!

Не спеша (опытный: разные бывали случаи — как-то раз излишне подсуетился и загремел) самоучка-«режиссер» слез со ступенек, подхватил под мышку алюминиевую подругу-помощницу и отправился в «студию» — некогда комнатку для приема грязевитаминных ванн.

— Приз — в студии! — сказал, перефразируя одного усатого телепарня, облизываясь в ожидании. — Покажут ли сегодняшние гости что-нибудь стоящее? — нетерпеливо разорвал полиэтиленовую упаковку видеокассеты. Вставил коробочку в окошко видеомагнитофона, стоявшего справа от монитора на настенной полке над ванной. Нажал кнопку «запись», за ней — «пауза». Но последнюю тут же отпустил: — Смотри, не раздеваясь начали. Как бы прежде времени не спеклись. Босс за такое кино ни копейки не заплатит. Ан-нет, мужичок-то — ничего, пыхтит, старается. И где это я его видел? Или — слышал? О, ты смотри, и у меня дела пошли в гору. Давай, давай, поднимайся, слушайся папочку.

Когда двое на мониторе окунулись в бассейн и продолжили свое интимное занятие там, «режиссер» не выдержал: «Воду! Нужно налить воду, как у них!»

Включил кран. Лег.

Ванна заполнялась со скоростью света.

— Ух, — стонал «режиссер», преобразившись в актера. — А-а-а.

Удлинитель сетевого питания, к которому была подключена аппаратура, пошатываясь на краю настенной полки, словно ванька-встанька, долго думал, упасть ему или не упасть. Как бы что-то решив за самого Господа, он осмелился и прыгнул. Оп-па!

Актеру-режиссеру казалось, что так он еще никогда не кончал.

— О-о-о-о!!!

Железными клещами кто-то ухватил его за сердце и рвал из груди: «Р-раз! А ну еще! Р-р-раз! Р-р-р-раз! Тебе говорю — от-да-ай!!!»

«Сценн-арий непр-равильный! — сообразил через мгновение кинолюбитель, убиваемый током. — С водд-ой — перебор! Ж-жаждал полной имитац-ции».

«И-и-и — бах!!!» — вспыхнуло сознание.

Все. Финиш. Конец. Смерть.

Ванна, тело, вода, на ее поверхности — сгустки белой непрозрачной субстанции, и потухший монитор.

— Тик-а, тик-а, тик-а, — отнимали настенные часы время у парившихся в сауне.

Минул час.

«Режиссер» холодел.

Двое с мокрыми головами вошли в фойе.

— А где же здесь волосы сушат? — поинтересовалась она, но, увидев нужный агрегат явно

импортного производства, улыбнулась: — Хорошая сауна, все по высшему классу.

— Отличная! — согласился он. — Супер!

Выходили довольные и счастливые.

— А массажист, — повернулась женщина к своему кавалеру, — нормальным парнем оказался, зря ты про него что-то бурчал. Я, кстати, еще когда заходили, подумала: «Симпатичный юноша, причесанный, аккуратный, такой не подведет». Молодец, а? Догадался: в подобных случаях лучше не провожать, дать гостям уйти по-английски, не смущать их.

— Да, теперь таких редко встретишь, — согласился он. — Добродушный малый.

Через день я нес гроб с добродушным — младшим меня на десять лет братом жены.

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

О ПРЕВРАТНОСТЯХ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

В неполные пятнадцать попал я на турбазу «Юность», построенную на закате зрелого социализма недалеко от знаменитой песчаной косы на озере Нарочь. Там и влюбился в самую красивую в лагере девчонку с волшебным именем Наташа. Влюбился не по-детски, а по-настоящему! И самое главное — она ответила взаимностью.

Мы были вне себя от счастья, боялись расстаться даже на минуту. Едва оказавшись наедине, теряли головы: липли друг к дружке, обнимались, целовались! Бегали на свидания по ночам, хотя и знали, чем это могло обернуться. Но — удивительное дело! — мы проявляли недюжинные трезвость и осторожность, оберегая свои встречи от бдительного ока дежуривших воспитателей. Даже соседи по палатам первое время не знали, что далеко за полночь мы бродим вдоль берега, плаваем, прокладываем курс от ковша Большой Медведицы к Полярной звезде и — мечтаем, мечтаем, мечтаем. Боже, о чем мы только не мечтали! А прежде всего о том, чтобы поскорее окончить школу, стать взрослыми, самостоятельными, сыграть свадьбу и нарожать много-много детей! Чем больше — тем лучше! Веселее! Правда ведь?

Кажется, я и сегодня помню, чувствую, как всякий раз томительно было ожидать, пока ре-

бята в домике заснут. Их ровное притихшее дыхание служило сигналом к подъему. Наташины подружки — девчонки есть девчонки! — засыпали быстро и споро, и к условленному месту — старому полуразрушенному пирсу у косы — Наташа всегда приходила раньше меня.

Помню первую ночную встречу там, у пирса. Наташа неожиданно сдернула с себя все, даже купальник, какое-то время смотрела сквозь меня, словно не замечая моего присутствия, а потом с разбегу бросилась в воду! Впору было остолбенеть. В конце концов, вряд ли соображая что-либо, я тоже избавился от майки и плавок и — к ней.

С той поры мы только так и делали: сбрасывали одежду и окунались в бездонную ночную прохладу Нарочи. Как прекрасна была Наташа в лунном свете! Капли искрились серебром на ее бронзовой от загара, нежной и теплой коже, но скатываться не спешили...

Мы плавали, ныряли, гонялись друг за дружкой, обнимались и тонули, разнимали объятия и всплывали.

Выходили из воды тоже по заведенному с первого раза порядку: Наташа приотставала, обнимала меня сзади за плечи и так, паровозиком, медленно, нога за ногой, мы брели к берегу. Выйдя, падали на холодную от росы траву. Наташа льнула ко мне, согревала, словно ребенка, своим телом, шептала: «Мой милый мальчик!». Сладостно туманилось сознание от этих пьянящих слов.

Погружаясь в один из таких туманов, мы и решились на самое-самое... В первый раз...

Я и сейчас не очень понимаю, как и почему это случилось. Я словно подчинялся чьей-то воле, желанной для меня. В нашем дивном спектакле режиссером, безусловно, была Наташа, а я — самоотверженным и страстным актером. Она подсказывала, учила и ставила передо мной задачи и сверхзадачи, а я, отдаваясь во власть ее пленительных чар, головокружительно, самозабвенно парил в неведомых доселе высотах, взмывая и падая до смертельно-сладостного замирания сердца.

Но это я теперь так рассуждаю, а тогда...

Мы были просто счастливы! Нас было в лагере лишь двое. Для нас не существовало никого и ничего. И мы забыли, да и вряд ли знали, что там, где двое, всегда присутствует третий — судьба.

Однажды, забредя дальше обычного, мы случайно попались в сети, расставленные совсем не для нас: рыбнадзор с милицией устроили облаву на браконьеров. С ними был и участковый. Он проявил власть — задержал «пионеров»: занимались, мол, не тем, чем положено. Мы были раздавлены его грубостью и пошлыми рассуждениями относительно ранних половых связей. В конце концов мы оказались в отделе милиции, где и должны были дожидаться рассвета. Но у Наташи при виде грязной бетонной камеры с железной решеткой-дверью сделалась истерика, и от малолеток решили избавиться: через час нас доставили прямиком к вагончику начальника лагеря. Тот, поморгав спросонья глазами, отложил разбирательство до утра и отправил ночных гуляк спать. Правда, перестраховался: приказал

выставить посты из числа вожатых у наших домиков.

Приговор зачитали на утренней линейке:

— За нарушение режима — пребывание вне территории в ночное время суток — отчислить Наталью К. из лагеря и отправить домой ближайшим автобусом.

«Одну?! — удивился я. — А меня? Ведь мы были вместе! Я же — мужчина! Это меня в первую очередь должны наказывать!»

Рванулся из строя:

— Товарищ начальник лагеря! Разрешите...

— Послушай, Ромео, — с неожиданной силой дернула меня за руку старшая пионервожатая. — У тебя совесть есть? Забыл, что твоя мать представлена к ордену? Хочешь опозорить передовика производства?

Маму я позорить не хотел.

— Становись в строй! — приказала. — Вопрос исчерпан. — И добавила язвительно: — Тоже мне герой нашелся!

Наташу отправили в тот же день перед тихим часом под бдительным присмотром физрука-культуриста. Она сидела в кабине старой полуторки (на этой ломачине, как называл ее повар, в лагерь завозили продукты) и безмолвно плакала. Я смотрел на нее сквозь мутное стекло и еле сдерживался, чтобы самому не разрыдаться. Горький комок подкатил к горлу, когда машина тронулась. «Все! — подумал, глотая поднятую ею пыль. — Жизни моей — конец».

До окончания смены оставалось еще почти две недели. Они мне показались годом. В пос-

ледние дни я, как возмущалась старшая пионервожатая, совсем отбился от рук: в открытую уходил за территорию лагеря, заплывал за буйки, не спал в тихий час. По ночам, спрятав под подушку черно-серебристый «ВЭФ», слушал по радио «Би-Би-Си» Севу Новгородцева. Короче, нарывался на скандал. Но меня словно не замечали. Наверное, из-за мамы.

В день отъезда первый ворвался в один из прибывших за нами автобусов.

— Рановато место бронируешь! — поднял на меня глаза пожилой водитель. — Выезд после обеда. Ваш начальник обещал нас ушицей накормить.

«Какая еще ушица! — моему возмущению не было предела. — Неужели не видите, что мне больше невмоготу?! Наташа, милая моя девочка, как ты там? Я так давно не видел тебя! О, как я хочу тебя обнять!»

Казалось, прошла вечность, прежде чем автобусы тронулись в путь.

Все три часа дороги я видел за окном Наташу: обрывающиеся на талии волосы, нежные подушечки щек, большие, удивленно раскрытые голубые глаза, мягкие, податливые губы.

«Наташа!» — зову я.

Не слышит! Улыбается, бежит к воде. Что-то говорит, показывает, объясняет.

Эхом долетает чей-то смех. Чей?

Ребята растолкали: очнись, соня, приехали!

Высадили нас там же, откуда забирали, — у заводского Дома культуры. Хотя прибыли раньше назначенного времени — водители всегда как-то выгадают! — встречающих было пруд

пруди. Шум, смех, радостные голоса: молодец, поправился, загорел, подрос!

Мама не пришла. Она загодя дала знать об этом в письме: «У меня всю неделю — вторая смена. Сам понимаешь: лето, многие в отпусках, заменить некому. Так что вкладываю в конверт талончик на транспорт и рубль на виноград. Ключи у тети Евы». Речь шла о соседке.

В другой раз отсутствие мамы огорчило бы меня: мы жили душа в душу, не таили друг от друга секретов и почти не расставались. Но сейчас я был даже рад тому, что мамы нет. Это мне как раз на руку: сразу же, не теряя времени, поеду к Наташе. Слава Богу, адрес ее добыл. Не знаю почему, из каких таких побуждений, старшая вожатая сжалилась и переписала мне из отрядного журнала Наташины ориентиры в нашем и в ту пору уже огромном городе: «Улица Солнечная, дом 12, квартира 7».

Заглянув еще раз в скомканный листок, хотя и без того помнил адрес наизусть, я выскочил из автобуса. Увесистый чемоданчик (мама, собирая меня в лагерь, втиснула в него почти весь моей гардероб) больно бил по коленке, но это даже подстегивало — вперед, быстрее!

Вот и Солнечная! Номер двенадцатый на той стороне! Есть! Подъезд, конечно, первый. Перемахивал через три ступеньки. Второй этаж. Квартира семь! Приехали.

Светло-коричневая обивка двери была поделена золотыми шляпками гвоздей на равные ромбы. Красиво! Красиво и дорого. Это немножко остудило меня, заставило оторвать руку от кнопки звонка. В те времена мало кто позво-

лял себе такую роскошь — обивку двери. «А Наташка, видно, из богатой семьи! Кто родители? Не говорила почему-то. Может, не стоит беспокоить? Кто я такой, если разобраться?»

Смутился, поднялся на пол-этажа. Присел на батарею под лестничным окном. «Вдруг ее мама откроет? Спросит, что мне нужно?» Да, не подумал об этом. А ведь вполне может быть, что откроет мать. Или отец...

Но не сиделось. «Была не была. Ну и пусть откроет мама. Чего бояться? Я же не вор. Спросят — так прямо и скажу: вместе с вашей Наташей был в лагере, она забыла платок, а я его привез, вот, пожалуйста... Да и не такие уж, наверное, ее родители большие начальники, если их дочку из лагеря исключили».

Убедил-таки себя. Спустился, позвонил. За дверью послышались шаги. Не выдержал, отступил немного, напрягся...

Щелкнул замок. Дверь отворилась.

Наташа! И еще красивее, чем была! В длинном ярком халате — прямо восточная княжна!

— Ты? Откуда? — ступила ко мне. О чем-то хотела спросить еще, но, словно опомнившись, торопливо прикрыла за собой дверь. Наконец полюбопытствовала: — Сбежал из лагеря?

Хотелось прихвастнуть: да, мол, сбежал ради тебя! Но лгать не умел. Сказал как было:

— Сбежать не посмел: мог бы навредить маме. Просто смена кончилась. Я прямо из автобуса, вот — с чемоданом, даже домой не заходил. Очень скучал по тебе. Думал, умру, — не сдержался, шагнул к ней, замер, почему-то не решаясь обнять. Застыдился чего-то?

— Все с вами ясненько, — слегка отстранилась Наташа. — Мама для тебя всегда была самая-самая...

Внизу в подъезд кто-то вошел. Дохнуло свежим воздухом. Сквозняк распахнул неплотно прикрытую дверь с выбитой желтыми гвóздиками цифрой «7».

— Кроха, что так долго? Беги скорее к папочке! Он тебя еще чему-нибудь научит... — в проеме появился высокий ладный парень в стройотрядовской форме.

Не сразу дошло, кто это и какой такой папочка. Стоял, смотрел и, наверное, глупо хлопал глазами.

«Не скучала... — почувствовал, как похолодело внутри. — Предала...»

Парень увидел меня. Хмыкнул. Перевел вопросительный взгляд на Наташу:

— Что еще за детский сад?

— Эдик, — тонкие Наташины брови недовольно взметнулись, — зачем ты так? Это Валик. Мы с ним в одном лагере отдыхали...

— Да уж вижу, что не в ресторане. Небось, в нормальные места парня еще не пускают?

— Эдик, ну хватит тебе! Валик хоть и невысокого роста, но очень хороший и честный мальчик.

«Мальчик! — отдалось эхом в голове. — Хороший и честный мальчик!»

— А ты — нечестная!

Сразу я бросил ей в лицо эти слова или обождал немного? Не помню. Наверное, сразу, с ходу сорвались. В ту минуту это были самые

обидные и самые гневные слова, какие могли прийти мне в голову.

Выпалил я их, повернулся и опрометью бросился вниз. Телом распахнул тяжелую подъездную дверь. Вывалился из ненавистного дома номер 12 на улице Солнечной. Мчался не оглядываясь, не обращая внимания, что чемодан снова больно бьет по коленке. Ничего не видел — бежал, бежал, бежал. Убегал от нее и от всего. От первого поцелуя, от первых бессонных ночей, от первых мук сердца.

Тогда я не знал, что от первой любви никому и никогда не убежать!

ЗАПАХ «ENVOL»[1]

I

Для начала октября погода стояла отменная: тепло — около двадцати, солнечно. В вагон садиться не хотелось. Турпоездка выходного дня для работников института была бесплатной, но это мало волновало Владимира. Коллеги, может, и позарились на дармовщинку, а он? Его-то что за нелегкая сорвала с места? И теперь, перед самым отъездом, засомневался, в какой-то нерешительности медлил на перроне, прикидывал: а есть ли смысл кататься? Чего он не видел в тех захолустных Черновцах? Будет ли там теплее настолько, чтобы, скажем, искупаться? В этом своем раздумье уже было повернулся идти домой, как вдруг кто-то положил руку ему на плечо:

— Поехали, не пожалеешь! Я — экскурсовод. Зовут Александром. Для своих — Алекс. Каждые выходные вожу в Черновцы вашего брата. Поверь, еще никто не пожалел, что побывал в тех сказочных местах. Заселимся в гостиницу, что прямо у подножия скалы притаилась. А воздух

[1] «Энволь» (взлет, парение) — сверхпопулярный в СССР в 1980-е годы дезодорант французской фирмы «Lancôme». Выпускался с 1950-х до второй половины 1990-х годов филиалом компании в Марокко.

какой вокруг! Кристалл! Мозги в два раза быстрее вращаются! Короче, не волнуйся, все будет по высшему классу, супер, обещаю.

«Смотри-ка, обещает, гарантирует», — повеселел Владимир, и вопрос, ехать или не ехать, был для него решен. Да и против свежего горного воздуха у кого могут найтись возражения?

Незаметно они подошли к середине состава, поднялись в вагон. Экскурсовод привычно, как к себе домой, свернул в первое же купе.

— Ты присядь перед дорогой, — похлопал Владимира по плечу, — а я пройдусь, посмотрю, что за контингент собрался. Кадры, как говорил строгий дядюшка Джо, решают все.

«Хороший экскурсовод — веселый, свойский, — улыбнулся Владимир. — Еще не поехали, а уже, считай, повезло».

Вскоре поезд тронулся. Александр возвращаться не спешил, и Владимир снова засомневался: «Все-таки поехал. И как убить трое суток во тьме тараканьей? Пить день и ночь? Не лучший вариант. А который лучший? Все же зря поддался на уговоры. Сколько всего можно было бы за выходные переделать! Обстановка в стране революционная. Перестройка! Кто-то кредиты миллионные вырывает. Кто-то тоннами сахар из региона в регион с сумасшедшей дельтой перекидывает. Некоторые, ранее и с таблицей умножения не очень-то знакомые, к компьютерам стали неравнодушны. А ты? Едва дела в диск-кафе в гору пошли, только заведение стало, как говорится, на слуху, приобрело популярность, и на тебе — в глухомань. Молодец! Ничего лучшего не придумал. Неужели халявка со-

блазнила? Давненько за профсоюзный счет не ездил? С паршивой овцы хоть шерсти клок?»

Ироническая, с оттенком горечи усмешка проявилась на его устах. Да, теперь он может и поизмываться над собой: сделался богатеньким. Значит, с себя прежнего не грех и посмеяться. А если серьезно, то в чем же тут все-таки соблазн? В предчувствии чего-то необычного, что произойдет в этой поездке и перевернет всю его жизнь? Покачал невесело головой, как бы удивляясь тому, какой он, оказывается, еще зеленый мальчишка, если вот так наивно верит, или, по крайней мере, надеется на какое-то чудо.

— Опять захандрил? — появился наконец Александр-Алекс. — На минуту оставить нельзя! Хватит строить из себя вечного страдальца! Слушай новости. Сейчас повеселеешь. Я обошел вагон, прикинул, что да как. Нашего с тобою брата — ну, ты меня понимаешь — насчитал ровно десяток. Причем пять на пять. Оптимальное, отмечу, соотношение. Себе подругу вроде бы присмотрел. Очередь за тобой. Посоветовал бы атаковать соседку моей по купе, но боюсь, она — штучка недоступная. Руки — в золоте, на ушах — бриллианты, одета — словно в Голливуд на церемонию вручения Оскаров собралась. Да и сама — красотка атомная. А запах какой в ее купе! Казалось, в парижский парфюмерный магазин попал. Голова пошла кругом. Таких мадам-с в наших поездках не встречал. Она из другой оперы. Случайная, залетная пташка. Впечатление, что от мужа-миллионера на пару дней развеяться сбежала. В народ окунуться. Может,

за нею и погоня несется? Самый что ни есть детектив разворачивается, а ты — скучаешь. Впрочем, смотри сам. Вижу, тоже не простак. Джинсы «Levi's» — фирма без вопросов. Кроссовки с тремя полосками, как у сборной Союза. Короче, думай, а я пошел сколачивать уставный капитал. Надо же как-то вас объединить, сплотить, создать коллектив единомышленников по расслаблению и веселому образу жизни. Иначе всю поездку просидите, зашившись в номерах. Известное дело, проходили. Знакомиться надо еще в поезде, не то местные джигиты малину могут перебить. Они все при деньгах. А бабки кому угодно голову вскружат. Помогающий же сближению допинг в полевых условиях, сам понимаешь, один — вино. И чем его больше, тем быстрее сближение. Проверено...

Александр, он же Алекс, он же Сашка, извлек из своего дипломата видавшую виды безразмерную холщовую сумку и вышел.

«Экскурсовод что надо, — снова похвалил Владимир парня, — активный. Другой на его месте замямлил бы: сегодня отдыхаем, все вопросы по приезду. А этот — с ходу в бой. Молодец, не сачкует. Повезло нам, однако».

«Повезло». Это слово почему-то осело в голове и чем-то тревожило. Говорят, если повезло сначала, так будет везти и дальше. В чем? В любви? Как в той известной песенке из советского боевичка про белое солнце пустыни? Но там же везло, думается, в смерти, а не в любви! Или наоборот?

Хорошо, если бы повезло как раз в любви, ибо последняя почему-то обходила его. Видно,

сам виноват. Слишком высокими мерками мерил. Слишком идеальные идеалы вырисовывал и выискивал. Чтобы — как сладкое головокружение и на всю жизнь! Чтобы — аж дух захватывало, разрывались-плавились сердца!

И губы в который раз снова дернулись — теперь даже с какой-то язвительностью: какой же он дурак! В трехдневной пустопорожней пьяной (конечно же, не без этого!) прогулке мечтает встретить большую и светлую любовь! Ах-ах! Святая простота! Наивность, говорят, как и доброта, украшает и даже, возможно, спасает мир, однако чаще всего подводит отдельного человека.

Алекс не задержался. За ним в двери показались официант (выдавала одежда) и пара кавалеров. Владимир догадался: из их, мужской пятерки, про которую говорил его однокупейник и новоиспеченный приятель. Под чутким руководством экскурсовода они немного приняли и теперь расслабились, улыбались. Один, шустрый, с ходу представился: «Виктор!» — и щелкнул каблуками, как унтер-офицер в большевистских кинофильмах. Хохмил, исходил весельем. Уже через секунду доверительно говорил Владимиру:

— Алекс сказал, ты на миллионершу глаз положил. Что ж, дело хозяйское. Мы поскромнее, на королев не заглядываемся.

— Не болтай, Витек, лишнего, — перебил шутника Алекс. — Сбегай-ка лучше за сигаретами. Про курево совсем забыли.

— Организуем, — покладисто ответил Витек и испарился.

Алекс представил Владимиру второго из их пятерки:

— Это Сергей.

— Володя, — пожал он руку высокому русоволосому, с добродушным лицом парню. — Ну вы, черти, и набрали! — оценил количество выложенных на стол закуски и напитков. — Именины у кого или день учителя решили отметить?

— У меня день рождения, — засмущался Сергей. — И зарплату вчера получил. Так что... Кстати, моя мама действительно учительница.

— Не робей, Серега, здесь все свои, — подбодрил его Алекс. — А где же наш пятый? — вспомнил про «пять на пять». — Бреется? Ишь ты, какой у Витьки сосед предусмотрительный. Между прочим, твой конкурент, Володя: у него тоже виды на миллионершу.

— Кончайте, без меня меня женили, — незло возмутился Владимир. — Чем слушать вашу болтовню, загляну лучше в тамбур, освежусь на холодке.

Вышел в тамбур и столкнулся со свежепахнущим «пятым» — как он без труда догадался. «Ничего с виду паренек, опрятный, — прикинул. — Пожалуй, слишком. Действительно конкурент! И, возможно, опасный. Как у него насчет серого вещества, то бишь интеллекта? Надо посмотреть».

— Добрый день, — поздоровался Владимир. — Сдается, вы из наших, черновицких?

— Да, вы правы. Экскурсовод, Александр, кажется, известил, что сбор в его купе через пятнадцать минут. Вас, наверное, послали меня из курилки выкурить, — скаламбурил «пятый».

«Не хватало, чтобы меня кто-то куда-то посылал», — Владимир почувствовал не подкат ли

злости и ответил в таком же легко-ироничном тоне:

— Да нет. Просили найти кого-нибудь в помощь девчонкам — стол сервировать.

— Что ж, можно и помочь, — «пятый» загасил сигарету и прошел в вагон.

«Не такой уж и змей, зря злился. И вообще, мужская половина, кажется, на высоте. И в дополнение — ни одного знакомого», — уже совсем спокойно подумал Владимир, затягиваясь ментоловым «ВОК».

Сигареты накануне по неопытности (курением баловаться стал недавно, как деньги завелись) купил самые дорогие, не зная, что за они. Полагал, дороже — лучше. А они оказались дамскими, почти безникотиновыми, накуриться ими было невозможно. Потушив третью по счету, бросил пачку в тамбурную мусорницу. «Пора бросать портить легкие, пока не пристрастился», — решил для себя и вернулся в вагон.

В их купе раздавался громкий смех, временами перебиваемый отработанным баритоном хозяина.

Когда Владимир отодвинул двери, в формуле «пять на пять» оставалась одна-единственная вакансия.

— Приветствуем!

— Здрасте, здрасте! — послышались голоса.

Ответил с улыбкой:

— Добрый вечер, господа хорошие. — С поклоном, не по-модному, но элегантно представился: — Владимир.

Осмотрел повеселевшую от первого стакана братию. К сидевшей у окна взгляд словно при-

лип. «Та самая, недоступная», — догадался. С ходу отметил: на вид — лет двадцать, возраст девушки-женщины. Глаза — большие, иссиня-черные. Волосы — пышные, волнистые, как у мулатки, кожа — белая, чистая, губы, щеки, носик — все прекрасно, идеально, цельно. И — туман от Франции. Пьянящий туман. Захватывающий, гипнотизирующий, парализующий. Не иначе хваленый «Энволь».

Она почувствовала взгляд Владимира, приняла его, захватила, сожгла, уничтожила, бросила свой, впилась, выжала, как лимон, отпустила, улыбнулась. «Да-а, — согласился Владимир с опытным Алексом, — недосягаемая и опасная. Колдунья. Таких сжигали на площадях. А я всегда жалел горящих ведьм. Может, и зря...»

Алекс был истинным профессионалом в своем деле, и ночь пролетела — как мгновение. Опомнились под утро. Приторможенные усталостью, затихли. Понемногу расползались по своим купе. Знакомство состоялось, хотя пока — общее. Пары не сформировались, но некоторое сближение произошло.

— Для начала — неплохо, — зевая, подвел итог Алекс, когда они остались в купе вдвоем. — Теперь до вечера — тихий час, а там снова в бой. Покой нам только снится. Се ля ви.

Владимир реагировал на выводы и разглагольствования Алекса спокойно. Ничего нового под этой белой Луной. Все — как и можно было ожидать, как и заведено в дорожных, на скорую руку, застольях. Разве только одно исключение — Марина. Божье создание — красоты не-

обыкновенной. И в самом деле — просто идеал! Мечтал такую встретить, хотя, наверное, и не надеялся, что она есть, существует в реальности. Не земное — небесное великолепие. И сама не лучше ли других понимает: не просто женщина — Богиня! И ненавязчиво, почти неуловимо, подчеркивает это, поддерживает над идеально-безупречной головою нимб своей исключительности. Будто говорит: «Смотрите, любуйтесь, однако же... Не надейтесь! Не рассчитывайте! Не лезьте с признаниями!» Банальное «се ля ви» Алекса здесь ничего не объясняет: кроме Марины, никакого другого «ля ви» там не было.

Мысль оборвалась неожиданным похрапыванием Алекса. Владимир опомнился, позавидовал: «Умеют же люди вот так лечь и сразу отключиться и уснуть. Счастливый человек. Нервы — железные».

Но вскоре сдался и сам. Нервы нервами, а организм свое взял.

Разбудила их проводница:

— Вставайте, ребята, а то и умыться не успеете. Скоро Черновцы.

— Вот так прилегли, — тяжело просыпался Алекс. — Дали маху. Ладно, на месте наверстаем. И смотри ты, никто не разбудил. Все же тихая группа собралась, интеллигентная. Срочно надо что-то предпринимать. Эти скромняги весь отдых способны загубить.

На вокзале Алекса встречал его коллега и, по всему видно, друг сердечный Молдаван (так Владимир окрестил его за черные кудри и весе-

лый нрав) с пролетарским именем Артем. Он-то и пригласил их «немного прокатиться».

— Садитесь, не стесняйтесь, — сразу взял руководство в свои руки. — Добро пожаловать в украинскую Швейцарию!

Ехали недолго, но и за это время шустрый и веселый Молдаван многое успел рассказать об истории Черновцов. Говорил и о знаменитом своем земляке, но, засмотревшись на местные красоты и раздумывая о чем-то своем, Владимир прослушал.

Расселил Артем минчан в двухместных номерах. Владимира, конечно, Алекс с собой пристроил. Он приметил его и проникся симпатией еще на вокзале в Минске, а затем в поезде, когда на вопрос, откуда берут деньги на такой, как у него, прикид, Владимир ответил, что по ночам ведет эксклюзивную дискотеку, на которой основным контингентом являются представители зарождающегося капиталистического класса. Тогда Алекс резюмировал: «Понятно, нет вопросов».

Когда вошли в номер, сопровождавший их комиссар Молдаван (жарища, а он в кожанке), обратился к Алексу:

— Точно не помню, но, кажется, в этом номере ты еще не жил?

— Так и есть! И почему ты спросил, догадываюсь. Наслышан о вашем знаменитом композиторе.

— Да, Саша. Он провел здесь последние дни. Кутил неимоверно. Под стать своему таланту. Деньжищ оставил! Столько, наверное, не про-

шло через здешнюю бухгалтерию за все годы Советской власти.

— Вы это о каком-таком земляке-миллионере вспомнили? — полюбопытствовал Владимир. — Расскажите непосвященному, сделайте одолжение.

— Тут, Володя, никаких секретов нет. Этого человека ты знаешь, — ответил за Артема Алекс. — Помнишь, песня когда-то была: «Червону руту не шукай вечерами...»

— Еще бы, ее весь Союз несколько лет подряд напевал.

— Так вот это он написал. И «Водограй» его вещь, и другие.

— Так вот о ком речь! — удивился Владимир. — Печально. Не люблю, когда хорошие люди раньше времени уходят. А что с ним случилось?

— Погиб, убили. В лесу нашли. Несколько дней пролежал.

— Именно таких и убивают! — теперь уже гневно сказал Владимир. — Серость не тронут. Те по сто лет землю несчастную топчут. А как талант, так — давай, режь его, вгоняй в гроб!

— Ладно, ребята, не надо о плохом, — попытался сменить тему Артем. — Вы же отдыхать приехали. Так что — располагайтесь. А я снова на вокзал. Наплыв в эту осень — как никогда. Если понадоблюсь, Саша знает, где меня найти. Все, убежал. Пока!

Собраться решили в их номере — самом большом. Сходились, как старые знакомые: улыбки, шутки, взаимные комплименты. Напитков набрали море и разных (хотелось отведать всего), и вскоре местные, а больше крымские

вина дали о себе знать. Хорошее вино, как и красивая женщина, поднимает настроение.

Десятка оказалась юморная, и хохот-смех стоял неудержимый. Дежурная по этажу забежала было повозмущаться, но, выслушав галантные извинения Алекса (при этом в ее руки нечто от него перешло), величественно отплыла восвояси.

Так уж получилось, что каждый рассказал свою историю — как он до такой жизни докатился. На подпитии с языков слетало такое, что при других обстоятельствах не сказалось бы и по принуждению, и мало-помалу гостиничный номер становился для всех родным, общим домом.

История Марины вкратце была такова. Работает в институте, который год назад и закончила. Замужем недавно, несколько месяцев. Живет на Броневом («Да, да, в том самом цековском доме», — без жеманства ответила на чей-то вопрос). Свекор — министр. Муж — начальник одного из отделов Совмина. Живут с его родителями на одной площадке. В поездку выбралась, можно сказать, случайно. Одноклассница мужа Лариса позаботилась, уговорила его: отпусти жену проветриться. Соскучится — больше любить будет. Муж ответил, что живут они не при царе Горохе и, конечно, пусть голубка полетает малость в горах Карпатских. Так Марина очутилась в Черновцах. «И абсолютно не жалею. Природа здесь — изумительная! А дышится! — блеснули ее глаза. — Словно заново родилась. Спасибо Ларисе. А перед отъездом, глупая, волновалась, всю ночь не спала».

— Это ты зря, — поднял Алекс стакан: когда он был, как говорится, при деле, для него не существовало авторитетов. — Перед такими поездками надо отдыхать. И не одну ночь, а три. Три сонные ночи против трех бессонных! Шучу, — уточнил, поймав вопросительный взгляд Марины. — Одним словом, проехали. Вижу, у всех налито. Молодец, Сергей, сразу видно — именинник. Так, за Сергея пили. Придется свежий тост распечатать. Слушаем-запоминаем. У одного несчастного жена была красавица — глаз не отвести, но абсолютно не умела готовить, и парниша постоянно голодал. У второго бедняги супруга родилась великолепной кулинаркой-поварихой, но была настолько страшненькая, что спать с ней требовало большого напряжения и усилия воли, отчего муж постепенно становился безразличным, притом не только к ней. Так выпьем же за то, чтобы каждый из нас был не голодным и жаждущим!

— Лучше за прекрасных дам! Ради них можно и поголодать! — поднял бокал Владимир.

Казалось, веселье в номере продлится до рассвета и кончится бог весть чем, но бдительный Алекс очнулся вовремя.

— Как думаете, господа, не настало ли время присоединиться к местным ресторанным активистам? На мир посмотреть и себя показать? Я правильно мыслю?

— Правильно, — выдохнула компания хором.

— Тогда — вперед!

В ресторане все было готово. Явно Артем подсуетился: сдвинуты три столика, заставлены-

засервированы как-то по-особенному, даже вазы с цветами возвышались. Угодливый метрдотель с улыбкой до ушей встречал «почти земляков» у порога:

— Сюда, кали ласка, братки-белорусы, сюда, кали ласка!

Алекс и тут не оплошал. Девчонок рассадил аккурат напротив запланированных кавалеров: предоставил возможность перед последней, танцевальной прикидкой лицезреть друг друга чуть не в упор. А главное — это была прикидка перед надвигавшейся, как ураган, ночью.

Владимир, само собою, оказался напротив Марины. Так и должно было произойти, относительно как раз такого раздела консенсус достигнут давно, тем не менее — обрадовался. Точно знал: когда его сердце сбивается с ритма и неровно дышат легкие — это добрый знак.

Разогревало, придавало смелости не только вино, но и музыка. Оркестр снова и снова поднимал компанию из-за столов. Отменными танцорами показали себя все минчане.

Владимир любил и умел танцевать, и потому его обрадовала ловкость и неутомимость земляков в танцах. «Хорошую компанию сколотил опытный Алекс», — снова в который уже раз похвалил его.

Минчане закрутили карусель, и разобрать, кто в ней и с кем вращается, стало невозможно. И Владимир решил: пора выдать все, на что способен, и тем самым окончательно утвердить за собой право выбора. Прыгнув в центр, он закружился юлой по паркету. Был такой модный танец: то на спине вращаешься, перекидывая

туда-сюда ноги, то на животе — довольно сложное упражнение.

Все обступили его, горячо хлопали в ладоши, пританцовывали, смеялись. Улыбнулась и Марина. «Наконец-то! — заметил это и поддал себе жару Владимир. — Всего одна улыбка, а пиджака на мне уж нет, — прикинул. — Как бы капут не пришел пиджачку французскому. И кто кого, скажите, начал первым раздевать?»

Подумал так Владимир и — опешил. Марина, понятно, пленила и не отпускала, однако же и не высказывала согласия. Тем не менее возвращался за стол с надеждой. Прилизанный «пятый» после его «юлы» сдался и переключился на полноватую Светлану, выпускницу нархоза.

Назначенный Алексом ответственным за «наливай», Виктор исполнял свою роль исправно, а пился натурпродукт легко, как сладкая водица, и вскоре все порядком опьянели (особенно сам виночерпий, усердно пытавшийся напоить свою соседку — рыженькую Наташу, а получилось наоборот). Соображали плохо, но танцевали, словно заведенные. «Юла» Владимира подстегнула даже скромного именинника Сергея, и тот наконец-то осмелился обнять сверхдлинноногую Тамару, которая, на его удивление, только этого и ждала.

Неожиданно музыка оборвалась, и не в меру шустрый для своих лет саксофонист, призывая к тишине и вниманию, постучал по микрофону и объявил:

— Дорогие друзья и гости нашего города! Концертная программа подошла к своему финишу. Мы были рады играть для вас, но время,

сами понимаете, позднее, пора расставаться. Благодарим за внимание и...

— Никаких «и»! — первым отреагировал Владимир. — От имени гостей города, то есть от нашего имени, благодарю вас за доставленное удовольствие. Большое спасибо! И, если можно, один вопрос: могу ли я побеседовать с лидером группы?

— Почему нет?! — бодро ответил саксофонист, довольный тем, что его назвали лидером группы, а не каким-то там руководителем ВИА. Спустился, улыбаясь, со сцены, подошел к столику.

— Друг, — начал Владимир, — играем — пока сидим, платим — с учетом ночного коэффициента.

— Сотка! — назвал музыкант потолочную цену и быстро добавил: — Ничего не могу поделать: ребята устали, на меньшее не согласятся.

Он намеревался еще что-то сказать, но Владимир перебил:

— Получите! — впихнул пять четвертных в верхний карман пиджака лидера. — Для начала, думаю, хватит. Начинайте с «Червоной руты». — И, обернувшись к сидящим, спросил: — Я правильную вещь заказываю?

— Само собой, — проснулся задремавший на миг Алекс. — Даешь продолжение банкета!

— И насчет банкета, — спохватился Владимир. — Где наш славный метрдотель? Ах, вы здесь?! Хорошо... Тогда, пожалуйста, — стол! Новый! С нуля! Все меню! Поехали?

— Поехали так поехали! — быстро отреагировал вымуштрованный метрдотель.

Два раза в Черновцах никому ничего повторять и объяснять не надо, и вскоре скатерть-самобранка ожила, зашевелилась, задымилась горячим, запахла салатами, засветилась фруктами, красивыми бутылками и много чем еще.

Открывшееся второе дыхание помогло всем разбиться на пары. Оставались только двое неприкаянных: Марина и Владимир. Он понимал, что это тот случай, когда жертва сильнее палача, и к последнему раунду требовалось придумать какой-нибудь особо эффектный маневр. Какой? Сыграть ва-банк! Пан или пропал! Сжечь все мосты к отступлению! Подтолкнув Алекса, Владимир шепнул ему несколько слов, и тот, понимающе кивнув головой, шмыгнул за двери. Владимир истомился в ожидании.

И вот он настал, задуманный решающий момент. К столу монументально подплыл метрдотель.

— Номер «люкс» для вас подготовлен, — пропел и на ладони протянул Владимиру большой брелок с маленьким, как от чемодана, ключиком.

Владимир брал ключ, а сам краем глаза наблюдал за Мариной. «Как она отреагирует? Не спросит ли: “Для кого — для вас?” Не встанет ли, чтобы с высоко поднятой головой выйти из зала? Взялась за бокал? Не услышала или делает вид, что ее это не касается? Молчит? — сердце его чуть не вырвалось из груди. — Победа!»

— Благодарю, — выдохнул Владимир, кладя брелок с ключом в карман. Тише добавил: — Должник до гроба!

Но последние слова услышали, и это почему-то послужило сигналом к разбеганию. Первым

исчез с Ларисой Алекс. За ним испарились шутник Виктор с Наташей. Наконец-то поднялся и именинник Сергей — торжественно, как будто совершает подвиг, увел высокую, под стать ему, Тамару. Прилизанный «пятый» посмотрел на Марину, вздохнул, но нашел в себе силы улыбнуться, взять под ручку пухленькую хохотушку Свету, бросить двоим, не спешившим вставать: «Счастья!» — и удалиться.

Владимир с Мариной поднялись, лишь когда остались одни.

В суперномер шли молча и не спеша, как будто, не сговариваясь, сохраняли силы. Вот и заказанный «люкс». Вошли. Владимир запер дверь и сунул ключ в потайной кармашек пострадавшего пиджака — перестраховывался. «Вдруг не угожу или еще что-нибудь не понравится».

Марина вела себя так, словно была одна. Ни слова не говоря, прошла в ванную и бесконечно долго мокла под душем. Извела Владимира вконец. Когда вышла, он был «готов» и почти невменяем. Осмелился. Обнял ее, подхватил на руки, понес к постели. Нежно положил. Лег рядом. Не мог сдержать дрожь: очень уж хороша была Марина, не верилось.

Она лежала с закрытыми глазами, о чем-то думала. «Наверное, не обо мне», — решил Владимир.

Неожиданно повернулась на бок, как бы демонстрируя себя, и спросила:

— Ты с такой, как я, спал?

— Нет, — ответил Владимир честно. — Таких высот брать не приходилось. — А внутренний голос произнес: «Может, потому и жив?»

Опять — тишина. Он вспомнил почти детское: молчание — знак согласия. Осмелел, пересилил себя, спросил:

— А ты?

— Я, кроме мужа, ни с кем не была, — посмотрела Марина ему в глаза. — Говорят, что он красавец писаный. Не знаю. Знаю главное: не любит он меня. Иногда кажется, что причина — в ориентации...

«Как-то сухо рассуждает, — заволновался Владимир. — Так можно и перегореть. Пора атаковать».

Атаковать не пришлось. Повернувшись к Марине, увидел: она — пылала. Ярче его. Много ярче!

И тогда он взорвался! Долгие минуты ожидания, пока Марина была в ванной, боязнь, что все старания окажутся напрасными, плюс громадный «завод» от ее неправдоподобной красоты слились воедино, вошли в резонанс, и... Владимир поехал, полетел, забылся обо всем на свете.

Это было нечто на пределе человеческих сил. Казалось, проснулись два вулкана, и лава одного силилась затопить лаву другого.

Наступившее к рассвету затишье удивило. «И как выжил, выдержал, смог?! — поражался Владимир. — Седьмое небо! Теперь я знаю, что такое взойти на седьмое небо! Это когда берешь планку, в жизни для тебя невозможную, недосягаемую...»

Разбудил стук в дверь. Владимир открыл глаза. Осмотрелся. Марины рядом не было. Где она? Ушла? Нет! В ванной свет горит.

Накинув простыню, подошел к двери:

— Алекс, это ты спать не даешь? Мы же не в поезде, свою остановку не проедем, — возмутился, открывая дверь.

— Привет, привет!

— Доброе утро!

— Затаились, подпольщики?! — ворвалась следом за Алексом вся честная компания.

— Сюрприз молодоженам! — выступил вперед Виктор. — Совет бригады постановил: сегодня же играем свадьбу!

— Да вы что, ребята? Потише! Марина услышит, так даст вам свадьбу, а заодно и на орехи.

— Ты это что же? — вышла из ванной комнаты Марина. — Поиграл с девушкой, а теперь отказываешься от нее?!

— Не отказываюсь! — с радостью, как-то помальчишески воскликнул Владимир. — Разве от Богинь отказываются?! И мечтать о таком не смел.

— А я мечтала, — серьезным тоном перебила его Марина. — О таком, как ты! Красивом, сильном, добром!

— Вот так, Володька, попался, — обрадовался почему-то Виктор. — Сдавайся, коль проиграл, будь рыцарем.

Про рыцарей была первая прочитанная Владимиром лет в шесть книга. Он всегда был за рыцарей. Гулять так гулять! Тем более на собственной свадьбе!

— Сдаюсь, что с вами поделаешь! — улыбнулся Владимир.

— Тогда за мной! — мгновенно среагировал опытный Алекс.

Больше не мешкая, компания направилась в ресторан. Пришлось Владимиру снова раскошеливаться. Второй вечер в ресторане напоминал первый, за исключением того, что танцы были не коллективные, а парные. Ко всем пришла необычная, просто безоглядная раскованность — никто никого не стеснялся. Правда, почему-то целовались и обнимались все, кроме молодоженов. Новым друзьям удалось поднять их на «горько» только однажды. Поцелуй получился столь затяжным, что повторить его молодая не решилась.

Разбежались сразу после полуночи. Веселиться позже сил не было. Что ни говорите, а наступали третьи бессонные сутки.

Остаток той ночи Владимир провел... в раю! Да-да! В раю ее тела — нежно-невинного и доверительно-смелого, огненно-испепеляющего и туманящего «Энволем», сводящего с ума.

Утро выдалось пасмурным и тоскливым. Возможно, из солидарности с приунывшими от близости расставания друзьями.

Разговоры в автобусе постепенно перешли в шепотки, а к моменту посадки в поезд иссякли и они. Даже неугомонный Алекс притих.

Владимир сидел напротив Марины и не сводил с нее глаз. Он задыхался от любви, желания, счастья, и не совсем понимал, где находится, что вокруг происходит. Ощущал только ее взгляд. Был его рабом. Принадлежал ему. Он полюбил Марину, полюбил больше жизни...

Минск встретил их яростным дождем. Владимир не замечал его. Смотрел, как удаляется такси, в которое села Марина.

«Все, — выдохнул, — сказке конец. Она даже не оглянулась».

II

Первые дни он ждал звонка, но потом вспомнил, что впопыхах забыл дать Марине номер телефона. Впрочем, не забыл. Он просто растерялся при расставании. А теперь кусал себя за локти. Каждую ночь Марина снилась, стояла перед глазами, но... Приходил рассвет, начинался новый день, навалившаяся работа — и в институте, и в дискотеке — отодвигала ночные грезы на второй план, заслоняла их, притупляла. Постепенно жизнь вошла в свою привычную колею, стала, как и раньше, тихой и однообразной. Но что-то в душе не давало покоя. Она будто сопротивлялась серой обыденности. Жило в ней какое-то предчувствие, что ли?

Сказка, пережитая им в Черновцах, не забывалась. Однако все чаще с какой-то печальной обреченностью думал о том, что это была и в самом деле всего лишь сказка, которая вряд ли повторится. Никому, даже самому большому везунчику не суждено такое счастье. Отсюда и вывод: не надейся и не жди! Скажи спасибо и за то, что было — не каждому и оно выпадает. Все слишком грешны, чтобы навсегда попасть в рай. Радуйся, что побывал в нем.

Накатывали и другие мысли. Мол, чего ты ноешь, словно потерял аж самого себя, родного? А почему не допустить, что это было приятное, памятное, даже незабываемое, но всего лишь дорожное приключение? В дороге человек расслабляется, освобождается от пут опосты-

левшей будничной жизни и легко соблазняется малейшей возможностью хотя бы на время убежать от нее. Потеряв голову, он бросается в придуманный мир чувств и поступков, реально невозможных, невероятных в жизни, оставшейся где-то там, позади, за спиной, на другом конце железной дороги или шоссейной ленты. Вот так и ты: случайно, неожиданно попал в красивую дорожную сказку. Но ведь дорога закончилась, точнее — вернулась к своему началу. И все, кто был в дороге, вернулись к самим себе. И она вернулась к тому, от чего сбежала на несколько дней развеяться. Наконец, вернулась к мужу, которого, могло случиться и такое, начала любить по-настоящему — крепко и верно. А про тебя, случайного участника искристо-веселой, бесшабашной дорожной интермедии, давно забыла.

Владимир гнал прочь такие мысли. Не соглашался. Иначе почему так беспокойно у него на сердце, почему живет в нем предчувствие чего-то? Как и тогда, перед отъездом из Минска, когда раздумывал, ехать или не ехать в те загадочные разве что своим названием Черновцы.

И однажды звонок раздался. У каждого в жизни когда-нибудь раздается такой звонок.

— Совсем забыл Алекса! А тот все помнит. И день рождения чей-то помнит. И обещание пригласить на него в гости! Алекс все помнит, не в пример некоторым. И если гора не идет к Магомету...

— Что за наезды? — включился в игру Владимир. — Бросил меня на произвол судьбы — и бочки катишь?! Какими, кстати, судьбами в

столице? Проездом из Парижа, в смысле — Черновцов?

— Давай, шути, бедолага, — продолжал атаковать Алекс. — Спи, спи! Так всю жизнь и проспишь! А между прочим, некоторые требуют продолжения банкета. И сегодня эти некоторые решили его организовать! Короче, ждем к семи в «Камнях». Чисти перышки! Не так много времени осталось. И ни о чем не спрашивай. Все равно ничего не скажу. Привет! Конец связи!

— Вот змей! — возмутился Владимир. — Разбудил, заинтриговал, завел — и повесил трубку. Молодец! В своем духе.

В ресторан Владимир задумал войти незаметно: интересно все же было узнать, кто эти «некоторые». Но хитрюга Алекс отловил его на входе. С подозрительной предупредительностью помог сдать в гардероб куртку, взял за руку, попросил перед входом в зал закрыть глаза.

— Ну вы даете! — не сдержался Владимир, увидев за столом всю честную компанию. — Вот сюрпризеры! Так и разрыв сердца можно получить! — начал и онемел: за столом сидела Марина.

«Боже! Это и правда она! Сердце не ошиблось. Не было этих недель и месяцев разлуки. Я только вчера сказал ей: до встречи, любимая! В Черновцах была не сказка. В Черновцах я полюбил! Впервые! Безоглядно! Навсегда! Марина — моя судьба, моя радость, мое счастье!»

Она была фантастически красивая! Явно решила перещеголять себя ту, черновицкую. Богиня! Владимир понял, что не может жить без нее. Да он без нее и не жил. Ждал. Все это время

ждал! И дождался! Он любит! Мир перевернулся, опрокинулся, покатился. Владимир чувствовал, что летит над пропастью вместе с ней, боясь ее и умирая от любви. Что же, пусть сгорит, пусть свалится в пропасть — он все равно будет благодарен судьбе.

И любовь их повела.

Они ушли из ресторана раньше всех. Не выдержали, сбежали!

Таксист лениво объяснил, что после одиннадцати меньше чем за два счетчика с места не тронется.

— Три! — рассмеялся Владимир. — И катим за город. Будем искать гостиницу, где минчан принимают.

— Отвезу хоть на кудыкину гору, — выскочил таксист из машины и поспешил открыть перед Мариной дверь. — Три счетчика мне еще никто не предлагал!

И Владимир заплатил три счетчика. Заплатил дежурной в международном центре отдыха «Юность», заплатил утром в ресторане за «вечерний» стол.

После завтрака Марина домой не поехала, осталась с ним. И Владимир не задавал вопросов — принял ее решение как должное. Другого — не представлял. Не приходило другое в голову.

Он вернулся в сказку, уже почти не надеясь на это. Только вот подкатывал к сердцу чуть уловимый тревожный холодок. От понимания, что каждая сказка имеет не только начало, но и конец, пусть даже чаще всего и счастливый. А он не хочет, чтобы сказка когда-нибудь кон-

чалась. Он сделает все, чтобы их с Мариной волшебная история продолжалась без конца. Только вряд ли осознавал, что выбранный им путь — не самый надежный. Скорее наоборот — самый ненадежный, даже трагический.

Владимир по инерции — счастье слепое! — решил продолжить ту же, черновицкую, сказку. Сложить, придумать новую — поленился, а скорее всего — не задумался над ее необходимостью. И любовь их, увы, не повела — понесла.

Рестораны сменялись ресторанами, столы не вмещали заказанного «Все меню!», ансамбли менялись, как перчатки, таксисты рассказывали легенды.

Он платил, платил, платил. Платил швейцарам и официантам, фарцовщикам и метрдотелям. Спускал все заработанное в кафе, хотя и зарабатывал немало. Заведение было суперкласса. С помощью лучшей в городе спутниковой системы Владимир «доставал» почти недосягаемый американский спутник, с которого скачивал последние музыкальные и киноновинки. Повара отыскали из старых, совминовских, не из первой ли союзной десятки. Дизайн зала и безукоризненное обслуживание молодых официанток, надежная охрана — все по высшему классу. В общем, от клиентов отбоя не было. Деньги текли, может, и не рекой, но ручейком довольно бойким. Текли — и утекали.

Словом, жизнь не катилась, а летела. Все было красиво, весело, шикарно. Счастливый, Владимир витал на седьмом небе и не думал приземляться. Настроение — прекрасное, дух — боевой, сил — прорва. Он — в раю. Есть Ма-

рина — его мечта, его самый прекрасный сон, его фантазия, любовь, надежда.

Так прошел год. Год любви и полета. Год, которой смешал воедино дни и ночи. Год — мгновение.

Владимир почти не помнил, как начинался их последний день. Да, да! После него жизнь закончилась, снова пришло существование. Серое, тихое, ненавистное.

День тот был особенный — 8 марта.

Как всегда, он позвонил в ресторан, дал знать, что приедет. Заказывать что-либо не требовалось: там все знали и помнили. Встретиться договорились в девять. В женский день в зале преобладали женщины, и это придавало мужскому полу уверенности в себе. Неспешные походки. Улыбающиеся лица. Бодрые голоса.

Особенно выделялся молодой большеглазый азербайджанец в черном кожаном пиджаке и оранжевой байке. На него оглядывались почти все виновницы праздника, а он не сводил глаз с одной — Марины. Он тоже хотел взять свою планку.

Марина не могла не заметить этого.

Не замечал ничего только Владимир. Любовь, захватившая его еще с последнего пристанища автора «Червоной руты», кружила голову, делала жизнь и вправду сказкой.

Владимир не соображал, что с ним. Где-то к двенадцати почувствовал неимоверную усталость — словно все прежние бессонные ночи именно сегодня камнем обрушились на него. Так, видимо, и было.

— Марина, может, поедем домой? Что-то я не в форме. Глаза слипаются.

— Володенька, возьми машину и поезжай. Не успеешь нагреть постель, как и я прилечу. Сейчас начнется последний танец — «С одним крылом». Я так люблю эту вещь!

— Хорошо.

Ответил не иначе как машинально, не осознавая, почему так сказал. Лишь потом, спустя несколько часов, понял: его уступка была не чем иным, как наваждением, одурью. Он ведь прекрасно знал: такой девушке, как Марина, вряд ли дадут просто послушать музыку.

А Марина? Она, конечно же, заметила красавца-азербайджанца. Ну и что с того? Ей стало смешно: ну-ну, посмотри, подергайся! Хороша голубка, да не про тебя!

Но случилось иначе. Глазастый красавчик гипнотическим взглядом вытребовал ее согласие на танец, закрутил и...

«Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом...»

Чем больше Марина кружилась в танце, тем сильнее у нее кружилась голова и туманился рассудок. Вино, потом коньяк многократно усилили это головокружение, и Марина постепенно и неотвратимо уходила в мир волшебных иллюзий и чарующего обмана. Она кружилась, кружилось-пьянело ее сознание, и, опьяненное, оно все больше толкало ее в круговерть танца. Вот уже затихла мелодия, ушли на отдых музыканты, а Марина все летела и летела, окутывая всех и вся чарующим запахом «Энволя». Ее огромные глаза горели счастьем, губы что-то

беззвучно и безудержно шептали. Зал, словно завороженный, смотрел на танцующую в тиши одинокую пару.

Владимир спал как убитый и звонка в дверь не услышал. Разбудил лежавший рядом телефон.

— Алло, — ответил в полудреме. Услышал короткие гудки и бросил трубку. — Будьте вы неладны, шутники чертовы!

Но это были не шутники. Это были не шутки. Рядом не было Марины! Что-то случилось? Что?

Снова звонок. На этот раз звонили в дверь. Владимир посмотрел в глазок: Марина. Улыбается. Открыл. Марина бросилась к нему, обняла, поцеловала. Долго не давала дохнуть. Неожиданно заплакала.

— Я так соскучилась за эту ночь! Думала, до утра не доживу.

— А что случилось? — начал просыпаться Владимир. — Почему после ресторана не приехала?

— Решила переночевать у мамы — она ведь в двух шагах от «Камней» живет. Не хотела тебя беспокоить. Ты был такой усталый, и я подумала: не поеду, пусть отоспится.

— Не беспокоить? Меня? Но ты ведь знаешь, что я всегда рад тебя видеть! Я люблю тебя! Не могу без тебя! Люблю, когда меня беспокоишь! С тобой я всегда...

— Володенька, не будем об этом. Пойдем в ванную. Сейчас же! Я хочу в ванную. Я хочу тебя!

Владимир не узнавал Марину. Всегда сдержанная поначалу, она кинулась к нему, как собачон-

ка: «Мой! Никому не отдам! Люблю, люблю, люблю! Только тебя!»

Владимиру это показалось странным. «Почему “только тебя”? А что, есть еще кто-то?» — мелькнула беспокойная мысль.

В полуобморочном состоянии они вылезли из воды, доползли до постели и сразу забылись.

«Снова этот чертов звонок? — открыл глаза Владимир. — Кто-то явно испытывает мое терпение».

— Алло! — закричал в трубку. — Если ты, болван, не перестанешь...

Голос из трубки перебил:

— Володя, успокойся, это я, Лева, сосед. Что разошелся? В твоих же интересах звоню, а ты кричишь. Спустись, разговор есть. Серьезный!

Владимиру не хотелось вставать, но он превозмог себя и поднялся. «И что ему надо?» — гадал, спускаясь к двери соседа.

Дверь распахнулась перед ним:

— Проходи, дружище, проходи. Сейчас убедишься, что настоящие друзья и в беде остаются друзьями.

— Это в какой еще беде? — удивился Владимир. — Ты о чем?

— Горе у тебя, Володя, большое горе! Марина, любовь твоя ненаглядная, предала тебя.

— Ты понимаешь, какими словами бросаешься?! — закипел Владимир.

— Послушай сначала, потом будешь шуметь, — Лева непроизвольно отступил назад. — Ты ведь знаешь, я сова и ложусь не раньше трех ночи. Так вот, уже укладывался, когда раздался звонок. Смотрю в глазок — Марина. Думаю, мо-

жет, ее кто обидел или с тобой что-нибудь случилось, может, помощь нужна... Открыл. Смотрю, а она не одна. С цыганом или грузином — я в них не разбираюсь. Улыбается. Вот тебе, думаю, и сюрприз. А она взяла того грузина за руку, впилась в меня глазищами и говорит: «Лева, как бы тебе объяснить? Короче, есть предложение. Мы у тебя побудем часок-другой, а ты получишь за это сто — сто, Лева! — рублей. Ты не волнуйся, это Володин компаньон». Как я мог не согласиться? Я за месяц получаю девяносто, а тут за пару часов — сто! Ты должен меня понять! Ты не можешь обижаться. Она ведь сказала, что грузин — твой хороший знакомый и они только подождут тебя. Я ведь не знал, что будет дальше... Не смотри на меня так! Что уж теперь поделаешь? Это все Марина твоя! Ты прости меня, Володя, прости. Купили они меня с потрохами. Сто рублей...

В смысл слов соседа Владимир сначала не включился, подумал, что все это розыгрыш. Но, видя выпученные глаза, льющийся по лысому черепу пот, понял: его нашла, подкараулила, настигла беда. Обрушилась, задушила, погубила. Марина больше не его. Марина — изменила. Марина — предала. Но Марина — любила. Поэтому и устроила в ванной любовь на грани выживания. Только теперь до него дошло.

Владимир не стал благодарить соседа за информацию. Черное тот сделал дело. Сдал Марину, их любовь, жизнь, все. Не было слов. Онемевший, Владимир возвращался к себе.

Марина сидела на кровати. Увидела и сразу поняла: он узнал. Значит, все рушится, все летит

в тартарары. Прочла это в его глазах. Но не отчаялась. Решила бороться, удержать Владимира. Сейчас или никогда. Упала на колени.

— Володя, что мне делать? Что мне сделать, чтобы ты простил? Володенька, он мне чего-то подсыпал! Я ничего не соображала. Все было как во сне. Очнулась, только когда... Я сразу его отшвырнула. Спроси у этой сволочи, соседа своего. Зачем он нас впустил? Он же твой друг! Володенька, я ничего не соображала! Володенька!

— Марина, не надо! Это — конец! Я не представляю, как буду жить дальше, — ведь я люблю тебя. Но одно знаю точно — простить не смогу! Я хотел бы, очень хотел, но... При виде тебя я всегда буду думать и представлять, как он, чужой, обнимает твое тело, целует. А ты — это я. Значит, он трахнул меня. Он оттрахал меня, Марина! А ты... Ты разбила наши жизни. Ты разбила наши судьбы! Ты разбила нашу любовь! Все, хватит! Позволь мне остаться одному, дай мне спокойно...

— Володенька, — рыдала Марина. — Что мне сделать, чтобы ты простил? Хочешь, я...

— Пожалуйста, ради Бога, не унижайся.

— Володенька, ты не волнуйся, ты только не волнуйся. Я уйду, я сделаю все, что ты захочешь. Я буду ждать тебя в... подъезде. Сколько надо, столько и буду ждать. Но я не могу уйти навсегда! Я не могу.

Прошло два дня. Владимир не выходил из квартиры, не отвечал на звонки по телефону и в дверь. На этот раз в дверь постучали.

— Володя, это я, соседка, баба Лена. Открой, пожалуйста.

Он нехотя повернул ручку замка.

За спиной бабы Лены рыдала Марина.

— Володя, ты же добрый человек, пожалел бы девчонку, — взяла соседка его за руку. — Поверь мне, старухе: людей нужно прощать. Нельзя таить зла. Марина не специально это сделала. Так получилось. Она тебя любит. Любит больше жизни! Вот что — главное! Девочка мне все рассказала. Ее чем-то подпоили. Она не может без тебя. Бог говорит...

— Баба Лена, — перебил Владимир соседку, — Бог нам тут не поможет. И адвокат не поможет. Никто не поможет. Я не могу пересилить себя. Я пытался — не могу!

Марина ночевала и дневала в подъезде еще двое суток. Соседки поили ее чаем, успокаивали, звонили в квартиру Владимира. Он не отвечал.

На пятые сутки утром Марина подошла к его двери:

— Прости, Володенька. Я осознала, как тебе больно. Поняла по себе. Я ухожу. Буду ждать твоего звонка. Умоляю, позвони, дай мне последний шанс. Не отнимай надежду. Я знаю, что ты слышишь, чувствую это, чувствую тебя, люблю. Позвони!

Но Владимир не позвонил.

Он не дал ей шанса, как не дал шанса и себе. Он не мог дать того, чего у него не было. Он не хотел всю жизнь смотреть на Марину, а видеть красавчика в черном кожаном пиджаке и оранжевой байке.

Шли дни. Марина не звонила и не приходила. От Алекса Владимир узнал, что день и ночь она

ждала от него звонка и, не дождавшись, в отчаянии пустилась гулять по ресторанам, в которых они когда-то бывали вместе. И ресторанная жизнь незаметно засосала Марину. Она любила танцевать. И ее приглашали. Кружась в объятиях очередного кавалера, видела в нем Владимира. Видела его и позже, когда обольститель ее обнимал, вез домой, наслаждался ее телом. Но ресторанная жизнь есть ресторанная — пьяная. И постепенно Марина катилась в пропасть.

Владимир попросил взвесить килограмм винограда и механически посмотрел на соседнюю продавщицу: чем торгует та? Увидев ее профиль, тут же отвернулся. Быстро взял пакет с виноградом и, забыв о сдаче, отошел в сторону. Стал за усатым апельсинщиком, снова посмотрел.

Она!

Она накладывала на весы абрикосы. Оглянулась, ответила на вопрос сидевшего за спиной азиата. Тот снова что-то спросил. Она опять обернулась. Этим Владимир воспользовался и сменил позицию — пристроился за стендом продавца видеокассет. Смотрел. Неужели она?

Она!

Бедная! Уловила запах «Энволя». Замерла, уронила сигарету. Посмотрела налево, направо. Вдохнула, потянула носом: да, «Энволь». Тот, и не мужской и не женский, особенный. Только он мог окунуть ее в прошлое. Она помнила этот запах: стойкий, сладкий, жгучий, захватывающий. Запах удачи, красивой жизни, сильного молодого тела, сияющих глаз, наслаждения. Их запах!

О, чудесный, прекрасный, волшебный «Энволь»! Скольких ты разбудил, возродил, возвысил, осчастливил! Скольких спас в минуты отчаяния, скольких вознес до небес!

О, проклятый, ненавистный, беспощадный «Энволь»! Сколько жизней ты смял, покорежил, изувечил! Сколько загубил надежд! Скольких бросил, загнал в могилу!

«Это Володя! — вспыхнуло в ее сознании. — Он здесь. Володя! О Боже! Спаси! Прости и помилуй! Я умираю. Я без тебя умираю! Как мне плохо! Володя — это твой запах, я знаю, твой! Где ты?»

— Ты чё, заснула? — прикрикнул на нее небритый черно-серый азиат. — Чэлавэк трэты раз «сколько за абрыкос» спрашиваэт, а красавица аглохла! Прасныс, дура, работат нада!

Марина привыкла к его оскорблениям и переносила их молча. Дома ее ждала дочка. Ее радость и утешение — слабенькая Оленька. Она часто болела. Врачи говорили: витамины, витамины, витамины. Много витаминов. А они стоили денег. В институте на витамины не заработаешь. И Марина пошла в услужение к этим. Она терпела их, вонючих, жадных, злых: дэнги, дэнги, дэнги. Терпела издевательства, терпела другое... Главное — доченька. Она придет домой, вымоет фрукты, даст малышке и будет смотреть, как та «за компанию» уговаривает подаренного бабушкой котенка:

— Если не будешь кушать, не вырастешь такой большой, как я.

Потом приходила ночь — ее спасение, слезы, отчаяние, воспоминания. Приходил запах «Энволя».

Ради дочки Марина жила, терпела, страдала, никого, кроме нее, не замечала.

— Оглохла, а?

Она очнулась от крика хозяина.

— Заткнись, крыса! — бросила.

Азиат разинул рот. Он не ожидал такого и, ошарашенный, притих.

«Где же Володя? — метались ее глаза. — Ведь запах... Мне не показалось. Его запах. Где же он? Где моя любовь, где? Я вымолю прощение! Не отпущу свое счастье. Вцеплюсь в него. Намертво вцеплюсь! Навсегда! Если бы я знала, что без тебя мне не жить! Я не смогла выпросить у тебя прощение! Стояла на коленях, клялась. Теперь я знаю — этого мало. Ты много давал, но и спрос был высокий. Нет, не так. Ты отдавал себя и требовал в обмен меня — всю, без остатка. Теперь я поняла: измена оплачивается жизнью. Я докажу, что готова на смерть! Ты поверишь, что я никогда не взгляну на другого, что в мире для меня всегда, вечно будет только один мужчина — ты! Иначе пусть Бог выжжет мне глаза! Ты простишь! Сжалишься и простишь! Ты не сможешь не простить, увидев, как я люблю тебя, как не могу без тебя, как страдаю без тебя, погибаю, как засасывает меня болото, грязь. Ты поверишь, что я больше никогда не оступлюсь. Тогда просто был срыв, случайность. Я расслабилась, отключилась всего на мгновение, и оно стало роковым. Теперь я знаю, что потеряла. Я дорого заплатила за измену. Двенадцать лет одна. И согласна заплатить жизнью, только позволь быть рядом с тобой и умереть у тебя на руках. Где же ты, где?»

Марина вертела головой, ресницы дрожали, щеки горели. Хозяин смотрел на нее и молчал. Он еще не видел эту тихую, покорную женщину такой смелой и красивой. «Как я рисковал, поднимая голос на нее, — побледнел черносерый. — Аллах! Она могла убить!»

Марина выскочила из-за прилавка, вдохнула воздух: да, это Володя! Но где он? Куда мог пойти? К выходу? Туда!

«Бегу по следу, как собачка, — думала Марина, — и поделом! Сама виновата. Нужно было не отступаться, вымаливать прощение. А сейчас — как собачка! Как побитая, выкинутая со двора сучка! Как тогда, после той ночи. Но пусть, пусть как собачонка! Главное — догнать, найти! А потом — упросить, убедить! Умереть, но убедить! Я не хочу быть одна. Я не хочу сражаться с жизнью в одиночку!

Где же ты? Где?

О Боже, отдай мне любимого, позволь упасть перед ним на колени. Я вцеплюсь в него и никогда не отпущу. Никогда! На этот раз я не сдамся, докажу»!

Владимир стоял за витриной — мозаикой из видеокассет — и смотрел, как Марина бежала к выходу с рынка. Он понял — она ищет его. И внутренне содрогнулся, неожиданно поняв и себя: он ее, предавшую, любит! Все еще любит. Годы, пролетевшие с той поры, не стерли, не вытравили этого чувства из его души и сердца.

И он не выдержал, рванулся за ней. Он должен дать ей шанс!

Подбежал к двери, открыл, увидел ее спину и... замер: ноги одеревенели, голос просел — пропал.

«А жена, дети, двенадцать лет жизни, дом, наш общий дом?»

Рука, державшая дверь, опустилась, и та медленно, со скрипом закрывалась. Закрывалась и его душа. Снова, как и тогда, умирала. Умирал их шанс. Умирали он, она, любовь.

Словно почуяв за спиной знакомое дыхание, она обернулась, но дверь успела закрыться, Марина его не увидела.

«Где он? Где? — спрашивала себя. — Главное — найти его. А все остальное — за мной. Я не та, что была тогда. Он поверит мне. Поверит и простит».

— Володя! — кричала. — Володенька-а!

«Решай, — думал он. — Дети и жена или эта, когда-то фантастическая женщина, действительно сказочная красавица, а теперь жалкая, беспощадно побитая жизнью женщина, но по-прежнему любимая и дорогая?»

Да, он всегда, все эти годы любил ее. Измена и время лишь усилили чувство.

«Любовь или семья — решай!» — снова повторил себе Владимир.

И он решил.

МАЛЬЧИКИ

Молодая, от силы лет двадцати пяти, мама — хорошенькая блондинка с бегающими на нарумяненных щеках ямочками и притягательно накрашенными губами — дожидалась с мужем и сыном очереди к адвокату.

Я стоял за ними.

Муж был явно из породы тех, кого называют в народе тямтя-лямтя: туповато-виноватое лицо, полуоткрытый, подрагивающий, словно от икоты, рот, блуждающий, как бы ищущий поддержки взгляд. Непрестанное пожимание плечами и невнятное бормотание наводили на мысль, что школьный курс наук он, известно, прошел, но вот зачем — вряд ли помнит.

— Опять заснул? — ткнула его в бок жена. — От ошибка природы. Так бы стоял и спал деньденьской! У других мужья как мужья, а у меня... В магазин сходи, хоть какой-то толк от тебя будет.

Она, несомненно, была в семье главной, но не благодаря уму или рассудительности, а в силу своих волевых, бойцовских качеств.

Трижды пересчитала напоказ под носом у него деньги и сто раз повторила: «Смотри у меня!». Он что-то промямлил и с облегчением подался в ближайший, сразу за углом дома, продовольственный.

Мальчику было лет шесть. Он сидел на единственном в холле стуле и, уставившись в пол и

думая о чем-то своем, чуть заметно двигал ножками — ехал на велосипеде.

Его мама после ухода «тямти-лямти» несколько раз окинула меня оценивающим взглядом. Наверное, ее вниманием я был обязан соседству по очереди, а также модной коттоновой куртке. Похоже, осмотр ее удовлетворил — любопытство сменилось откровенным посуломвызовом: мол, женщина я, несмотря ни на что, независимая, без комплексов, а мужа, сами видели, как бы и нет. За этим явно стояла надежда, что я кинусь к ней знакомиться, записывать телефон, чтобы без особых проволочек пригласить в ресторан, в казино, а то и в какую модную сауну, — в конце концов, сколько той жизни. Я мягко ускользал от ее напора, но она словно не замечала этого, однако когда в очередной раз отвел глаза в сторону, неожиданно обернулась к сыну с криком:

— Заколебал! Встань и подойди ко мне! Ко мне, я сказала! Два раза повторять не буду! Быстро!

Малыш не поднялся — ножки не доставали до пола, — соскочил со стула. Был, как видно, хорошо выдрессирован. Медленно подошел к маме, заморгал. Руки, словно в молитве, сложил на груди. Мама замахнулась, намереваясь влепить ему затрещину, и, кажется, не промяуканное малышом «Ой!», а мой непроизвольный вздох в последний момент остановил ее.

— Смотри у меня! — схватила свое чадо за шиворот, пригрозив той же фразой, что и отцу. — Допрыгаешься!

Мальчик, запуганный, явно с замедленной реакцией, наконец опомнился:

— Не бей. Пожалуйста...

— Иди! — отпустила она воротник сына. — Еще раз увижу, что болтаешь ногами, — пеняй на себя! Я не шучу, и ты это знаешь!

Мне сделалось тоскливо. Ну, ерзает мальчонка на стуле, так ведь скучно ему. И я измаялся без дела. И что — бить за это? Вот так ты и муженька довела до растительного состояния.

А мадам, как ни в чем не бывало, еще раз попыталась заякорить меня взглядом. Не получив, как и прежде, желанного ответа, наконец-то сообразила, что атака захлебнулась. Вне себя от ярости вновь набросилась на сына:

— Прекрати болтать ногами! — завизжала, до неузнаваемости искривив свое красивое лицо. Подбежала к малышу, размахнулась...

Тот в ожидании удара закрыл голову руками:

— Мамка, не бей!

Как бы не так! Она ударила его трижды. Хотела добавить еще, но я не выдержал:

— Послушайте! Так же нельзя!

Блондинка окинула меня презрительным взглядом: «Слизняк!» — но не сказала ни слова и, отпустив малыша, вернулась на свое место — на пятачок у входа в кабинет адвоката. В этот момент дверь открылась и на пороге возникла опрятно одетая старушка:

— Извините, что заставила ждать.

— Вы бы еще до второго пришествия сидели, — буркнула блондинка, и, проявив завидную резвость, шмыгнула за дверь. Бросила мальчонку, словно забыла.

И отец, как ушел в магазин, так и пропал. А может, вернулся да стоит где-нибудь за углом,

затаившись: не хочет, чтобы им прилюдно помыкали.

Я воспользовался моментом и подошел к мальчику.

— А ты молодец! — улыбнулся ему. — Стерпел, не заплакал.

Мне хотелось погладить малыша, пожалеть, но — не решился: чего доброго, испугается, увидев, что поднимаю руку.

Вдруг вспомнилось: в кармане лежат часы, приобретенные Димке ко дню рождения. Прикинул: еще почти неделя, успею купить сыну другие.

— Держи! — достал желтенькие, уже с ремешком часики. — Давай-ка, помогу застегнуть.

— Не надо! — с ужасом в голосе вскричал мальчик.

— Почему?! — был ошарашен я. — Посмотри, какие красивые.

— Один дядя уже дарил мне тамагочи. Я потом два дня в углу стоял. Мамка сказала: если еще раз у незнакомого что-нибудь возьму, она меня из дому выгонит, — захныкал малыш. — Не надо!

— Хорошо, хорошо, — попытался я успокоить ребенка. — Нет так нет. Только не плачь. Ты все равно молодец.

Про себя рассудил: видимо, я не первый, кто отбивает атаки этой блондинки.

Мне ничего не оставалось, как ретироваться. Плюнул на очередь, ждать не стал — вышел на улицу. Глотнул свежего январского воздуха. Засек на другой стороне улицы тямтю-лямтю — тот и впрямь выглядывал из-за афишной тумбы.

«Нет, Димку я ей не отдам! — поклялся себе. — Еще подцепит такого же тюфяка — где ты их, стоящих, наберешься? — и станет издеваться над сыном, вымещать на нем злость на незадавшуюся судьбу и на сволочь-папашу, сломавшего ей жизнь».

Махнул проносившемуся мимо таксисту. Цепким тренированным глазом тот заметил меня, притормозил.

— Детский сад четыреста четыре, — сквозь нервную одышку выговорил я. — Знаешь, где? Тогда погнали. Дави на гашетку.

— Надавим, не волнуйтесь, — спокойно ответил водитель. Посмотрел на меня, покачал головой: — Я понимаю...

Я не знал, что он понимает или имеет в виду, но, услышав, что таксист тоже спешит в детский сад, подумал: «Что нам делать со всеми этими взращенными социализмом матерями-суками, волчицами, гибридами змеи и потаскухи»?

Мы не знали, что делать, мы просто летели за нашими мальчиками. Он — после того как подвез очередную клиентку с сыном, я — предприняв неудачную попытку посетить адвоката.

СЮЖЕТ

Сел за компьютер. Решил поэкспериментировать — написать рассказ, не имея определенной задумки, наработок, сюжета — ничего из того, что есть у писателя, когда он берется за перо. Хотя сюжет, пожалуй, не так уже и важен. Допустим, рассказ как раз и будет о том, как придумать сюжет. Пройдемся по беспроигрышным темам: любовь, предательство, ненависть, смерть. Не густо. И главное — все это было. Обо всем писано-переписано, все заезжено до тошноты. И потому... Оба-на! Что там, за окном, вспыхнуло? Звезда? И какая яркая! Подфартило так подфартило. Не теряю зря время, загадываю желание: дай мне, Боже, ключевое слово, слово-пружину, слово-мотор. Я хочу, чтобы... чтобы... Стоп! Есть! Завелся!

Мотоцикл завелся. Младший брат посмотрел на старшего:

— Ты обещал — сегодня уж точно прокатишь.

— Садись, зануда, все равно не отстанешь. Но чтобы потом не обижался. И отцу не вздумай жаловаться. Сам напросился. Лови шлем. Застегнул? Еще раз спрашиваю: не передумал? Уверен? Тогда прыгай!

Повеселевший младший плюхнулся на заднее сиденье, радостно отрапортовал:

— Готов!

— Примерный пионер. Теперь хватайся за меня и держись покрепче, — приказал старший. Газанув несколько раз, как бы проверяя «машину», наконец отпустил сцепление, и братья буквально улетели с места.

Младший брат никогда бы не поверил, что мчаться на мотоцикле будет так страшно. С первых же метров у него перехватило дыхание, казалось, он вот-вот вылетит из седла и разобьется. Насмерть, вдребезги. Только что, в момент обгона, едва не задели грузовик. На ближайшем же повороте нога чиркнула по асфальту. «Скорее бы все кончилось, — думал, немея от страха. — За километр буду мотоциклы обходить. О Боже...»

Повезло, Бог смилостивился.

Звонок.

Снял трубку:

— Слушаю.

— Вы еще дома, Сергей Константинович? — узнал механический голос секретарши. — А пора бы и выехать: в шестнадцать ноль-ноль начинаем. Как — что? Забыли? У Григория Степановича день рождения! Вы меня хорошо слышите?

— Слышу, слышу... Спасибо за напоминание, — быстренько положил трубку, пока эта сорока вконец не задурила голову. — Так, на чем же остановился? «На ближайшем же повороте нога чиркнула по асфальту. “Скорее бы все кончилось, — думал, немея от страха. — За километр буду мотоциклы обходить. О Боже...” Повезло, Бог смилостивился».

Нет, Бог здесь не при чем. Все решает удача. Рассмотрим тот же случай с мотоциклом. Удача приходит к конкретному лицу, человеку. То есть — сначала нужно родиться человеком, а не слоном, к примеру: слоны не ездят на мотоциклах. Это и есть первая удача. Затем дожить до того возраста, когда сможешь держать руль. Вторая удача! Далее...

Далее желательно не отвлекаться на пустые разглагольствования и подумать, что вручить дражайшему шефу и мужу моей любовницы Григорию Степановичу. Может, рога? Не смешно. Он юморок не оценит и сделает из них вешалку, на которую в ближайшие осенние месяцы раз в неделю я буду вешать свою куртку. И каждый раз перед тем, как понежиться с его красавицей, придется казниться мыслями, какой я подлец и негодяй: совращаю жену шефа без зазрения совести. Впрочем, хватит заниматься самовоспитанием — сбился с сюжета. Что там с ребятами? Еще катаются? Пора тормозить.

— Все, конец представления, — заявил старший брат. — Паркуемся.

«Вроде живой, — оценил свое состояние младший. — Вот так прокатился. На всю жизнь запомню!»

— Ну что, набрался страху? — слез с сиденья старший.

— Да не-ет, — пытался младший говорить спокойно. — Все нормально. Почти как на велосипеде, только с горы.

— На велосипеде, говоришь? — усомнился старший. — А самому за руль слабо? Я покажу, как управлять.

— Правда? — не поверил младший. Про себя предположил: «Может, самому вести мотоцикл не так страшно, как висеть сзади?»

— Залазь на мое место, — начал старший первый урок. — Ближе к рулю. По-блатному будешь ездить, когда научишься. Теперь покрути ручку газа, прочувствуй ее. Нажми на тормоза, привыкай к педалям...

Что-то я увлекся ребятами. Пора бежать на именины босса.

В квартиру на третьем этаже одного из престижнейших домов города влетел с дежурной, до ушей, улыбкой. Поздравление загодя почти слово в слово списал — сочинять не было времени — с одной из открыток, присланных мне этим летом:

— Дорогой (поменял имя и отчество) Григорий Степанович! От всего сердца... («Да, — признался себе, — сердца-то как раз у меня и нет») поздравляю вас с юбилеем. В этот радостный для вас и, конечно же, всех нас (ой, для всех ли?) день хочу пожелать вам больших успехов в работе, крепкого здоровь-ия (при этом стандартном пожелании у меня почему-то начал заплетаться язык) и долгих лет жизни! — Тут же спросил себя: «С такой женой?». И сам же отметил: «С этой ненасытной красавицей год за три нужно считать. Так что вряд ли...»

Опрокидывая рюмку, снова вспомнил о мотоциклистах.

— Теперь один сможешь прокатиться? — взглянул старший брат на младшего после того, как часа

четыре подряд тренировал его на пустыре недалеко от дома.

— Спрашиваешь! — воскликнул младший. — Сам видишь, я уже о-го-го как вожу!

— Думаешь? — недоверчиво покачал головой старший. — Что ж, посмотрим. Пока — только до нашего дома и обратно. Понял?

— Ес. Руки, правда, немного дрожат, наверное, с непривычки. Может, кругов пять еще здесь сделаю, а потом и по улице рискну.

— Хорошо, тренируйся. Главное — отработай до автоматизма переключение скоростей. Руль держи крепко, не дергайся. И в повороты старайся входить более плавно...

Пока младший брат доводил до блеска технику вождения, тосты в честь Григория Степановича пошли по второму кругу. До моего очередного выступления было далеко, и я спустился (казалось, незаметно) во двор — подышать свежим воздухом. Почти тотчас же выбежала и *она.*

— Не смотри на меня так, — выпалила, чуть не крича. — Я все предусмотрела. Сказала Грише: пока, мол, дойдет до горячего, хочу спокойно покурить. А на лоджии полно гостей...

— Вот именно...

Дальше я не стал испытывать судьбу и молча двинулся назад. Она тенью бросилась за мной.

В подъезде схватила меня за плечи, прислонила к стене.

— Обними, — прошептала, закатывая глаза. — Я хочу тебя.

«Сумасшедшая! Увидят! Ей-богу, увидят! — пронеслось в сознании. — Неужели не понимает? У нас ведь семьи, дети. Побаловались, развлеклись — и хватит».

— Тихо, успокойся, — взял ее за руки. — Дождись понедельника. Я в обед вырвусь. Обещаю.

— Никаких понедельников. Никаких обедов. Хочу тебя сейчас, каждый день, всегда, всю жизнь!

«И в самом деле чокнулась, — занервничал я. — Что делать? Как успокоить сумасшедшую?»

— Обещаю, — прижал ее к себе. — В понедельник приеду, сядем, все обдумаем и...

— Никаких «и»! Я не верю! Я не дождусь! — перебила. — Я не могу больше ждать!

Не выдержал:

— Все! Хватит! Пусти! — легонько оттолкнул ее и шагнул к выходу. Вырвался на улицу. На другой стороне — стоянка такси. Машины есть! Еще пару метров — и я свободен. Она вернется к гостям, жизнь пойдет своим чередом, и вечер закончится без скандала.

В мгновение осознав, что осталась одна, она рванулась вслед. «Остановите его!» — закричала. И это «остановите!» обожгло мне плечи. Бежать! Куда? Да и возможно ли? Сначала увлекся, потом запутался, теперь могу добегаться. Вот тебе и сюжет. А как там, кстати, ребята?

— Значит, договорились, — напомнил старший брат младшему, — только туда и обратно. Когда мимо нашего дома будешь проезжать, на окна не поглядывай — чего доброго, в столб врежешься.

Младший сидел за рулем, подгазовывал и старшего не слушал. Он поверил в свои силы и думал только об одном: скорее в бой. Показать старшему, что может не просто проехаться, проползти по-черепашьи. Нет! Он пролетит с ветерком! Эффектно, как заправский гонщик.

И младший газанул и сорвался с места. Подъезжая к своему дому, еще издали высмотрел знакомые окна. «Точно, наши, — улыбнулся. — Может, там и мама стоит? Махну рукой: салют, мамуля! Вот удивится!»

Но мама не удивилась: у нее были другие заботы. Выбежала на улицу, повела глазами: «Где он? В такси садится!» Рванулась к переходу.

Летевший на желтый свет светофора мотоциклист даже не попытался объехать ее или притормозить. Засмотрелся на окна.

Удар! Его выбросило из седла. Пролетев десяток метров, покатился по земле.

Мальчишке повезло: упал на зеленую разделительную полосу. Женщину же мотоцикл отбросил на столб светофора. Ударившись о него головой, она потеряла сознание.

Младший лишь слегка поцарапал лицо и порвал одежду. Смутно осознавая, что кого-то сбил, поднялся и поплелся к злополучному переходу. У светофорного столба ужаснулся: на асфальте ничком лежала женщина. Ее голова подтекала кровью.

Я оказался в такси за считанные мгновения до этих событий, ничего о них не знал и вечерне-

му звонку не удивился. Однако звонила не *она*. Она уже никогда не позвонит. И мне, думается, не взбредет в голову экспериментировать с сочинительством рассказов. Стоит только придумать сюжет, как дьявол воплощает его в жизнь.

ТРОЕ

Я стою над пропастью. Еще чуть-чуть — и возвращение в равновесие, в норму, в жизнь станет невозможным. И тогда я сойду в никуда. Стану никем. Умру. Исчезну. Меня не будет. Будет она. Самый близкий мне человек.

Let it be![1]

Она очень красива, необычайно красива. До ослепления, до помутнения рассудка, до потери разума. Она — моя любимая. Моя жена. Моя первая и единственная любовь. Моя надежда. Мой последний причал. Мой ангел. Судьба. Рок.

Да! Рок! Трагедия! Пропасть! Смерть!

Сегодня она ушла. Я понимаю, она устала. Все время вдвоем. Все время вместе: я и она. Кто угодно устанет.

Но почему я не устал? Почему так тоскую по ней? Все дело в любви? Не знаю. Просто я хочу, чтобы она была рядом.

Но она — ушла. Может быть, так ей будет лучше. Главное, чтобы любимой было лучше. Но ведь есть еще я, тот, который любит ее. Предан ей. Почему она не подумала обо мне? Ведь она знает, что я не могу без нее, не могу!

Она знает...

Горько и больно.

Сказала — выскочу на минутку, а прошло уже четыре часа. Если бы любимая предупредила,

---

[1] Пусть будет так! (*англ.*)

что меня ждет разлука длиною в вечность, — я был бы хоть как-то готов. Попытался бы ее остановить. Удержать. Я бы просил, умолял, уговаривал, убеждал. У меня был бы шанс...

Но она сказала — на минутку.

И как назло, я не поехал на работу, остался дома. Как назло. Теперь я знаю: любимая думала по-другому.

Это — пропасть!

Начата вторая бутылка водки. Но это слабое лекарство против ревности. Ревность легко превращает водку в воду. И я остаюсь без защиты. Ухожу в отчаяние, в желание умереть. В Ее Величество Ревность. И нет мне спасения! Нет!

Четыре часа без любимой! Как это мучительно долго, вечно, навсегда. Я сломался. Сгорел. Парализован. Болен. Опасен. Готов на все!

Это — пропасть!

И все же я верю: любимая придет! Я ей нужен. На всякий случай (вдруг что-то случится?), но — нужен. Обязательно нужен. Иначе — нельзя! Иначе...

Она пришла. Объясняет: заболталась с подругой (помогала по хозяйству маме; забегала в офис к своему дяде и попала на годовщину фирмы; гуляла по парку — прощалась с осенью). Она говорит не умолкая. Говорит так, будто отвечает на вопросы. Зачем? Ведь я их не задавал. Может, вопросы задали мои глаза? Или ее сердце почувствовало мое страдание?

Не знаю...

Я сказал, что звонил подруге (заезжал к маме; дядя вчера отбыл за границу; а после часовой пробежки по парку едва отмыл от грязи пода-

ренные ею туфли). Спокойно сказал. Честное слово — спокойно.

Но любимой показалось, что я допрашиваю ее, повышаю голос, говорю с издевкой, не верю ни одному ее слову. И она вспыхнула:

— Я просто гуляла по улице, ходила по магазинам. Зашла в кафе перекусить. Ну и что? Я не рабыня, я свободный человек! Или ты считаешь иначе? Может быть, мне и дышать нельзя без твоего разрешения?! Ты — варвар! Ты...

Я понял. Я все понял. Все! Где она была. С кем дышала. Кого касалась. Кто варвар. Не просто понял — увидел, как чужой обнимает любимую.

Захлестнула боль. Боль до умопомрачения, до отчаяния, до слепоты.

И тогда я шагнул к своей пропасти. У каждого она — своя. Теперь я это знаю...

Пропасть.

Я — перед нею. Только Бог решит, что будет дальше.

Ревность сильнее разума, но не сильнее Бога. В Нем — спасение.

Он стоял на краю крыши двадцатиэтажного дома.

Внизу — асфальт. Чистый. Ни кустика, ни деревца. Шансов выжить — ноль. Это самое главное — не выжить. Мир для него не существовал. Мир перевернулся. Исчез. И он тоже исчезнет.

Это — пропасть!

Он смотрел на небо, потом опустил голову, увидел, испугался, но отчаяние победило страх, и он шагнул.

Падал вниз головой. Так надо. Он услышал свое «Да-а-а!!!» и почувствовал, как душившая его ревность вдруг схлынула, отступила. И вспыхнул свет. Захотелось жить. Ухватиться за жизнь. Остановить смертельный полет. Увидеть небо.

Он успел перевернуться и упал на ноги. Но...

Позвоночник хрустнул, вспорол спину, вырвался наружу.

Он не разбил голову и еще какое-то время дышал.

Бог выполнил его просьбу. Избавил от удушья ревности. Теперь он свободен и счастлив.

Let it be!

А начиналось все необычайно, таинственно, сказочно. Начиналось с любви. Счастью не было предела. Дни летели, как мгновения, и он боялся, что все это — лишь сладкий чарующий сон. И все действительно оказалось сном. Любовь была одна на двоих — его любовь. Без ответа. Любовь и ревность. И ненависть. Ее ненависть...

— Да, это мой муж, — спокойно подтвердила любимая в морге и, не читая, подписала необходимые бумаги.

Спокойной она показалась следователю-практиканту. На самом деле в ней все бурлило и кипело. Она изнемогала от желания скорее увидеть своего неугомонного, неимоверно сильного Зверя. Только он, истязая, доводил ее до умопомрачения. Только с ним она утопала в оргазме, умирала от счастья, сгорала в огне. Он был ее хозяином, погонщиком. Стегал ее, бил, кусал, рвал на части. Он любил рвать. Он был главный...

Она сатанела от омерзения и боли, становилась животным, ползала перед ним на коленях, лизала его горячее тело. Забывалась, теряла сознание и снова впадала в экстаз. Сходила с ума и наслаждалась его силой.

Она не знала, что в эту ночь ее Зверь решит: пора. Пора вырвать нутро этой ненасытной твари, рвущей на себе волосы, кричащей столь ненавистное ему «Ещё-о!».

И он улыбался. Улыбалось его почти безгубое лицо, щурились бегающие неспокойные глаза. Он не видел, как ужасен в этот миг. Какой он урод. Не видела этого и она. Для нее Зверь был прекрасен. Он — ее главный.

И Зверь улыбался. Он сделал *это*. Вылечил пятерых. Вылечит и ее. Круг замкнется. Шесть больных, шесть кукол, шесть любивших так ненавистное ему «Ещё-о!». Он выполнит условие. Он станет антихристом. Скоро. Теперь уже скоро он будет среди своих. И Зверь улыбался.

Она не знала, что, удаляясь от морга, неотвратимо приближается к нему. Нет, ко мне! К нам! И она перешла на бег.

Быстрее! Зверь ждет ее!

И она побежала по прямой, которая была кругом.

Она не знала, что остаток ночи проведет рядом со мной.

Она не знала.

Let it be!

— Красивая пара, — усмехнулся патологоанатом, входя скальпелем в мое тело.

Вскрывать любимую ему было не нужно.

БЕВЕРЛИ ХИЛЛЗ

— Я знал, что у тебя есть шанс преодолеть барьер, прорваться к нам. Такие, как ты, отмечены с зачатия, но лишь один из миллиона осознает как факт наше существование, живет и умирает вместе с нами. А если в открытую — не умирает никогда. За год достичь того, на что у других уходит двадцать! Значит, ты рожден для настоящей игры, битвы, жизни, трагедии. И все это будет тебе дано. Но для начала, дабы прояснить ситуацию, заключим договор. Сделка тебе покажется странной, подозрительной, даже сумасшедшей, но без нее не обойтись — она окунет тебя в нашу, в истинную жизнь. Вижу, задумался. Появились вопросы? Задавай, только расслабься, не напрягайся.

— А с чего напрягаться?! Все ясно как белый день. Я писал рассказ и на определенном этапе вошел в него. Ступил за грань, разделяющую реальность и фантазию. Сдвинулся. Сошел с ума. Хотя рассуждаю, сдается, логически правильно, верно. Или нет? Разве может быть, чтобы некто проник в свой рассказ, слился с его персонажами? Отвечаю: может, если это — сон. Значит, я сплю. Нет вопросов. Однако холод отчего-то пронизывает...

— Холод — это ничего, лучше, чем жара, особенно огненная. Но тему сию развивать не хотелось бы... А ты молодец! Дрожишь, а заста-

вил себя и сражаешься, рассуждаешь, делаешь выводы. Подлинный профессионал, логик. Все правильно. Я доволен. Ты — один из избранных, один из лучших и неслучайно здесь оказался. А теперь слушай и запоминай. Не смотри на меня и не пытайся гадать: что будет дальше, зачем ты здесь, с какой целью? Скажу, все скажу. Но не сразу. Не так это просто. Только не волнуйся, успокойся. Вы говорите — и здесь я полностью согласен — не так страшен черт, как его малюют. Короче, убивать тебя никто не собирается. Наша цель как раз обратная — продлить твою новую — нашу — жизнь. («Нашу? — споткнулась мысль писателя. — Не понимаю».) Да-да, продлить, даже если ты будешь сопротивляться, чего нельзя исключить. Почему? После узнаешь. Повторяю — не все сразу. С ходу и у нас не очень получается. Итак, сделка. Первая и последняя. Ты говоришь, чего желаешь, а я исполняю твои желания. Но коль уж ты догадался, кто перед тобой, то, думаю, понимаешь, что мы задаром не работаем. Плату, определенную часть твоего тела — тихо-тихо, не спеши отказываться, потом все поймешь! — я назначу сам, исходя из масштабности твоих желаний. Тело прорвавшегося к нам стоит дорого, очень дорого, поэтому не нужно излишней скромности. Пожалуйста, говори...

— Я сказал бы, что у меня нет никаких желаний, кроме как не видеть того, кто их навязывает и сам же исполняет, то есть тебя. Сейчас главное — проснуться и...

— Завидная логика, — перебил дьявол писателя. — Однако ошибочная. Это не сон. Ты действительно видишь перед собой Антибога. И те-

бе лучше не тратить зря силы, не упираться, а чего-нибудь пожелать. В конце концов, чтобы вырваться отсюда, этого непременно нужно пожелать, и очень сильно. Очень! Слышишь? Повторяю: загадываешь желание — и получаешь шанс. Как видишь, мы прошлись по кругу. Тебе это надо? Ты же никогда времени даром не терял. Не теряй и сейчас! Доходчиво объясняю?

— Куда уж доходчивее, — вздохнул писатель.

Волнение мешало ему собраться с мыслями. «Допрыгался! Дописался! Добрался до истины! До самого ее донца, до обратной стороны. Я — на обратной стороне. В другом измерении. Надо что-то делать, как-то выбираться. Не опускать руки, держать ухо востро, думать». Вслух продолжил:

— Все ясно, и из любопытства — что будет дальше? — отвечу: я хочу быть богатым, настолько богатым, чтобы купить того, кто возьмется убить тебя. Если во всем мире такового не окажется, то — купить тебя самого.

— Богатым — это хорошо. Но мой убийца еще не родился: я знал бы — думаю, понимаешь — о его существовании. И купить меня сложно, пожалуй — невозможно. Но богатство увеличивает твой шанс победить в игре. Итак, ответ услышан и принят: богатство. Теперь — конкретно. Начнем с лота номер один. Где будем жить? Вилла? Замок? Что-нибудь поскромнее?

— Замок?! Упаси Бог! Хватит с меня одного привидения! Пусть будет вилла.

— Где?

— Беверли Хиллз, если на то пошло. Слышал, там весело.

— Так и подмывает прокомментировать твой выбор, особенно насчет «весело», но промолчу. Вилла в Беверли Хиллз — принято. На чем будем передвигаться?

— Гулять так гулять! На «Роллс-Ройсе» или «Бентли». Но не против попользоваться и чем-нибудь из спортивных лошадок: «Ламборджини» или «Феррари».

— Достойный выбор. Организуем. А как насчет яхты?

— Полностью «за». Мечта детства.

— Сбудется мечта. Счет в банке?

— Неисчерпаемый.

— Выпишем. Один такими богатствами будешь наслаждаться?

— С семьей.

— Точнее.

— Как положено: жена, дочка, сын.

— Примерный папа! Чего еще пожелаешь, святой человек?

— Сам знаешь, что к этому прилагается: изысканный гардероб, драгоценности...

— Нет проблем. За побрякушками задержки не станет. Надеюсь, это все? Хорошо. Теперь поговорим о расчете. Плата принимается только одна — рука!

— Какая рука?

— Не какая, а чья. Твоя, чья же еще! За свои труды я хочу получить твою руку. Правую. Помоему, это справедливо.

— Руку? Правую? Не слишком ли много хочешь?!

— А ты? Беверли Хиллз, вилла, яхта, «Ламборджини».

— Ладно, — махнул правой рукой писатель, как бы загодя прощаясь с нею. — Черт с тобой!

— А ты шутник, — улыбнулся довольный дьявол. — «Черт с тобой!» В нашем случае звучит даже пикантно.

— Знаю, — сощурил глаза писатель. — Но давай так: сначала выполняешь желание, потом...

— А ты перестраховщик, — покачал головой дьявол. — Я по мелочам не обманываю. Ты меня обижаешь. Разочаровываешь. Слаб ты, однако, человече... Ладно, закругляемся. Это все?

— Все, все! Будь ты проклят! Чтоб ты горел сизым пламенем!

— Вот это по-нашему! — потер руки дьявол. — Разозлился. Завелся. Боец! Будет из тебя толк. Умница. Напоследок хотел спросить: ты знаешь, что в мире самое всемогущее? Сложный вопрос? Сразу не можешь ответить? Подумай, напрягись! Все равно на ум ничего не приходит? Так знай — бесплатно, заметь, даю информацию: самое всемогущее — время. Но игра побеждает и его. Игра — это жизнь, вернее, то, откуда, с чего она зарождается. Когда-нибудь ты это поймешь. А теперь порадую тебя моим пожеланием: до нескорой встречи! Прощай!

— Гад! Будь ты...

— Ты комплиментами особо не разбрасывайся, да и накричаться еще успеешь. Береги силы, — сказал дьявол, обдал писателя запахом серы и исчез.

Беверли Хиллз — гора. Вечер. Легкий бриз лениво гладит океан.

«Пожалуй, моя яхта самая красивая, — сладко улыбнулся писатель, держа руку над глазами,

как козырек от солнца. — Знаменитая Беверли Хиллз! Самая богатая в мире. Не подкачали и соседи. Джек Николсон, Марлон Брандо — звездная компания! Веселые, непредсказуемые, загадочные. Недавно по-соседству в непобедимую “Аль-Катрас” заглянул. Для нас, думается, местечко. Аль Капоне опять же... Надо помянуть бедолагу. Шучу, — не моя тема. Я больше по философской части. Тайны *той* жизни постигаю. Чувствую, скоро дофилософствуюсь».

— Дорогая, случайно не знаешь, что за блюдо твой толстый китаец сегодня на ужин сотворить задумал? — повернул писатель голову к выходящей из бассейна жене.

— Ну вот, начинается! — ответила она фразой из той, давнишней жизни.

«Хорошая фраза. Как по маслу, — снова улыбнулся писатель. — Добрая. Знакомая. Родная».

— Не ломай зря голову: мы сделаем все, чтобы ты не угадал. Сюрприз! — засмеялась жена, махнула рукой, обрызгала, посмотрела нежно — любила.

«Весело, — отметил писатель. — Особенно мне. Ночью прилетала первая ласточка. Я лежал с женой, вдоволь насладившись ее — моим! — молочным телом, гладил податливое плечо, был счастлив, отдыхал. Она попросила:

— Милый, помассируй мне еще грудь, пожалуйста.

Да-да, именно так и сказала!

Я замер, ужаснулся: грудь трепетала, соски набухли, шевелились. Моя рука по-прежнему гладила ее плечо. Откуда-то изнутри голос: “А что же ты думал? Знай, дружок: когда отрубают руку, на ее месте вырастает другая, новая,

невидимая — моя. А грудь у твоей жены что надо! Давно столь упругих не гладил. Даже завелся по старой памяти. Молодец, отличный выбор”».

— Милый, сегодня мы с китайцем готовим тебе нечто необыкновенное, — перебила голос любимая. — За такую ночь грех не отблагодарить. Так ты меня никогда не ласкал! Я взлетала и парила, падала в пропасть и снова возвращалась в небеса! И так бесконечно, бесконечно, вечно... Как я благодарна тебе, милый! Как люблю тебя! Как счастлива! Дурочка! Представляешь, хочу снова родить ребеночка.

«Смеется, — ужаснулся писатель. — “Я счастлива... Хочу снова родить...” От кого? От дьявола?! От сатаны?! Ужас! Рука не моя! Ребенок — не мой! Может, и я — не я? Нет! Чушь! Временное помешательство! Естественное следствие прыжка из грязи в князи! Приехали! Стоп! Не ныть! Не поддаваться! Работать! — приказал себе. — Писать, трудиться, отдавать долги. С кошмарами после разберусь. В “Нью-Йоркер” обещал прислать рассказ сегодня к вечеру. Заверил, что непременно получат. Работать и еще раз работать! Не киснуть! Не расслабляться! Выполнить обещание!»

Писатель сел за компьютер, начал диктовать. Умной машине рука не нужна. Машина послушно выводила на дисплее произносимый текст. Говорилось-писалось легко, вдохновенно, быстро. «Эффект перемены места? — спросил себя. — Может быть. Хоть в этом плюс».

Через шесть часов, после трех шлифовок-редактирований, писатель нажал «иконку» печати. Из принтера поползла бумага с текстом. Прочи-

тал, чтобы проверить, не обманчивым ли было ощущение удачи. «Нормально, — успокоил себя. — Получилось».

Не медлил: время, нервы на пределе, надо успеть. Отослал по электронной почте. Курил, отгоняя дымом плохие мысли, ждал: обещали ответить сразу. Через двадцать две минуты компьютер известил: почта, примите сообщение.

Принял.

Уважаемый господин... Вы, видимо, ошиблись и прислали не свой рассказ. Пришла чья-то графоманская дребедень. Рука, вне всяких сомнений, не Ваша. Советуем вызвать специалиста по компьютерам. Ждем Ваших рассказов. Может быть, есть продолжение цикла, который Вы печатали в Германии? С уважением — редактор отдела...

«Что же я такое послал? — направил писатель курсор на ящик передачи сообщений. Ошибки не было — файл тот. Открыл. Прочитал первые строки. — Чушь собачья. Что-то с головой? Перегрелся? Возможно. Жара неимоверная».

Задернул шторы, переключил кондиционер на *hi cool*. Нажал кнопку на лампе, освещавшей клавиатуру. Всмотрелся в черно-синий фон монитора. Мысленно разбежался, готовясь к прыжку. Прыгнул. Продиктовал первые строки. И дальше, дальше. Пошло. Захватило. По второму кругу. Снова быстро, легко. Волновался, но остановиться не мог. Поплыл. Почувствовал себя в родной стихии.

Вошла жена:

— Милый, ты скоро? Я вся извелась. Жду не дождусь повторения вчерашней сказочной ночи. Ты был в ней главный волшебник.

«Опять улыбается, — посмотрел писатель на жену. — Счастливая. “Главный волшебник!” Главный теперь — не я!» — возмутился, но супруге ответил мягко:

— Хорошая моя. Сейчас закончу и приду. Немножко осталось. Ладно?

— Жду, жду, жду! Обещай: если вдруг усну, то непременно разбудишь. Но постараюсь дождаться. Каждая ночь с тобой теперь — как...

Жена ушла, и писатель не услышал последних ее восклицаний.

«Слава Богу, время еще есть, — выдохнул. — В “Йоркере” будут ждать до полуночи. Писать! Срочно! Не подвести! Второй раз не подтвердить класс — смерти подобно! Второй раз — не случайность».

И писатель снова наговаривал, жестикулировал, шептал. Работалось опять подозрительно легко.

— И черт с ним! — ругнулся. — Ух ты, кого вспомнил! — Нахмурился: — Да нет, то был сон. Безусловно, сон! Дом на Беверли Хиллз после трех лет успешной работы в Европе я купил сам. Это что, тоже сон?

Писать! Писать! Не отвлекаться!

Вскоре продиктовал финальные строки. Концовка понравилась — оригинальностью, неожиданностью. «Нормально, — сказал себе, как всегда. — Посмотрим, что ответят на этот раз, посмотрим».

Ответ пришел через пять минут:

Уважаемый господин... Нам все же кажется, что утром Вам необходимо вызвать специалиста по наладке компьютеров. Снова пришла какая-то чепуха. Судите

сами: разве могла Ваша рука написать такой тривиальный финал? «И в объятиях они уснули навсегда». Ваша рука написала бы нечто на голову выше этой элементарщины. Вспомним, к примеру, концовку из «Троих»: сразу же после освидетельствования самоубийства мужа жена бежит на свидание к любовнику. Понимает, что он больной, сумасшедший, нет — хуже — садист, зверь, но не в силах сдержать свою страсть.

«Она не знала, что, удаляясь от морга, неотвратимо приближается к нему. Нет, ко мне! К нам! И она перешла на бег.

Быстрее! Зверь ждет ее!

И она побежала по прямой, которая была кругом.

Она не знала, что остаток ночи проведет рядом со мной.

Она не знала.

Let it be!

— Красивая пара, — усмехнулся патологоанатом, входя скальпелем в мое тело.

Вскрывать любимую ему было не нужно».

Вот это — Вы! Здесь все написано Вашей рукой! Легко. Динамично. Экспрессивно. Двойной, даже тройной смысл и — ничего лишнего. Ваша рука. Ваша...

Еще раз советуем обратиться в ближайшую фирму по ремонту компьютеров. С уважением — редактор отдела...

— Действительно перегрелся, — положил руку на лоб писатель. — Хватит! На сегодня — все. Спать! Отдыхать. Утром посмотрим, что к чему. Свежая голова — половина успеха.

Он прошел в спальню. Жена, не стесняясь наготы, лежала под кондиционером. «Удивительно, — пожал плечами. — Всегда боялась холода, не выносила температуры ниже тридцати и

никогда не раскрывалась. А тут лежит себе в потоке холодного воздуха и улыбается». По груди жены бежала-перекатывалась волноподобная дрожь. Писатель замер. Тело приподнялось, изогнулось, застыло, снова опустилось на постель. Жена прошептала:

— Еще! Да-да, так! О-о, как мне хорошо!

«Перетрудился! — вздохнул писатель. — Два рассказа за день! И в самом деле можно чокнуться! Спать! Немедленно! Иначе — дурдом, мираж, бред! Послышится же такое».

Лег рядом с женой. Осторожно положил руку на ее грудь. Из-под ладони выскользнуло что-то волосатое, потное, мерзкое.

— Убегаю, убегаю! — поверг писателя в ужас знакомый голос, подкрепленный запахом серы. — Ты хозяин, ты! Не волнуйся. Фундамент я подготовил. Могу, если хочешь, и дальше за тебя потрудиться. Только скажи...

— Галлюцинации... Все! Я парализован, добит, — прошептал писатель и отключился.

— Мой муж — самый лучший в мире! — разбудил его поцелуй жены. — Ночью ты так сладко вошел в меня, что казалось, сердце взорвется от счастья. Ты гигант! Супер! Как я люблю тебя! До беспамятства люблю...

«Слышишь, что говорит? “До беспамятства!” Когда у тебя такое было?! А меня прогонял! Какова благодарность»! — ожили в голове писателя обрывки фраз.

Он выплывал из сна с ясным пониманием, что впереди его ждет много интересного. «Винчестер не зря купил», — подумалось в ответ на свой же вопрос о том, что будет делать дальше.

— Так! Сражаться, не опускать руки! — приказал себе. — Биться до конца.

Заперся в кабинете. После минутной паузы позвонил адвокату:

— Дружище, не в службу, брось текущие дела и найди серьезную фирму по протезированию. Никак не привыкну жить без руки. Хоть деревяшку какую приделать... Нет, деревяшку, конечно, не нужно. Узнай, что в этой области есть лучшее, и дай знать. Звони. Жду.

Ждать пришлось вечность — тридцать неимоверно долгих бесконечных минут.

Звонок.

Адвокат говорил, как в горячке:

— Не знаю, может, напрасно суетился. У самого лучшего и цена соответствующая. Два миллиона стоит последнее достижение конструкторско-компьютерной мысли.

— Плевать на деньги! — перебил его писатель. — Сегодня же оплати!

— Это можете сделать только Вы лично. По условиям договора для снятия такой суммы нужна Ваша подпись.

«Молодец дьявол! Три — ноль! — положил трубку писатель. — Лихо играешь! В одни ворота. Ладно, достал! Что ж, поиграю и я! Только — как тебя найти, чтобы нанести ответный удар? Где искать? Думай, думай! — призывало сознание. — Спасай свое положение, семью, жизнь!

Главное — преодолеть барьер. Прорыв возможен лишь через рассказ. Но... такие рассказы, как видно, пишутся только правой рукой, которой нет. По-другому не получается. Где же взять руку? Замкнутый круг. Нет выхода! Тупик! Финиш! Конец! Амба!

Стоп! Заткнись! Размазня! Слабак! Выход есть всегда!

Думай, думай, думай...

Тихо!

Есть! Конечно же, выход есть!

Есть один рассказ. Неизвестный. О жене. Она просила его не публиковать. Слишком интимный. Так он и остался ненапечатанным. Как я забыл! Сейчас же начитаю компьютеру. Может, пройдет».

Писатель пробежал глазами последние строки. Взмокший, посмотрел на кондиционер: работает. Услышал знакомый голос:

— Жульничаешь, мой друг! Пошел на обман? Научился действовать в обход?! Ладно, комбинатор, что у тебя там?

— Предложение. Свежее. Я хочу ввести новые, более жесткие и интересные правила игры.

— Более интересные, говоришь? Давай, придумывай, пытайся обмануть родителя. Хотя, как мне казалось, нам и так с тобой скучать не приходится. О винчестере, скажем, вспомнил. Это ты зря. Не тот метод.

— Понимаю, согласен, но я о другом. Внесем дополнительные условия. Ты многое дал. А теперь, наоборот, — чего-нибудь лиши.

— Чего, к примеру? И зачем? Какой в этом смысл? Что-то не нравятся мне твои заумности...

— Мне тоже далеко не все нравится. Сделай так, чтобы у меня не стало самых близких людей — родителей!

— И что потом?

— Потом — новая игра.

«Соглашайся, соглашайся! — заклинал писатель дьявола. — Не будет родителей — не бу-

дет меня и, следовательно, закончатся все эти ужасающие кошмары».

— Да тут и думать нечего, — ответил дьявол, повеселев, — согласен. Этого предложения я ждал очень долго. Можно сказать — всю антижизнь!

«Он ждал, чтобы меня не стало? — опешил писатель. — Что-то тут не так. Да черт с ним! Главное — вырваться!»

«Нет, черт — с тобой! — ухмыльнулся дьявол. — Все здесь как раз правильно. А насчет того, чтобы вырваться — так об этом все мечтают».

Он был в экстазе, в бреду. Он спал сам с собой. На нем лежал он — дьявол.

— А-а-х, — стонал в оргазме. Прочувствовал, что включился, и с придыханием прошептал: — Я же тебе говорил: отличная сделка, выгодная. Нет предков — нет тебя! Ловко придумал. Но так — не бывает. Судьбой тебе заложено быть в одном биополе с женой. Но коль ее нет — ты стал ею. Ты — в ней. Это твоя судьба! Зато я теперь — ты! Хорошие новости, да? Я — ты! Твоя жена на Беверли Хиллз с тобой-мной-дьяволом! Не плачь! Хорошие новости, хорошие. Ты знаешь, а ведь когда-то так и было! Я лишь вернулся в свое тело. Вот так-то! Спасибо! Большое, огромное! Very well! Если б ты знал, как мне надоело слоняться по Беверли Хиллз!

ЭТО НЕ БОЛЬНО

I

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ: «Ты — покойник!» Как бы вы сами восприняли такой пассаж: «Молодой человек, голубчик, хотел бы предупредить: жить вам осталось не более года! Не более! И не смотрите на меня как на сумасшедшего, и не пытайтесь раскрыть рот и о чем-то спросить. Я не знаю, сколько конкретно времени отвел вам Всевышний — минуту, час, день или месяц, но абсолютно верно одно — не более года!»

Для чего, откуда родилась, возникла, вселилась в меня способность предчувствовать смерть? Не свою — чужую. Как определяю, что именно этот несчастный или несчастная — из тех, кому осталось жить меньше года? Не знаю.

Иду по широкой многолюдной улице и удивляюсь: обреченных не так уж мало! Они будто обжигаются о мой взгляд, шарахаются от меня, ускоряют шаг, а то и бегут. Но куда бы они ни направлялись, куда бы ни шли, ни бежали, мне известен их финал, вернее — близкая его неотвратимость.

Чем те, кому осталось жить меньше года, отличаются от других? Как распознаю их? Кто наделил меня этим жутким самоубийственным даром? Кто?

II

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ. Заговорил он. Почти закричал. Неожиданно, резко. Противно. Так, наверное, скрипела калитка в Иудином доме. Вместе с голосом изо рта вырвалась вонь мертвечины.

— А, новенький, тепленький! Еще не просвещен? Восхищаешься великим, неизвестно кем данным тебе всемогущим даром? Давай, давай, вкушай блаженство, наслаждайся! Первые дни все на седьмом небе летают. Язык небось чешется? Так и хочется похвастаться, раззвонить, ударить в колокола? Угадал? Сознайся, не молчи! Волнуешься? Не робей. И не надейся что-либо изменить. Все по плану. Весь мир по плану. Удивлен? А это так, поверь. Случайностей не бывает. Знай: к концу путешествия и ты будешь шарахаться от новичков. Не каким-то там несчастным меньше года осталось, а нам — мне и тебе. То есть ты — наш, тот, кто вошел в круг, переступил черту, попал на обратную сторону. Поэтому ты и есть посвященный. И не только ты! Все, кому осталось меньше года, знают правду о себе. Знают, но молчат. И рта никогда не раскроют. Под страшными пытками не признаются. Ради своих близких и ради самих себя. Есть закон, правило, принцип: болтун умирает до срока, раньше назначенного времени. Умирает в муках, в огне, в аду. А кто хочет попасть в ад? Ты?

Упоминание об аде заставило меня содрогнуться от ужасающей фантастической догадки: я узнаю тех, кому осталось жить меньше года, потому, что стал для них своим. Я свой, такой

же, как они, околевающий, почти покойник. И никто из них не говорит об этом, не кричит. Не хотят, боятся уйти раньше. Тем более — в ад. Но то они не хотят — нормальные, обычные, которых большинство. Мне же карта по жизни легла другая.

— Я! А разве ты — не хочешь?! — ответил вопросом на вопрос. Он онемел от такой наглости. Еще в детстве я усвоил: неожиданность — главная из составляющих победы. — Разве не жаждешь мести? Не стремишься к справедливости?! Нет? Хочешь спокойно доживать — и все? Зачем? Не знаешь? А я знаю! Есть цель! Высшая! Главная! Наипервейшая! Основа, фундамент, смысл жизни...

— Жизни? — очнулся крикун. — Ну нет! С жизнью у тебя сейчас начнутся проблемы! Не будет у тебя никакой жизни!

Он пошел на меня. Почему-то я этого ждал.

III

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ. Но мог действовать. И первым схватил его за горло. Что будет, если он умрет прежде времени и не из-за своего длинного языка, а от моей руки? Я убью злобного вестника и закричу, выдам себя: «Люди, мне осталось жить меньше года! Поэтому признаюсь: еще за год до смерти обреченные знают все, но — молчат!» После такого саморазоблачения, думаю, ад мне обеспечен. А это — главное, то, к чему я стремлюсь — попасть к иудам, в преисподнюю. Найти там убийцу отца! Вот цель моей жизни! Кровь — за кровь, смерть — за смерть! Но

смерть за смерть не получается. Я опоздал. Поезд пятидесятых ушел. Остается кровь — за кровь, кара — за кару, истязание — за истязание.

Пальцы сдавили хилое горло. Ему, похоже, и впрямь оставалось немного. Он был выше меня, с виду мощнее, но тщетно пытался оторвать от себя мои руки — номер с защитой не прошел. Ногти все глубже впивались в его шею. Правый указательный нащупал кадык, подцепил его, сдавил — и глаза высокого полезли из орбит. Желтая с зеленым блевотина змеей выскользнула из его рта. Я отпустил кадык, и крикун рухнул.

Теперь мечта сбудется. Я — убийца да плюс еще выдал себя. Все сделано с запасом. Должен попасть, куда стремился. Заслужил, добился, имею право. Да что там право — я обязан встретиться с убийцей отца! Спасибо тебе, крикун, спасибо!

IV

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ. Что-то летело, свистело, приближалось ко мне. Смерть? Снова? Отпрыгнул, припал к земле, замер. Летящее «что-то» промахнулось, но успело среагировать, сгруппироваться, перекатиться, встать. Заорало, завопило. Еще один крикун?

— Сволочь! Теперь тебе осталось меньше часа. Ты лишил меня удовольствия наблюдать, следить за тобой. Не хотелось убивать тебя сразу. Думал — поиграем, побегаем, потягаемся. Но ты не оставил мне выбора. Знаешь, кто ты? Покойник? Нет! Ты — мой духовный двойник.

Я тот, кому осталось меньше месяца. Ты пришел сменить меня. Но, извини, это право надо завоевать. Если я убью тебя, то снова стану тем, кому меньше года. Видишь, я не хочу с наскока. Пусть все решит честный поединок. Таков закон. Вставай, дорогá каждая минута. Тебя должен покарать я, а не Всевышний. Мне надо успеть до его прихода.

«Поединок так поединок! — прикидывал я. — Этого за глотку не схватишь: голова напрямую переходит в плечи, волосы густые, длинные». Я схватил его за волосы. Пятерней. Рванул вниз. «Ну, сволочь!» — заехал ногой ему в живот. Он дернулся, вырвался, отскочил, заорал:

— Паскуда! Я прикончу тебя! Ты будешь третьим. И тогда я вернусь на ту сторону.

— Не вернешься! — я бросился ему в ноги. Инерция, умноженная на ярость, помогла свалить громадную тушу. Добрался до горла. Душил. Главное — душить! Это у меня хорошо получается. Пальцы сомкнулись. Теперь понимаю, почему так трудно оторвать бульдога от шеи жертвы.

V

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ. Я вошел в ночь, в холод, в ужас, в никуда, в ад. Я преднамеренно оказался здесь первым. Против правил. Против всех. Я один. Меня не должно быть. Я — случайность, которой не бывает.

Глаза свыклись с темнотой и уловили мелькавший вдали огонек. Вроде костерок горел там

синим пламенем. Хотелось подойти, но что-то подсказало: не торопись, засветиться всегда успеешь. Главное — найти убийцу, учинить допрос. Медленно, спокойно пилить-рвать ирода на части. Пытать, пытать, пытать! Каждый ублюдок должен знать: за свои мерзкие дела — ответит. Рано или поздно окажется в кипящем котле. Рано или поздно по его горлу польется расплавленный металл. Рано или поздно с него сдерут кожу, вырвут его начало, его отросток. Такие не должны иметь потомства. Таких нужно вырезать под корень. Для этого я сошел в ад. Пора начинать селекцию. Пора.

И двинулся на синий огонек.

VI

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ. Четвертые сутки, грязный и потный, я ползал по камням. Огонек то приближался, то отдалялся. Каким-то чудом я достиг его, обманув, зайдя с тыла. Синий свет истекал из пещеры. Я ступил в нее. Да, их пытали в громадных пещерах-норах. Они разучились говорить. Мычали, плакали, молили, давились собственной кровью и... не умирали.

Мне удалось остаться незамеченным, хотя было мгновение, когда чуть не выдал себя. Увидел убийцу отца. Он лежал, распятый на каменном подиуме. Я знал, что так кладут особо старательных, особо ретивых палачей. Во рту иуды торчала лейка-воронка. Исполнитель нес ковш с кипящей смолой. Ковш разрушал мои планы. Я хотел, чтобы ирод заговорил перед исчезновением. Как помешать исполнителю? И с чего это

он остановился, прислушивается. Неужели учуял меня? Тихо! Лежать, не шевелиться, слиться с землей, с пещерой, с адом. Исполнитель осмотрелся. Направляется ко мне? Нет, повернул к выходу. Смола в его ковше остыла, что ли?

Время шло. Мгновения отсчитывало сердце. Исполнитель не возвращался. Может, взял передышку? Я осмелел, приподнялся, снял с пояса фляжку с жидкостью. Это была не простая жидкость. От нее молекулы распадаются на атомы. Она превращает живое в химию, в периодическую таблицу, в ничто.

Адовой жидкости не пожалел. Вылил на ноги. Не спешил. Он, как и все, только мычал и с мольбой пялился на меня. Он прошел все круги ада и уже ничему не удивлялся. Хотел исчезнуть, раствориться, взглядом молил об этом. И я помог ему. Помог убийце отца. Наши желания удивительным образом совпали. Такое бывает. В аду.

— Расскажи, как пытал отца, — подступил к цели своего визита. — Что шепчешь? Не пытал? Так это он по своей охоте подписал заведомую напраслину на себя? Нет? Били? Уже «мы»? Еще кто-то, не ты один? Истязание до смерти — это, по-твоему, не пытка?

Я дал себе волю — стал осыпать иуду проклятиями. Опомнился, когда тот начал исчезать. Растворились ноги, колени, живот, грудь. Последней рассыпалась голова.

Этого момента я ждал. Это был главный момент. Его нельзя было прозевать. От тела иуды отделялась душа. Она полетела бы искать

себе новое вместилище. Этого я не мог допустить.

Душа всплыла и собиралась смыться. Я не промедлил, поджег гадючье облако — бросил в него горящую чурку. Облако вспыхнуло, но, прежде чем исчезнуть, опалило меня. Эта была последняя гадость, которую учинил убийца.

VII

Я НЕ МОГ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ СКАЗАТЬ. Я взлетел, провалился, исчез, снова возник, проснулся — спал. Открыл глаза. Дома. Почему? Как вернулся? Что сделал последнее? Сжег гада? Это был сон? Не знаю. Что было еще? Два убийства? Ирод был третий? Я убил троих и вернулся на эту сторону? Переступил черту? Жаль! Но сон это или не сон?

— О, мы соизволили проснуться, — заглянула в спальню любимая. Подошла, вытерла мое взмокшее лицо. Улыбнулась: — Хороший ты мой! — Пощупала, не развязались ли за ночь веревки. Не развязались, до крови впились в мои запястья.

— Будь ты проклята!

Любимая прошептала:

— Ты, мой дорогой, — третий. Не ругайся. Мы оба делаем доброе дело. Ты отомстил за отца. А я — отомщу за деда!

Нож вошел мне прямо в сердце. Совсем не больно, когда у вас разрывается сердце. Теперь я это знаю...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она вошла в его комнату. Здесь он работал. Днем и ночью чуть слышно гудел компьютер, без устали постукивала клавиатура. Он трудился до изнеможения. Спешил догнать время, судьбу, жизнь. Здесь рождались его герои. Открытые, смелые, гордые, несдающиеся. Не сдавался и он. Сражался, пока не погиб.

Он погиб, но остались герои его рассказов. Теперь они живут за него. Помогают держаться ей. «Ты не ушел, ты рядом. Ты, я и твои герои. Мы вместе», — как заклинание, шепчет она, когда садится перед компьютером.

Сегодня она снова вошла в его комнату. Как всегда, день пролетел незаметно. Темнело.

— Вот и повидались, — вздохнула, прочитав финал его последнего рассказа. Навела курсор на кнопку завершения работы.

Слезы катились по лицу.

— Помоги! — сорвалась на крик. — Помоги соединиться с тобой. Завтра увидят свет твои рассказы. Их герои пойдут в мир. Я сделала все, что могла. Теперь — свободна! Я приду к тебе. Только помоги.

Горбатый карлик с яйцевидной головой, сросшимися бровями и маленькими, словно детскими, пальчиками набрал на клавиатуре:

Отец Дьявол! На место прибыл, но попал в западню. Герои рассказов заблокировали комнату писателя.

Предлагают обмен — мою жизнь на жизнь автора. Не знаю, что делать. Жду помощи. Прошу ответить как можно скорее.

Ваш Урод.

Дьявол отозвался сразу:

Подвел ты меня, сынок, подвел. Хотя что тут поделаешь: молодость, неопытность. Понятная ситуация. Придется напрячься, надо же как-то вытаскивать тебя из людского болота. Теперь — о деле. Скажи блокировщикам правду: автора вернуть невозможно. Они ожили, значит, их создатель уже в истории. Пусть сделают свое — убьют тебя. А я буду ждать твоего возвращения. Не переживай — это не последняя попытка.

Так и случилось. Один из героев ворвался в комнату писателя и вышвырнул урода в окно. Тот не разбился, а, словно буравчик, вошел в землю.

Борьба начиналась сначала. Первая попытка оказалась для всех неудачной.

Она снова в его комнате. На этот раз компьютер включился и загрузился сам.

— Что делать? — смотрела, как оживает дисплей. — С уродом ничего не вышло, но, может быть, есть другие варианты? Помоги, совсем извелась без тебя. Герои один за другим уходят в жизнь, и скоро я останусь одна.

Не беспокойся! — ответил дисплей. — *Все идет по плану. Один из героев уже не наш, но это только поможет.*

— Я верю тебе. Надеюсь, все произойдет как ты задумал, — с облегчением выдохнула она.

Я тоже, — засветилось на дисплее, и через секунду он погас.

Дальнейшие события не заставили себя ждать.

«Молодец дьявол, хорошо придумал, — усмехнулся, глядя на вдову писателя, урод. Он только-только появился и сразу же ощутил ее нежный радостный взгляд. — Стоило принять облик одного из героев — и совсем другой результат. Папка — умница».

Результат был и вправду другой, но не тот, на который карлик рассчитывал.

Перевоплощая свое отродье в героя, дьявол не учел, что со сменой оболочки меняется и нутро. Ведь нутро ее создает. Урод растворился в герое. Осуществился план писателя. Герой был частью его самого, первой ступенькой проникновения, началом возвращения.

— Ты уже здесь? — спросила она, не веря своим глазам.

— Здравствуй, дорогая! — ожил писатель. — Ну и как тебе понравился наш последний рассказ?

ЗАПИСИ

Мера любви

Любви не бывает чуть-чуть или чрезмерно много. Либо ты — горишь, дрожишь, радуешься, страдаешь, мечтаешь, взлетаешь на небо и падаешь в бездну. Либо вокруг тебя все — серое, чужое, мертвое.

Любви не бывает чуть-чуть или безмерно много...

Сад

Мы были соседями. Она — милая, красивая, добрая. И я — галантный ее кавалер. Иногда по-соседски она звала меня в гости в свою постель. Мы терлись друг о дружку, дышали друг в дружку — и были счастливы.

Больше всего мы боялись вечера. Вечером нас разлучали. Ее забирали в пять, и я еще долго-долго плакал за беседкой в песочнице.

А впереди была вся жизнь. У каждого — своя.

Я не помню ее глаз, лица, улыбки.

Как я тоскую по ней!

Они не знали

Он смотрел, смотрел и не выдержал — метнулся к ней под юбку, обнял ноги. «Твердые, как деревья»; — вздрогнул.

На удивление, она не закричала, не отпрянула. Поймала себя на том, что хотела этого, думала — сошла с ума. Замерла, вздохнула, прижала его к себе:

— Так хорошо?

— Да, — произнес он чуть слышно. — Очень.

— Любишь меня?

— Больше всех на свете! Не прогоняй!

— Не буду.

Он прижался к ногам-деревьям сильнее. Она через юбку гладила его по голове.

Они не знали, что никогда в жизни не испытают большего, чем в эти минуты, наслаждения.

Предел возможностей

Предела своих возможностей не знает никто.

На исходе третьи сутки пути. Пройдена четвертая тысяча километров. Без отдыха. Заправка — ночью у дальнобойщиков: кругом — шакалы.

Он сражался. Долго. Но устал, сдался, и сон, казалось, уже забрал его в свой мир иллюзий. Последним усилием воли он заставил себя обернуться, и — о, чудо! Бесконечную усталость и желание заснуть, забыться — как рукой сняло: на заднем сиденьи улыбались белобрысые мальчик и девочка. И он ожил. Снова, в сотый раз.

Нет предела!

Предела своих возможностей не знает никто!

Игорь Еленёв
Реквием

Елки-палки, Елкин-Палкин... Твоя фамилия была Еленёв, Игорь Еленёв, но я переименовал тебя в Елкина-Палкина. Получилось веселее и, как ни поверни, — все в точку: «Ах, змей, Елкин-Палкин!», «Э, да ты шутник, Елкин-Палкин!», «Говоришь, по коням, Елкин-Палкин?!», «Ух и отчаянный ты, Елкин-Палкин!». Причем непременно с восклицательным знаком и только на бис! Ты всегда все делал на бис! Пел, играл, любил...

Ты обладал лучшими женщинами, не одну девственницу ввел в мир сладострастия. Ростом чуть выше среднего, подтянутый, с точеным лицом, в котором угадывался отдаленный намек на азиатское, точнее, японское происхождение.

Ты начинал, когда еще дрались на танцплощадках, — в середине семидесятых. Играл в ВИА, неистово стучал на барабанах и пел с обязательным «ихним» прононсом фогертовское «Хэй, ту найт!..»

Девчонки дрожали, выпадали в осадок, а ты, отыграв завершавший программу хит Ободинского «После буквы эл...», бросал:

— Едем все, какие проблемы!

У тебя никогда не было проблем. Спасали дорогие вещи, которые ты носил с изысканной небрежностью. На имидже не экономил, хотя в то время у нас еще никто толком не знал этого слова. За «стол» в ресторане мог рассчитаться французским пиджаком из «толстого» велюра, таксисту — отжалеть «лакостовскую» рубашку,

девчонке — подарить ночь беспредела, любви на грани выживания, ночь, которую она не забудет никогда!

Никогда!

Да!

Умирал ты один. Утром почувствовал Ее приближение. Воспринял как должное. Знал, догадывался — отвести Ее хотя бы на время может только спокойствие. Прилег, берег силы. Не лежалось. Ты встал, по-детски наивно решив, что еще не поздно, что можно спастись, нужно только выпить много-много молока, очень много, очистить организм от алкогольной заразы. Но организм сказал — нет! Организм вскричал — нет! Организм мстил, убивал, смеялся. Тебя рвало, рвало, рвало. И ты сдался, снова лег...

Накануне друзья опять упоили тебя вусмерть. Уже десять лет они вот так приходили тебе на помощь, давали возможность забыться, а ты рассчитывался с ними, вызывая толпу девчонок — бывших своих поклонниц. Они, правда, давно не девчонки, а замужние женщины, многие уже мамы, но тоска по пережитой на заре жизни любви заставляла их терять голову и мчаться на твой зов. Они прибегали, несмотря ни на какие препятствия и не задумываясь о последствиях, бросая мужей, детей...

Ты умер в тридцать восемь. Нет, не умер — погиб, загнал себя. Всю жизнь ты себя гнал: вперед, вперед, вперед! И мы несли гроб с твоим телом под гипнотизирующее: вперед, вперед, вперед...

Сегодня годовщина твоей смерти. И сегодня умерла твоя первая и самая, выходит, преданная

любовь, вернее, убила себя — повесилась. Вы расстались, когда ты был юн и неутомим, а она возвращалась от тебя домой пританцовывая, и спешащий дождливым апрельским утром на завод работяга щипал себя: не сон ли это?

Дружище Елкин-Палкин, ты обладал лучшими женщинами, но есть круг, есть ты и она, твоя первая любовь. И теперь вы будете вместе, навсегда. Круг замкнулся. Пусть земля будет вам пухом...

Есть — не будет

Ее не было, нет и не будет. Той, самой красивой, желанной, любимой, дорогой, единственной, самой близкой, родной для меня женщины, — тебя. Ты не пропадешь, потому что не появишься, не ответишь, не скажешь, что ты есть. Но ты — есть, ведь я помню о тебе, знаю, мечтаю, люблю, боготворю, надеюсь, живу тобой. Ты есть в мыслях, в мечтах, в желаниях, в стремлении найти тебя.

И пока ты есть — тебя не будет.

Лучик

Вот он, лучик света, надежды!
Вот, вот, вот!
Убежал...

Проснулся. Разбудил проклятый будильник. Встал с левой ноги. Ужас! Поплавок в бачке не тонет. Оторвался. Вонь.

Опять кончилась зубная паста, кофе, чай — все. Кроме *нее*.

Она орет, лает, жжет глазами, курит, проклинает, плачет, спит с другими.

Взяла нож. Пыталась убить.

Убежал.

На работу: больше некуда.

Вахтерша проснулась, кричит:

— В семь часов поднял! Не спится всяким придуркам! С утра покоя нет! Ключи? Не дам! Обойдешься, на-ко выкуси! Работа с восьми. Чего глаза выпучил?!

Выпучил. Смотрел. Понял.

Копия ее. Сука. Такое же животное. Такая же она-оно.

Убежал. Снова. Привычка.

Парк. Скамейка. Сел. Крутил головой, глотал природу, успокаивался. Увидел: идет! Знакомая? Нет!

Жена!

Остановилась. С собачкой, улыбкой, вниманием.

О чем-то спросила. (Какой голос!) Меня? Странно.

— Вы? Вы помните? Поездка в Москву! «Эсвэ-купе», утро, зубная паста, кофе, чай — все.

А-а!

Да, да, да. Напрягался, вспоминал, хотел.

Хотел в сказку. В жизнь... В ту: «Вы помните...»

Вот он, лучик света, надежды!

Вот, вот, вот.

Убежал...

Портрет

Вот вы — художник, молодой, талантливый, смелый и дерзкий. Вот так же смело и дерзко вы убили свою богатую, в годах, вечно поучавшую вас жену. До этого, отметим, успели написать ее омоложенный портрет-комплимент (один из первых подарков — а как же иначе к старой карге подкатиться?). Он и теперь висит в спальне. Великолепно прописанный, ваша гордость, одна из первых удач. И снимать его вам никак не хочется. Да и лень дырку в стенке заделывать.

И вот вы свободны, обеспечены, в расцвете сил — самое время пожить в свое удовольствие.

И вы пригласили ее — молодую, красивую; почти, как и вы, начинающую. И она сотворила любовное чудо, и вы — у ее ног. И все прекрасно: свобода, любовь, счастье. И она — такая прелестница-волшебница.

Но это для вас все прекрасно. Для нее же все выглядит иначе: есть деньги, но как бы не совсем ее, есть вилла, но как бы совсем не ее. Ни то ни се. Лозунг же красавиц: все или ничего!

И она идет на все.

И уже ваш автопортрет ей лень снимать со стены.

Палата № 8, или 110 лет спустя

Стены здесь вымазаны грязно-голубой краской, потолок закопчен, как в курной избе... Окна изнутри обезображены железными решетками. Пол сер и занозист. Воняет кислой капустой, фитильной гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец...

А. Чехов, «Палата № 6», 1892 г.

Есть в одном из окраинных районов города М., как говорят, у черта на куличках, построенном еще в пору зрелого социализма, клиническая больница, а в ее реанимационном отделении — палата № 8.

Что за палата? И чем уж так примечательна?

Вопросы — естественные, да ответы на них непростые.

Вот выпили вы (к примеру) на радостях, что жизнь к лучшему повернула: зарплату какую ни есть, хотя и с боем, но вам отдали. Выпили — ну и, понятное дело, предались мыслям о существовании своем сиром, о бытии, какое на трезвую голову и бытием-то не назовешь. «А если добавить?» — решили. И... добавили! А как же иначе после отпаханной смены да со столь худой денежкой в кармане расслабиться-забыться? Не на Канарские же острова — мягкоклимати-

ческие, шикарные, развеселые и вечнозеленые — лететь на прогрев косточек за пару десятков единиц, для вас отнюдь не условных, а с боем, как уже отмечалось, выбитых. Да с ними из ближайшего ресторанчика после скромного обеда-полдника живым не выпустят! На то и поставлены крепкие парни с тонкими бабочками на толстых шеях.

Значит, выпили и добавили. А добавка, даже самая скупая, как известно, не идет на пользу организму, витаминами не избалованному. Впрочем, избалованному тоже не идет.

В результате телом вы малость ослабли. Не держите, скажем так, равновесие. И это обстоятельство плюс кружение головушки возьми и швырни вас в объятия земельки родимой. Покатились вы снежным комом с крутой горки. Катитесь, и вдруг — бац! — дубок первой послевоенной посадки нежно вас целует.

— Оп-па-а! Оп-па-а! Амер-рика — Европ-па-а!

Прилетели-приехали.

И состояние вашего организма неуклонно завершает переход в стадию, язвительно называемую положением между небом и землей. Что же дальше? А дальше — известная цепочка: случайный и неравнодушный (если повезет) прохожий — тяжелые вздохи (и ваши тоже) — испуганные крики-вопли (прохожего) — бег в поисках телефона (его же) — бесконечное ожидание (уже совместное) — «скорая помощь» (наконец-то!) — приемный (якобы) покой — анализ (понятно) крови — обнаружение (увы!) горячительного.

И вот он — приговор.

— В палату № 8! — брезгливо адресует вас в здешнее чистилище дежурный костолом. — Ха, ха, ха! Пть-фу! — пролетает плевок в сантиметре от вашего правого уха.

— Пошел! — пинает каталку его помощник, мазосанитар с недоправленной волчьей пастью.

И вы снова едете — уже на каталке — длиннющими черными коридорами.

— У-ух! Кхы-кхы! — каркает кривой челюстью, задавая ногой каталке направление, санитар.

— Давай, давай! — подбадривает его костолом.

Первое же из ваших ощущений еще в коридоре вблизи палаты — тошнотворный до головокружения смрад. Гремучая смесь из паров разлагающихся трупов, выворачивающей вони фекалий, блевотины и приторного запаха помеси слипшихся крови и «зеленки».

Правда, вы уже снова без сознания, и зловоние вам — «по барабану». Что ж, хоть в этом повезло. Но на большее губу не раскатывайте — это, пожалуй, будет единственное, в чем удача, хоть и временно, на вашей стороне.

Принявшая вас палата затаилась на первом этаже, но нет никаких сомнений, что пребываете вы в неком подземелье. Об этом свидетельствуют: болезненно-тусклый, неизменный и днем и ночью свет; облезлые, четверть века не крашенные стены; рваные, цепляющиеся за ноги куски линолеума; заплесневелый, осыпающий вас известкой потолок; тяп-ляп замазанные буро-серой краской окна с ржавыми, криво сваренными железными прутьями; обгрызенные — крысами, что ли? — двери.

Все это вы осознаете и увидите, когда, даст Бог, очнетесь и осмотритесь. Осмотритесь — и с опозданием и горьким сожалением уясните, какой счастливой жизнью до этого ужасного момента-случая жили. Не было в вашем окружении таких красавцев, как этот, привязанный за руки и за ноги, оголенный (как, впрочем, и все в палате № 8), дергающийся в белой горячке пациент слева; или захлебывающийся кровью и слюной с трубками в разодранном рту «товарищ» справа. А уж про это, орущее бесперебойно нежную рифмочку: «Е...ть твою мать, е...ть твою мать...», расположившееся прямо у ваших ног нечто краснокожее, вроде мутанта — помеси обезьяны с собакой и говорить не приходится.

Есть среди этой гоп-компании и дамочки. Одна милашка, да-да, та, в противоположном от вас углу, почти элегантно трясет по-цыгански увесистой грудью, а заодно вымаливает с закрытыми глазами у потолка сигарету: «Дай закурить, ну дай закурить, а я отработаю, ох, как отработаю, жалеть не бу-удеш-шь». И язычок ее, как у голодного волчонка, бегает туда-сюда, туда-сюда... Хороша и соседка милашки, худющая скелет-старуха с сумасшедшим взглядом и с замотанной бинтами в десять слоев головою. Какие-то нелюди так поразминали о нее ноги, что не помогают и слои: сочится беспрестанно кровушка и сквозь бинты.

И все бредят, бредят, бредят. Все девять, вернее, восемь (кроме коктейльщика — «товарища с трубками») пациентов палаты № 8.

— Высоко сижу, далеко гляжу...

— Увезу тебя я в тундру, увезу тебя-я одну-у...

— А мы его по ша-апке! А мы его по ша-апке!

— На тебе, сука! На! Получи!

— Равня-йсь, смир-рна! Ша-агам-м арш!

— Мгновения раздают кому — позор, кому — бессла-авие, а кому — бесчестие-е...

— Ж-ж-ы-ы-ы... Ж-ж-ы-ы-ы... Мы едем, едем, едем...

— Оп-гоп, тра-та-та, раскрывайте ворота!

Это о каких же воротах идет речь?

И вот в этой веселой бред-компании вас и застанет местный эскулап — само хладнокровие. Оглянет (издалека, от входа, ближе — ни-ни! — фу-у, какая гадость!) брезгливо палату-камеру и запишет новичка в отбросы общества:

— Ну и бомжатник! Бр-р!

А то, что вы честный труженик, двадцать лет социализм на голом энтузиазме строили и пятнадцать капитализм за сосиску в день восстанавливали, — это в счет не идет. Это уже вы сами виноваты, что когда-то шариками в задолбленной ура-лозунгами голове боялись ворочать, а теперь в определенном состоянии в больницу попали.

Больше века минуло, а покинутый Богом воз — страна-палата № 6, простите, № 8 — и поныне там.

P.S.

Старенькая «неотложка» в лице добитой двадцатьчетверки 1983 андроповского года выпуска, с визгом, скрежетом и воем, испустив из прогнившего нутра очередную порцию гари, резво встала на два левых колеса, словно на

дыбы, и свернула к шлагбауму, преграждавшему въезд во двор девятой городской клинической больницы. Почти не снижая скорости и не выключая сирены, машина пролетела под едва начавшим подниматься шлагбаумом, чудом его не задев. Еще через мгновение, просвистев тормозами, замерла у сбитых ступенек приемного покоя.

Очередной клиент палаты № 8 — прибыл!

— Рады вас лицезреть! — скривил губы в почти дружеской улыбке местный эскулап — само хладнокровие, но я его не слышал.

Ребята-то, небось, соскучились?

Очнулся в пять. Утро только-только оживало. Разбудил *он*. Впился в меня взглядом, высасывал последние соки. Я впервые поймал *его* за делом. Понял, почему после смерти ее мужа каждое утро чувствовал себя слабым, а она боится здесь ночевать.

Запустил будильником. Железная коробочка не долетела до *него* пару дюймов, спружинила, упала на пол, покатилась: дзинь, дзинь.

«Он — в защитном поле, — сообразил я. — На шару — не взять. Думай, Федя, думай...»

Есть идея: огонек! Пламя поглотит и поле! Поджечь кровососа!

Встаю, улыбаюсь (как бы говорю: ну хватит на сегодня, друг любезный, ну хватит), иду будто бы умываться. Зажигаю плиту якобы сварить кофе, но прикуриваю от конфорки газету. Тут же — пока «друг» не сообразил, что к чему, — выплескиваю на сверлящие глазища — только не

промахнуться! — заготовленную на всякий пожарный (каково совпадение!) кружку спирта и вслед отсылаю горящие «последние новости». И — привет: его портрета больше нет!

А сам направляюсь домой. Не жду, пока ничего не видящие меня туда в ненавистной с детства рубашке до пят отвезут. Да и холостяцкая, в родных стенах жизнь поспокойнее будет. И ребята, опять же, пока я сватался-женился, небось, по парню соскучились...

Как они улыбались друг другу!

Она: «Пить начнет с семи-восьми. К одиннадцати будет готов. В двенадцать отойдет, захрапит, и вот тогда...»

Он: «Ляжет, как все берегущие здоровье, в девять-десять. До одиннадцати полистает какую-нибудь дребедень, типа “Знание своего гороскопа — залог долголетия”. К двенадцати пушкой не разбудишь. И вот тогда...»

Они сидели за небольшим столиком в «Макдональдсе». Красивые, элегантно одетые, счастливые. Был выходной день. Солнечно. Радостно. Ему завидовал весь мужской пол, ей — весь женский.

«Вот тогда, — закончила она, — и убью его...»

«Ее», — поправил он.

Как они улыбались друг другу!

Последнее слово

Он ударил ее: она, не предупредив, отлучилась на несколько часов и, как он считал, изменила. Но она не изменяла. Во всяком случае, в этот раз она действительно была у матери. Последнее время та плохо себя чувствовала и пригласила ее: «Хочу тебя увидеть, что-то рассказать. Боюсь, это будет мое последнее слово». На протесты дочери добавила, что шутит, но повторила настойчиво: «Приди, доченька!»

«Мама была права, — думала она. — Будто в воду глядела: муж тебя ударит, как только войдешь, а потом извинится, сбегает за цветами, конфетами, шампанским...»

Так все и случилось. Но ближе к окончанию ужина. После ее восхищенного: «Вот это мужчина! Такой, наверное, не устанет до утра!» — он вскипел ревностью к телевизионному герою и снова занес руку. Но ударить не успел — острие ножниц для стрижки рыбы вошло ему под ребро.

Он долго не умирал, а она истерически смеялась.

Вдруг успокоилась.

— Чуть не запамятовала, — вытерла слезы. — Когда уходила от мамы, она сказала: «И последнее тебе мое слово, доченька: перед тем как сядете ужинать, положи подле себя что-нибудь острое и длинное...»

Признание

С некоторых пор ему стало казаться, что муж, неутомимо расхваливающий свою жену прилюдно (скажем, за праздничным столом), делает это не просто так, не от переполняющей его любви и нежности. Почему-то думалось, что этот человек в чем-то виноват перед супругой, совершил какой-то тайный грех и теперь кается, пытается загладить вину, откупиться. И только сейчас, сидя за праздничным столом, понял, в чем дело: они, эти люди, просто не спят с женами...

— Папа, твоя очередь маму поздравлять! — очнулся он от голоса старшего сына.

— Да-да, мы ждем, Олег Васильевич, — поддержали гости. — Тост за вами.

Он медленно поднялся, как бы оживая, возвращаясь в праздничную обстановку, из которой, задумавшись, выпал на несколько минут, чуть слышно проверил голос: «гм-гм», окончательно очнулся, и — его понесло:

— Скажу вам, друзья, прямо: без моей дорогой, ненаглядной, мудрой, любимой жены я бы ничего в этой жизни не добился. Только благодаря ей...

— Вот это я понимаю — любовь! — перебила его подруга жены. – Вот это признание.

«Да, признание, — мелькнуло у него, — действительно, признание...»

Несправедливость

Она знала, что мир несправедлив. Но чтобы до такой степени! И чтобы несправедливость коснулась именно ее, всю жизнь готовую встретить любую напасть во всеоружии!

Нет, мир не только несправедлив, — мир нелогичен, непоследователен, безумен.

Она соблюдала режим, жила по кругу: бассейн, сон, массаж, природа. Не работала, не перетруждалась, не рожала, следила за собой: к сорока ни одной морщинки. Любила себя.

Очень любила.

И она, оберегавшая свое здоровье как зеницу ока, сдувавшая с себя пылинки, теперь умирала, а у постели стоял ее муж. Седой, полулысый. Никогда не берегший себя, недосыпавший. Всю жизнь пахавший и потому вечно изнуренный и в пятьдесят — старый. Старый и уставший.

И, уставший, он подавал ей еду, приподнимал на подушках голову, ухаживал за нею, успокаивал, доставал лекарства, работал ночами, чтобы не оставить без вознаграждения врачей и не прийти к ней в палату с пустыми руками. Много работал. Пахал, пахал, пахал.

Он любил ее.

Она умерла, но так и не поняла, что мир не просто несправедлив — он тотально несправедлив. Несправедлив и к несправедливости, и к любви.

Как у Бога за пазухой

Шестьдесят лет вместе. Шестьдесят лет жизни как у Бога за пазухой. Он был интендант, генерал. Всегда в делах, в заботах, даже после выхода в отставку: «Не хочу, чтобы ты когда-нибудь испытала нужду». А она — при нем: жена, любовница, кухарка, прислуга, товарищ — все вместе.

Жизнь промелькнула, как мгновение. Жизнь промелькнула...

Она ударила его. Сильно, наотмашь. Потом еще и еще. По голове. Била и голосила. У него пошла кровь. Из рассеченной губы, из носа. А он лишь жалко улыбался. Указал взглядом на сервант. Там, в верхнем ящике, лежал дамский, инкрустированный слоновой костью пистолет. Подсказка? Он кивнул: давай.

Она не виновата. Она — сдалась, сломалась, сорвалась: он снова выдернул шланг, через который опорожнялся. К утру уснул, повернулся на бок, и — шланг слетел. В который раз! Господи, опять этот смрад. Пронизывающий, выворачивающий наизнанку, удушающий...

Он не шевелился, остывал, а она все перекладывала пистолет из руки в руку, не могла прийти в себя. Наконец опомнилась, села в изголовье на стул. Последние несколько месяцев почти не вставала с него: ждала, надеялась на чудо. Теперь — все. Вздохнула: «Слава Богу, конец. Прости, дорогой. Прости и поверь: терпела, но — не выдержала. Это выше моих сил. Но ты не волнуйся, я — скоро».

Прошла на кухню, взяла приготовленную заранее капсулку, положила в рот. Налила в ста-

кан воды. Запила. Вернулась в спальню. Легла рядом с ним. Была счастлива: снова вместе.

Тихо уснула.

Я люблю любить

Любовь!

Любовь — это высшая, данная нам Богом духовная и душевная благодать. Концентрация лучшего из обретаемого человеком на земле. Союзница развития и эволюции.

Она опьяняет, заставляет терять голову — и возносит до небес. Делает мир прекрасным. Движет его вперед. Устремляет в будущее.

Любовь — это надежда, мечта, зов предков, жажда совершенства. Осознание смысла жизни. Высшее счастье. Наслаждение. Самое светлое желание. Удача. Победа. Благодарность. Слезы и смех. Радостные слезы. И от души смех.

Любовь — это Добро.

Это — Рай.

Но есть чувство, которое сильнее любви, самое сильное в мире чувство.

Ревность!

Ревность — это наказание Господне, наибольшее Зло.

Ревность, как и интуиция, выше разума. Но интуиция помогает разуму, ревность же его разрушает.

Ревность — это дьявол из преисподней, бес, вселившийся в душу, завладевший сердцем, сознанием, плотью.

Ревность опустошает духовно, лишает сил, увечит жизнь, судьбу, предначертанное свыше.

У ревности нет логики. Она изначально алогична: любишь человека и — считаешь его предателем.

Ревность — это яд, смешавшийся с кровью, раковая опухоль, окутавшая и парализовавшая тело, заставляющая его гнить и разлагаться. Ужас помутившегося рассудка, самоистязание до беспамятства.

Ревность — это победа рефлексов над инстинктами. Но не в союзе с эволюцией, а в битве с ней.

Ревность — это регресс, дорога в никуда.

Ревность — это Ад.

Это — ненависть. Тотальная ненависть — ненависть к ближнему.

Я ненавижу ненавидеть!

Я люблю любить!

БОНУС
(из черной тетради)

ЧУЖЕЗЕМЕЦ-I

Узник знал, что не выдержит пыток, но знал и другое: у него есть шанс — больное сердце. Оно не вынесет, сдастся, сгорит, перестанет биться раньше, чем развяжется язык.

Его истязали грамотно и долго. Минула вечность, прежде чем с облегчением осознал: ударов не воспринимает и в пространстве не ориентируется. Бредилось — вот-вот взлетит, отбитые внутренности потеряли связь с телом, и оно казалось невесомым. Затеплилась надежда: «Даст Бог, так и уйду, не раскрыв рта».

Два мокрых от пота крепыша оттащили узника в угол камеры. Один плеснул на окровавленную голову водой из ведра, пробасил:

— Так и будешь в молчанку играть?

— Ничего, — после небольшой паузы ответил за узника второй. — У Доктора запоет. У него и не такие соловьями заливались. Уходим, свое отработали... — Но неожиданно развернулся и пнул лежачего: — От, сука!

Узник молчал.

На смену крепышам явился белый карлик. Впрочем, не карлик — те сложены пропорционально, — а до смешного коротконогий и оттого неуклюжий человечек в белом до пят халате. Правда, тем, кто знавал коротышку Доктора, никогда не пришло бы в голову рассмеять-

ся при виде его: обычно, общаясь с клиентами, веселился и хохмил он. В широком лице Доктора ничто, если брать порознь, вроде не отталкивало: выразительные карие глаза, прямой, почти идеальный нос, строгий квадратный подбородок, ярко-розовые, как у ребенка, живые губы. Но все это было как-то сдвинуто, смещено, и оттого лицо казалось собранным и склеенным из разнородных фрагментов. Такое вот редкостное уродство.

За уродом вошел здоровяк в свободном трико и с голым торсом — из той же команды разогревающих. Сегодня ему выпало трудиться в паре с Доктором.

«А коротышка — трус! — усмехнулся про себя узник. — Один на один даже с полумертвым боится остаться. Видно, случались прецеденты».

Здоровяк оборвал его размышления. Ухватил за оставшиеся от одежды лохмотья, подтащил к вмурованному в стену металлическому креслу. Усадил и придавил руками-гирями к спинке. Хехекнул:

— С чего такой мокрый? Ванну принял? — Не дожидаясь ответа, похвалил: — А держишься молодцом, быстро отошел, выносливый. Теперь расслабься пока, отдыхай, набирайся силенок. Они тебе понадобятся...

Узник надеялся, что сердце не дотянет до того момента, когда он окажется на спецстуле — так назвал его, увидев впервые. Прислушался к себе. Увы, сердце спряталось, притаилось — берегло себя. Сердце хотело жить.

Здоровяк пристегнул узника к стулу. Ремни впились в тело, сдавили, парализовали. Это подействовало: сердце испугалось, сорвалось, затрепыхалось.

«Молодцом! — похвалил его узник. — Вот и подсобишь мне. Может, до самого страшного и не дойдет...» И замер, увидев подкатываемый коротышкой-уродом к нему столик со слесарно-медицинским инструментарием.

Доктор взял поблескивающие под мощной узконаправленной лампой хромированные щипцы и несколько раз развел-свел их — разминал пальцы. Щипцы тихо поскрипывали — скребли по мозгам.

— Думал, кусаются только бешеные собаки? Ан нет, — приблизился к нему веселый человечек. Показал до блеска выбеленные зубы. Заметил: узник робеет. Усмехнувшись, затянул паузу: продлял удовольствие. — Значит, так. Электроника тебя не берет: ты ее, не касаясь, вырубаешь. Химия, пилюльки, уколы тебе тоже по барабану — отторгает их твой хитрый организм. И парни мои зря двое суток старались в надежде, что у тебя совесть проснется. Остается одно — вспомнить святую инквизицию. Она всегда своего добивалась. А уж какие клиенты у нее были! Терпеливые, скажу тебе, клиенты, терпеливые. А гении какие... Один Джордано Бруно чего стоил... Вот видишь, и по истории прошлись... Теперь и по тебе пройдемся... Да не дрожи, не дергайся! Больно — только в первый раз, потом привыкаешь. Я вот привык...

«Ты не привык, ты таковым родился. Собака, нелюдь, тварь! — узник смотрел коротышке в

глаза. — Если сдамся, предам, струшу — стану такой же тварью».

Доктор прижал к бедру узника обжигающе холодную головку щипцов.

— Ну что, будем языком шевелить или дальше немым прикидываться? — Еще помедлил: бросал последний шанс. — Пока тебя прощупывали изнутри. Теперь испытаем снаружи.

Сердце узника снова ожило, заколотилось, пошло сбиваться с ритма, захлебываться. Он подзадорил его, мысленно шепнул: «Давай, давай...»

И тут урод щелкнул щипцами — вырвал из бедра кусок кожи с красными паутинками мяса.

Молния боли прошила голову узника, но сердце, будь оно неладно, не разорвалось. Наоборот: снова притихло, сжалось, замедлило бег. Разрывалась голова. Начало мутить.

«Инсульт! — мелькнуло в ускользающем сознании. — Боже, возьми меня, возьми!»

— Нет, дорогой, — окатил его из ведра здоровяк по кивку коротышки. — Без исповеди от нас еще никто не уходил.

Ледяная вода остудила голову, и узник с содроганием отчетливо осознал: такого раздергивания тела по кусочкам ему долго не выдержать, он сдастся, расскажет все — чего от него требуют и чего не требуют. Мозг его не взорвался, не залился кровью с первого раза. Со временем, говорил Доктор, привыкаешь? Нет, он не настолько силен и скорее сломается, чем привыкнет. «Господи, дай мне умереть до того, как...»

Надежда оставалась по-прежнему одна — сердце!

Но сердце вконец затихло, легло на дно.

Доктор опустил щипцы в высокий стакан. Кровь медленно смешивалась с прозрачной жидкостью, окрашивая ее в цвет молодого красного вина. Потонул-исчез в ней и лоскуток кожи.

Коротышка оскалился:

— Значит, щипчиков тоже не боишься? Смелый, однако! А как насчет ноготков? Понравилось немого корчить? Ничего, рано или поздно голосок у тебя прорежется.

Он сменил инструмент. Поймав маленькой теплой рукой мизинец узника, отжал мякоть, тщательно ухватил ноготь пассатижами, дернул и завопил, будто бы ноготь вырывали у него:

— А-а!

Это был крик наслаждения.

Молния снова ударила узнику в голову. Но пронзила не по горизонтали — из уха в ухо, как в прошлый раз, а вошла сверху. Впилась в темя и рассекла голову пополам. Узник не закричал: парализовало мышцы лица. Горлом пошла кровь. «У-у...» — загудел разум, срываясь в бездну, но — удержался на краю.

— Крепкий орешек, — расплылся в улыбке коротышка. — Придется подружку верную привлечь. — Он взял с тележки пилку-лобзик длиною в локоть. — Эта красавица до чего хочешь допилит, — обрадовал. — Вот, смотри, рука твоя за запястье прихвачена, а мы ее сейчас освободим. Правда, не всю — сам понимаешь, свобода требует жертв.

Доктор приложил пилку к руке немного ниже ремешка-жгута, сделал первую насечку. Кожа расползлась, расстелила кровавую дорожку.

— Поехали! — резанул уже с нажимом. — Туда-сюда, туда-сюда! — упоенно водил пилой и визжал. — Смотри, какой я работничек! Смотри-и...

Когда под пилой зашелестела кость, узник поплыл — цветная картинка перед глазами превратилась в черно-белую, черно-белая — в непроглядную ночь.

Здоровяк свое дело знал, момент почувствовал тонко — снова окатил узника водой:

— Нет, герой, номер с ускоренными похоронами не пройдет!

Холод вернул узника в мир. Он снова видел. Видел в цвете. Кровь — красная. Буйвол-здоровяк — в синем трико и с рыжей волосатой грудью. «Не умираю, — силились и не могли шепнуть запекшиеся губы. — Проклятие!»

Внезапно за спиной коротышки раздался грохот, задрожала дверь камеры.

Гру-ух-х! — вместе с петлями и прилипшей к замку-засову штукатуркой дверь, тяжелая, окованная, отделилась от стены, рухнула на здоровяка и вдавила его в пол. Конец отогнувшейся железной шины вспорол ему бок.

В проеме показались двое вооруженных. Один, не мешкая, хватил прикладом автомата урода по голове. Проломленная голова засмеялась.

После второго удара улыбка с розовых губ слетела, маленькие ножки подкосились и коротышка бесшумно повалился. Он лежал у ног узника, закатив глаза. Ни дать ни взять — собака, которую погладил-отблагодарил за верную служ-

бу хозяин. Собакой он и был. Бешеной собакой...

«Цепкий, еще чуть-чуть — и добился бы своего!» — смотрел на замершего коротышку узник.

И вдруг поймал себя на мысли: «А мои спасители, кто они? Как поступят, если поделюсь с ними информацией, которой владею? Во благо или во зло?»

— Не тревожьтесь, — словно услышали его невысказанные сомнения те двое. — Мы сразу раскроем карты: нам известно, кто вы и откуда. Знаем мы и то, что через связь со *своим* миром вы способны предсказывать будущее (кроме собственного) на ближайшие двадцать четыре часа. Сейчас развяжем путы, и вы услышите о наших планах...

Узник терял сознание. Он еще не успел осмыслить, что освобожден, был во власти нестерпимой боли, но где-то в глубине души уже родилось, росло это горделивое чувство: он выжил, вытерпел, остался человеком!

Теперь он не желал смерти — хотел жить! Во что бы то ни стало — жить! Наперекор всем извергам и уродам — жить! Жизнь — прекрасна!

Радость и счастье переполнили его, подхватили, понесли. И сердце, выдержавшее нечеловеческие муки, не сдавшееся, когда сдавались разум и тело, не вынесло нахлынувшего потока свободы — захлебнулось...

Спасителей насторожило, что голова чужеземца вдруг упала на грудь. Один из них взял его за руку: пульс не прощупывался.

— Воды! Быстрее! — закричал, пытаясь хоть что-нибудь предпринять.

Все было напрасно.

Спасители так и не узнали, что случится завтра — 11 сентября 2001 года...

А Душа чужеземца летела к небу.

Вскоре завращалась вслед за Землей. Вращалась и ждала.

Ждал своего часа и я.

И час пришел. Я вырвался на свободу, и Душа вошла в меня, всколыхнула сердце — одарила жизнью.

Так я родился. Вернее, ожил он, чужеземец.

ЧУЖЕЗЕМЕЦ-II

Палач всколупнул острием лезвия глаза закованного в железный панцирь-сетку чужеземца. Левый, за ним — правый. Не останавливаясь, принялся за уши. Когда шуровал ножом, отделявшиеся от головы уши отвратительно посвистывали, вызывая у палача рвоту. «Старею», — подумал. Языком и глотками воздуха он силился сдержать, запихнуть блевотину назад. Справился. Продолжил работу. Короткими, но ухватистыми — с насечками на концах — щипцами вырвал у пленника ноздри.

Присмотрелся: пленник — жил.

«Хорош! — входил в раж. — Такой долго протянет! Достойным чернь упьется представлением!»

Воспользовавшись тем же инструментом, всунул в рот пленника почерневшую медную воронку. Опасливо принял поднесенный ковш с

кипящей смолой. Наклонил. Держал-скалился: полилось!

Грязно-бурое варево ворвалось в нутро пленника, но спустя мгновение повалило назад, с шипением растекаясь и впиваясь в щеки вокруг торчащего изо рта конуса. Из пустот на месте глаз, носа и ушей хлынула кровь.

Ну как? Хватило?

Пленник жил.

Обезображенное тело подняли, облили-обмыли ледяной белой жижей и поволокли на площадь. Под ликующий рев заждавшейся толпы «Режь! Режь! Режь!» приковали к связанному из бревен помосту.

Продолжил палач с ног. Сначала отсек стопы, потом — чуть ниже колен и, наконец, добрался до бедер.

Вторая нога отпала только после шестого удара.

Пленник валялся в луже крови, но — жил.

Палач, не мешкая, пошел дальше. В два приема отрубил руки: сперва — кисти, потом — выше локтей.

Страшный обрубок курочился, но — жил.

То, что осталось от пленника, подцепили крюком за ребра и подвесили на толстой ветви старого дуба. Бегали вокруг, смеялись: «Га-га-га! Га-га-га!». Били обрубок батогами, — думали, хлещут мертвого, а он — жил.

Заметив, что обрубок дышит, его сдернули с крюка, оголив два ребра, — и накинули на шею петлю. Другой конец веревки привязали к лошади, нетерпеливой длинногривой красавице, и

пустили неугомонную вскачь. Красавица долго увиливала от плетей, летая, словно ветер, но к заходу солнца умаялась. Попадала и осипшая, притомленная долгим экстазом свора. Оказавшихся ближе скрутило: кусок изрезанного, ободранного до костей тела дергался.

Живой!

Свора выдохнула:

— Дьявол!

Над квадратом биомассы всплыло и засветилось облачко — Душа пленника. Чуть зависнув над недвижимым изувеченным куском-телом, Душа-облако постепенно приподнималась, уходила в небеса.

Вскоре завращалась вслед за Землей. Вращалась и ждала.

Ждал своего часа и я.

И час пришел. Я вырвался на свободу, и Душа вошла в меня, всколыхнула сердце — одарила жизнью.

Так я родился. Вернее, ожил он, чужеземец.

ЗАПИСКИ УБИТОГО КОНТРАБАНДИСТА

БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

То было время, когда наш игрок в чужой команде (или наоборот?) Сева Новгородцев услаждал из далекого Лондона слух преданной аудитории пагубной для социализма музыкой хардрокеров из «Grand Funk Railroad». Привычно посасывая через соломинку «кока-колу», разве что понаслышке известную мирным гражданам Союза, популярный ведущий якобы музыкальных программ «Би-Би-Си», а для парней с Лубянки — подлый отщепенец, изменник Родины и потенциальный клиент, давал узникам зоны-государства возможность познать запретный вкус альтернативной культуры.

А по ту сторону железного занавеса, к востоку от Лондона, некоторые из Севиных благодарных слушателей, заочных воспитанников и бывших земляков, не самые, возможно, гениальные, но, безусловно, самые смышленые, активные и при этом готовые — если, конечно, так карта ляжет-прикажет — рискнуть многим, в том числе и собственным здоровьем, уже не только согревали душу запретными мелодиями, но и пытались изменить свои, казалось, навеки предопределенные судьбы.

I

Остановят — не остановят? Окликнут — не окликнут? Двадцать метров до леска-спасителя, пятнадцать, десять. Ох, как хочется рвануться и что есть сил... Ох, как... Я те рвану, трус несчас-

тный! Я т-тебе! Даже дернуться не смей! Иди спокойно, уверенно, не ускоряя шаг! Чего затрепыхался? В трясучке сердце слева направо переехало? Шарики за ролики закатились? Расслабься! Попридержи поводья! Ты же в Султановой куртке. Эксклюзивной, из белой кожи, с капюшоном. Значит, со спины ты и есть Султан. Иностранный студент. А за этими парнями гэбисты не очень-то в погоню бросятся, не очень.

Вот и лесок-спаситель! Родной ты мой, ненаглядный... Пять метров до свободы, два. Сжал кулаки и, последним усилием воли сбросив оцепенение (а оно, пусть и внутреннее, не бьющее в глаза, что ни говорите, было, это я теперь, спустя годы, хорохорюсь), удушил в себе желание припустить, вошел под сосновые кроны медленно. Выжал из ватных ног еще несколько шагов и скрылся за деревьями. Только после этого решился — дал волю ногам, понесся что было сил. Летел без оглядки, словно от смерти спасался. И это, пожалуй, не было преувеличением. Недремлющие ребята в штатском: гэбэшники, обэхээсники, их шестерки — комсомольские активисты и сверхактивные (думается, такими не становятся, а рождаются) народные дружинники, разом навалившись, кого угодно могли на тот свет спровадить. Случалось такое.

Я летел, но гнал меня все же не страх. Подстегивало и заставляло рисковать желание вырваться из нищеты. Вырваться из нудной обыденной жизни маленького советского человечка, строителя светлого будущего. (Да уж, из темного прошлого!) Гнало и подстегивало: беги, дружок, уноси ноги от судьбы, не сулящей ничего,

кроме рабства. Другого варианта скинуть цепи у тебя нет и не будет. Не заявляться же с поклоном в ненавистные органы, дабы подписать известную бумагу и сделаться доносчиком, которых по службе первыми в люди двигают. А без движения — нет повышения, одно топтание на месте. Значит, опять же тебе придется быть как все, вкушать только разрешенные радости: ликовать, что нет войны, что каким-то чудом на восьмитомник Артура Конан-Дойля подписался, что мы самая читающая и интеллектуальная страна в мире. А главное, ты будешь ждать, как манны небесной, мизерного аванса, чтобы тянуть на нем до зарплаты. Всю жизнь ждать аванса! Всю! А сливки за тебя будут снимать другие. Другие будут плавать в «капусточке», а заодно и в теплых морях и океанах, наслаждаться счастливой жизнью и дышать полной грудью. Тебе же они кинут только одну кость-надежду — ждать!

Я ненавижу ждать! Скверное это занятие и, главное, как правило, тщетное. Несмотря на молодость, пытку ожиданием уже успел изведать на собственном опыте и шкуре. Сколько раз доводилось ждать! Ждать и проклинать все на свете, сходить с ума от осознания своего бессилия изменить ситуацию, сжать время пытки ожиданием. Я не хотел ждать у моря погоды и потому бежал, проваливаясь в скрытые под снегом ямки, цепляясь за невидимые в лесном сумраке коряги, иногда чуть не падая, боясь не столько за себя, сколько за драгоценную ношу. Не мог я остановиться, сломаться, сдаться, а потом, будучи взятым с поличным и донельзя запуганным, подписаться на сексотство. Не

имел на это права. Старшие в моем роду хотя и потерпели от тех же гэбэшников, а не сдались. И в подвалах темных энкавэдисты их до беспамятства пытали, и в лагерях сибирских на морозе студили, а в предатели обратить не смогли. Не стали предки сексотами. Не замарали род стукачеством. Не имею права мараться и я. А раз так, то вынужден бежать по этой рискованной, опасной дорожке, уносить ноги. У меня ведь есть только два варианта: либо играть по их правилам, танцевать под их сопровождение, либо идти против их правил и законов.

Я выбрал — идти против. Поэтому и гнал без передышки, унося на плече только что приобретенные «Три семерки». Моим ровесникам объяснять, что это за штука диковинная, вряд ли нужно. А для нынешних акселератов скажу: так в народе именовался моноблочный переносной стереокомплекс «Sharp-777». Его выпускала одноименная японская корпорация в начале — середине 80-х годов прошлых уже столетия и тысячелетия. Это была одна из лучших и популярнейших в те годы моделей, мечта и предел желаний многих и многих. В первую очередь — цековских и директорских отпрысков. И не только мечта. Слова «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» их «высокие» родители, сдается, для себя и придумали. Я же, хотя и ощущал в те минуты вес «шарпа» на собственном плече, даже не смел и подумать о том, чтобы оставить его себе: стоил-то музцентрик весьма кругленькую сумму. То есть на плече у меня, собственно, и не магнитола была, а увесистая пачка маминых денежек.

Теперь вы понимаете, почему я не мог, да и не имел права остановиться? Или, что еще хуже, бросить «шарп», припрятать где-нибудь в снегу. И первое, и второе значило бы: поминай как звали! Остановись я — и «777»-й был бы отобран с кучей серьезных неприятностей вдобавок. Спрячь драгоценное приобретение в снегу — почти ноль вероятности найти его спустя даже знаменитые пять минут. А без «шарпа» мне в одночасье, как было задумано, в люди не выбиться. В нормальные, имею в виду, люди, не нищие. Ведь насчет цены магнитолки, должен заметить, я нисколько не перегнул. Ее стоимость и в самом деле составляла ни много ни мало две годовые мамины зарплаты. Не чьи-нибудь, а именно мамины: она ведь изначально эту покупку финансировала. Не напрямую, конечно. Мудрено я тогда все задумал и организовал, ох мудрено...

Для приобретения «шарпа» требовались деньги, и немалые. А где их взять много и сразу парню, в хрущевке проживающему? А вот где! За дорогой и престижный по тем временам (а теперь, как оказалось, тем более) презент — французские духи «Klima» — мне оставили на складе отнюдь не всему честному люду известного магазинчика без вывески дорогую, но сверхдефицитную (из тех, что можно по быстрому продать) вещицу — почти ненашенскую, прибалтийскую стационарную стереофоническую систему «Radiotehnika». Это в порядке промежуточной операции.

Конечно же, чтобы купить столь крутой музыкальный центр, да еще и в кредит, нужно было

не только на первый взнос копеечку изыскать (что я сделал, экономя полгода на обедах), но и присовокупить в качестве презента армянский коньяк с московским шоколадом. Впрочем, это уже были мелочи, на которые внимание обращать — только дальше себя загонять в нищету беспросветную. Это лишь во вредных для житейской практики антиреалистических совковых романах можно было достичь финансовых успехов суммированием мелких накоплений. В жизни другая наблюдалась картинка. Кстати, вернемся к жизни. Уже упомянутый кредит повесил, как упоминалось, на маму: кто же доверит столь внушительную сумму молодому инженерику со стажем без году неделя?

Не стану напрягать читателя подробностями моей финансовой операции. Скажу лишь, что заполучив стереофонический комплект, я тут же скинул его людям зажиточным и не охочим насиловать себя в очередях, сжимая в мокрой от пота ладошке заветный талончик или опасаясь ненароком стереть с той же ладошки написанные шариковой авторучкой, а чаще забытым нынче «химическим» карандашом три неровные цифирки. Одним словом, скинул дефицитик с маминых согбенных плеч и приобрел, как уверяла нас в институте въедливая политэкономица, первоначальный капитал для оборота и самостоятельной работы. Дальше — больше...

И вот теперь, когда нашел, где, как и чем загружаться, когда, казалось, все выстраивается по намеченному бизнес-плану — таскай из одного места в другое эти самые «шарпики» заветные, богатей — не хочу! — теперь остановить-

ся и дать себя отловить? Нехорошо это, несолидно, неправильно, не по-людски. Ведь мама до сих пор весь кредит не выплатила. До сих пор! А я должен опустить руки и спасать свою шкуру трусливую? Наплевать на мамин двухлетний труд? Нет, ребята, ваш номер не пройдет. Маму я в обиду не дам. Она у меня — одна. И я у нее — один-единственный и ненаглядный. Так она любила меня называть, когда из школы по математике пятерки приносил. А как умение быстро и правильно купюрки суммировать парню в жизни пригодилось! Учите, дети, математику — нужнейшую из наук! Нам, мамка, нужно беречь друг друга, держаться вместе. Только так мы можем вырваться из нищеты. Лишь на себя надеясь. Ты помогла подняться на первую ступеньку. Дальше дело за мной. А я тебя ни разу не подводил и не подведу. И с магнитолой за здорово живешь не расстанусь! Не сдамся за просто так! Никогда! Фигушки.

Но поджилки у меня, скажем честно, затряслись. Ведь если бы остановили да проверили, то уж дали бы по шапке. Ох, дали бы! Да что по шапке! Судьбу могли развернуть в другую, не лучшую сторону. За невинный анекдот жизнь людям ломали. Не выдумка, а явь родной страны Советов. Такое вот впечаталось в память веселое двустишие: «Два товарища друг другу рассказали анекдот — и на Тихом океане свой закончили поход». Пришили бы и кое-что похуже перепродажи. Связь с иностранцами еще и в восьмидесятые числилась в страшных преступлениях.

Трезво все рассудив, я не кинулся избавляться от вещдока и закапывать магнитолу в снег, а поправил бесценную ношу на плече, вздохнул и прибавил ходу. Вперед, где наше не пропадало!

Снега в лесу было по колено, и белый холод мгновенно проник в хилые, не для нашей зимы, итальянские горе-сапоги. А с виду-то, с виду каковы красавцы! Серебристые, с черной окантовкой. Только мех в них из этих... из опилок, что ли. Бр-р, привет, тифози! Не зря справедливые англичане при случае не прочь этих халявных сапожников повоспитывать. Впрочем, в обувке, не рассчитанной на нашенские снег и мороз, был, как сие ни удивительно звучит, и свой плюс: в них стыли ноги. А это заставляло шевелиться — хотя бы того ради, чтобы не дать им замерзнуть.

Бежалось все же с трудом. Но альтернативы не было. «Время — деньги!» — правильное умозаключение, однако не главное. Время — еще и жизнь! А она у нас у всех тоже одна-единственная. Мудрая поговорка «дважды не войти в одну реку» имела для меня вовсе не отвлеченный, а весьма конкретный смысл. Редко кого из фарцов гэбэшники ловили дважды. Хватало и одного — первого раза. Как говорится, первый и последний. Можно и по-другому перефразировать: фарц ошибается только раз.

Дыхание сбивалось, но волнение постепенно улеглось и голова заработала более спокойно. Сейчас главное — поскорее пересечь лесок. Слава Богу, он был невелик — километр-полтора.

Я летел, словно ветер, но и теперь, на бегу, все равно был вынужден делать самое для меня ненавистное — ждать. Ждать ответа на вопрос: чем этот бег, да и вообще все это скользкое дело закончится? Но закончился пока только лес — его разрезала дорога. Я сразу же перешел на шаг, осмотрелся. С облегчением отметил, что не сбился: за дорогой начиналось кладбище. Вымученно усмехнулся себе: вроде как обрадовался кладбищу! Может, так оно когда-нибудь и будет. Шучу, понятно, нервы успокаиваю. Главное — дорога. Ведь дорога — это та же жизнь. Аккурат на нее, на дорогу, я теперь и надеялся, вернее, на того, кто на ней меня должен был ждать.

Таксист — молодец, не подвел, не уехал, а то каюк мог придти пареньку залетному (это я, когда волнуюсь, о себе в третьем лице, как вы, наверное, заметили, прохаживаюсь). Если бы, выскользнув из леса, я ринулся к автобусной остановке, то подоспевшие друзья-товарищи враз замели бы бегунка с «шарпиком». Хоть и с опозданием, но просекли строгие парни фокус с чудо-курточкой и по асфальтовой дорожке прежде меня от общежития до автобусной остановки добрались. Вот бы с вещдоком и замели. И каким — японским магом! Две тысячи целковых! Вон они, голубчики, шушукаются, планы строят, как бы фарцу хитрущую в нездешнем маскхалате и с дорогой японской штуковиной под мышкой за *это дело* ухватить. Верно гэбисты рассчитали: с такой бандурой далеко не убежишь.

Рассчитали, но не всё. Фигушки вам, умники-разумники, выкусите. И мы не лыком шиты. Как

это собрат мой и конкурент по бизнесу Генка, ежели в добром настроении, выкаблучивается, прощаясь? «Бай-бай, живи — не пропадай!» Правильно — *by-by*, *ауфидерзеен*, господа нехорошие! До нескорой встречи!

Я закинул ящик на заднее сидение, плюхнулся рядом и, косясь в сторону («как там обстановочка на той остановочке? Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота!» — это у меня снова нервы по телу забегали), бросил водителю:

— Поехали! И газку не жалей, дружище!

«Поздно, ребятишки, очухались, — радовался, удаляясь от охотников. Видел в заднее стекло, как те бросились было вдогонку, да куда там! — Отдохните, сегодня удача не в вашу сторону глазками сверкает. Поездок-то — тю-тю, ушел. Вырвалась из гэбэшного кольца жертва беззащитная».

Однако если на душе и стало легче, то не шибко. «Надо что-то делать, попытаться, видно, изменить тактику. Менты с гэбистами вновь облаву устроили. Неужели на ежедневную охоту перешли? Вчера проскочил, подфартило, сегодня тоже — загодя с такси подсуетился. А завтра? Что будет с парнем завтра? Не окажусь ли в том сером автобусике с коричневыми шторками, который товарищи в штатском перед охотой на ребят, особо шустрых, во двор общежития подгоняют? Не хочется в кабинете с зарешеченными окнами отвечать на каверзные вопросы. Ой как не хочется! А тут, чего доброго, скоро придется. Ей-Богу, придется... Чего-чего? От ляпнул! Выдал так выдал! Типун мне на язык! Ох, накаркаю, ох... Надо, видимо, передышку

организовать, темпы сбросить. Как это у моряков (да уж, да уж) говорится: «Малый вперед!» Вот и мне следует вперед — малым ходом. Иначе и в самом деле заметут. А тогда уж точно мало не покажется.

II

На следующий день, как и планировал, думал в бой не идти, тайм-аут устроить. Но фарц планирует-предполагает, а судьба с ним в свои игры играет! Как снег на голову заявился однополчанин с Алтая. Неделькой раньше позвонил, просил помочь приодеться по-человечески. И я на свою голову пообещал отыскать его мечту — джинсы «Lee», да еще американского производителя! И вот он, товарищ алтайский, дорогой, родной, любимый, в гости пожаловал. И достань ему хоть из-под земли, коль обещал, те самые ковбойские штанишки — умри, но достань, и никак иначе! Слово же дал!

Дал так дал! И значит, надо выполнять.

Неимоверно рискуя нарваться на парней с невеселыми лицами, перерыл гору общаг с неграми, арабами, поляками — пусто, отсутствует на данный момент товарчик дефицитный! Уже почти отчаявшись, случайно узрел у паршивца Генки то, что «доктор прописал». Этот живчик умел эксклюзивные вещи добывать. Талант по этой части у парня был исключительный. Пришлось, не торгуясь, раскошелиться за штанишки на топовый прайс — 190 очень крепких советских рубликов. Что поделаешь? Главное — слово сдержать. Слово чести для фарц-брата повесомее, пожалуй, чем у любого партийца, за на-

род ратующего, а на самом деле из него кровь сосущего. Слово чести для фарца больше, чем просто слово. Сказал — значит, любой ценой обязан исполнить. А как же иначе? Договорчиков ведь мы не заключаем и векселей не подписываем — на доверии все держится, на пресловутом честном слове. Даже, уточнил бы, на честном благородном слове, как у тех дворян, большевиками почти добитых. Так сказать, неписаный закон. Не говоря уже о том, что и чисто по-человечески это приносит удовлетворение. Вон как сердечно улыбался-прощался со мною ублаготворенный однополчанин, как горячо из окна купе ручкой махал!

Да, когда-то фарцы слов на ветер не бросали. Не расходились слова с делами и у тех, которые на них охотились — гэбэшников и бандитов. О первых уже пару слов замолвил и по ходу повествования, не исключено, еще не одно добавлю. О последних же поучительный случай, пока из головы не выскочил, расскажу безотлагательно. Наверное, и вспомнился он неспроста.

Попал я как-то на именины подруги и соавторши широко популярного — в узких кругах — композитора Василька Ревунчика (редко, отмечу, кому из нас так повезло: чтобы описать объект, достаточно назвать его имя и фамилию). День рождения пассии музыканта отмечался в лучшем ресторане герой-города. Соответственно и гости были не из класса гегемонов-пролетариев. Среди приглашенных мне почти сразу заприметился тихий симпатичный паренек, который даже на общем не слабом бомондном фоне выделялся сверхмодным прикидом. Не яр-

костью одежд, а их изысканностью и строгостью, что, как знают посвященные, дорогого стоит. (Слышали, к примеру, про костюмы без швов?) И вел паренек себя сверхвежливо и сверхделикатно. Ну просто мальчик-паинька!

Поначалу думалось, он — наш, фарц, только без меры крутой, улетевший на больших «манях» в заоблачные высоты. Но что-то в красавчике, видно, было ненашенское, ибо беспокоило меня, и при первой же возможности я поинтересовался у знакомых, что за субчик. Никто про изысканного гостя ничего толком не сказал, кроме одного: на свой день рождения пригласила его лично именинница. Недавно с ним познакомилась. Сама себе удивлялась: «А встретились-то мы впервые на улице. Представляете, я — и в таких местах знакомлюсь! Как вам? Неловко даже говорить об этом. Впрочем, может быть, это сама судьба Вадика ко мне подослала, когда двое хулиганов у подъезда пристали».

Ох уж эти уличные знакомства. И ох эти уличные заступники. Попалась, голубушка, как последний несмышленыш. Вадик остудил не хулиганов, а своих же подставных корешков. Комедию, так сказать, ребята разыграли. Оказался смельчак не защитником слабого пола, а — грабителем, бандитом. Правда, еще молодым, неопытным, начинающим. Начинающим? Да. Но как!

Получив от наводчика адрес груженой под завязку аппаратурой и другими полезными вещами квартиры, дождался, когда хозяева уйдут на работу, и сделал проверочный звонок. Не услы-

шав ответа, позвонил второй раз. На всякий случай. Снова — тихо. Далее уже не мешкал — выбил ногой входную дверь. (Вот были времена — за фанерками спокойно спать ложились!)

Хотя на звонки никто не отвечал, квартира безлюдной не была. Немощная пенсионерка, мать периодически шаставшего за границу переводчика из торгпредства, сидела в инвалидном кресле и читала. Та книга стала последней, которую она видела в своей жизни.

Ухватив старушку за волосы, собранные у лба широким гребнем, Вадик придавил седую голову к спинке кресла и ткнул растопыренными пальцами в слабо видевшие глаза. Как после рассказывал братанам, пожалел полумертвую каргу, потому и не прикончил. Пожалел...

Вадик воспитывался в интеллигентной семье и умел вести себя как должно. Вот именинница его сразу и не раскусила. Раскусила, когда уже было поздно.

Красавчик как-то позвонил «композиторше». Услышав, что та через два часа уезжает на гастроли, обрадовал: успеет подвезти ей только что вышедший альбом так любимого ею Клиффа Ричарда. А какая мадамс откажется от Клиффа, да еще и Ричарда? Правильно, такую надо поискать. Не отказалась и она. Тем более не допустила мысли о чем-нибудь плохом. Да и не знала, что не следовало ей упоминать про гастроли. Нечто совсем другое подразумевал добряк-красавчик под этим словом.

С ледяным спокойствием «защитник» упаковал и сложил у выхода все ценное, что было в ее квартире. А хозяйку, в отличие от давешней

старухи, не пожалел — измывался над доверчивой беднягой долго и зверски. Зачем? Да так, для собственного удовольствия — кайф ловил. А заодно и преподавал урок, чтобы не грешила с чужими мужьями. Заклеил и без того онемевшей от страха жертве широкой лентой скотча рот и, сорвав с нее остатки белья, привязал бедную за руки к батарее. (Возможно, как раз Вадик и был тем первопроходцем, с легкой руки которого и другие нелюди взяли за моду к стационарным обогревателям своих жертв приковывать.) Окатил потерявшую с испугу сознание хозяйку водицей и давай хлестать по нежному телу прочным ремешком из качественной кожи от доброй старой фирмы «Super Rifle». А у хорошей фирмы и пряжка знатная — бронзовая.

Не зря, оказывается, улыбчивый Вадик одевался с особой изысканностью и строгостью, в общем — дорого. Дорого это стоило и имениннице — она заплатила жизнью.

Лет через пяток после описанных событий избили до смерти и самого Вадика (к тому моменту уже известного не только в бандитском мире авторитета по кличке Епим), чтобы не лез беспредельщик куда не следует (на бензоколонки, в супермаркеты и прочее). Рот ему не заклеивали, и рев стоял на островке, затерявшемся в почти нетронутых цивилизацией болотах где-то между Гомелем и Брянском, — нечеловеческий, что, впрочем, соответствовало действительности: если Вадик человеком и был, то только отчасти.

На тех именинах, кстати (ты смотри, такого человека чуть не забыл!), и по-настоящему кру-

той фарц присутствовал. Для ясности тут хотелось бы отметить: фарцы бывают разные. Затихарившиеся, такие, к примеру, как Генка с известным девизом — курочка по зернышку. Перестраховщики — сто раз (не семь!) отмерь — один раз отрежь! Рискованные, как Миколка-паровоз, — была не была! И отвязанные, не думающие о последствиях — а пошли бы вы все! — как Михальчук, которого, насколько помнится, Сашей звали. Стоило парню разок удачно гитару двенадцатиструнную продать лидеру «Песняров» Владимиру Мулявину (когда такие люди уходят, начинаешь и сам беспокойно ночь встречать — а будет ли за ней рассвет? — и руку козырьком ко лбу прикладывать: где там, за горизонтом, серая карга бродит и не в мою ли сторону зайчики косою пускает?), а музыканту пару раз ответить на завистливые вопросы коллег-друзей, где он, хитрец, надыбал «Хендриковский фендерчик», — «Места надо знать!», как вмиг перед Сашкой выстроилась очередь клиентов, и парня понесло. Капитал пошел увеличиваться с космической скоростью: «двенадцать негритят» временами не справлялись с тасканием заморских гитар, «ударных», прочих «ямах», «маршáлов» и «тамов», тогда малоизвестных. Однако с той же скоростью к нему приближались — с разных, понятно, сторон — бандиты и менты. Первыми добрались до Сашки служители закона, что, возможно, спасло ему в тот момент жизнь, но не спасло от тюрьмы. Два года исправительно-трудовых лагерей — финал не из самых лучших, учитывая Кирилкин опыт (о чем

чуть ниже), а если их дали пять и с приставкой «строгого режима»? Правда, отвязанного Сашку и лагеря не остановили. Продержаться среди зечья помогла упаковка «зеленых», незаметно выкинутая его женой в кухонное окошко во время обыска. Не растерялась, молодчина, от неожиданного ночного визита непрошеных гостей. Риск потерять денежки в кустах недавно высаженного ею (как чувствовала!) крыжовника был, конечно, но значительно меньший, чем и дальше держать их дома.

Остановили же неугомонного Сашку (уже после отсидки) когда-то не доставшие его бандиты. И остановили навсегда. Риск — благородное дело, но когда потерян страх, ориентация в пространстве, нет тормозов, вектор желаний устремился в бесконечность и отсутствует сдерживающее благоразумие...

Интересно, встретил ли Александр Михальчук Владимира Мулявина *там*? И кто теперь играет на осиротевшем «Хендриковском фендерчике»?

III

Я, кажется, немного отклонился от своего повествования. А между тем хотелось бы отметить, что наши культпоходы за техникой и другими красивыми ненашенскими вещицами причислялись государством к преступлениям рангом не ниже бандитских и карались с неменьшей строгостью. Хотя никто из нас не был парнем с большой дороги, залетал в случае поимки не слабее любого бандюгана. А посему судьбы многих фарцов были, как правило, непредсказуемы и трагичны. Основной контингент сре-

ди суетливого народца составляли студенты вузов и техникумов, притом далеко не худшие. Были в числе фарцов аспиранты и молодые специалисты. Довольно перспективный контингент, стоящий на пороге будущей столь многообещающей в устах старших товарищей жизни. Провалы-проколы запросто могли перечеркнуть ее. Один неудачный культпоход, один-единственный влет с товаром — и способный аспирант, недавний краснодипломник или небездарный молодой инженер нередко и довольно быстро оказывались в поезде с зарешеченными окошками, везущем задаром в края далекие.

И нет здесь никакого сгущения красок или очернения социалистической действительности. Да господи! Какое очернение? Никогда, сколько жить буду, не забуду Кирилку, одноклассника, его безумно запуганных глаз и дрожащих беспрестанно рук. Таким он вернулся домой спустя год отсидки. Сломали парня! А каким был до заключения?! Умница, талант, страницу с одного прочтения слово в слово запоминал. И товарищем был честнейшим. А уж девчонки, так те, не стесняясь, даже в святая святых — библиотеке имени Ленина лезли знакомиться. Засадили талант на два года за перепродажу джинсов. Наш же однокашник (не хочется вспоминать его имени) упросил Кирилку уступить ему модные штанишки. И набросил для стимула двадцать рублей: мол, ты же понес затраты, в Вильнюс за ними ездил, билеты туда и обратно покупал. Мать деньги выделила. А отец, узнав о покупке, возмутился: переплатили! Он был ментом, не простым — майором, закрутил дело как надо —

пишите письма. И Кирилке пришили два года. Только вот письма ему уже были ни к чему. Вернулся тихопомешанным: в лагере зечье поганое опустило нашего умника-разумника. Не то что страницу с лёта запомнить — двух слов на ней прочесть не мог!

Понимали мы тогда опасность нашего бизнеса? Наверное, да. Но брала свое молодость. Жизнь, пусть и застойная (не для всех, разумеется), звала вперед, манила в голубые дали. И ехали мальчишки и девчонки «за туманом и за запахом тайги» — так в песне пелось, а на самом деле — за рублем, приятно в руках шелестящим, ибо давно романтические всесоюзные и комсомольские стройки превратились в обычные, чуть-чуть прикрытые идеологическим флером, шабашки. А те, кого не прельщали туманы да запахи таежные, суетились-вертелись дома — фирменную аппаратурку туда-сюда таскали. Благо, источник ее приобретения открылся неиссякаемый: учиться в Союзе было на порядок дешевле, чем у жадных капиталистов, и негры из африканских стран, «избравших независимый социалистический путь развития», стали все чаще показываться из окон студенческих и техникумовских общежитий. Эти «шоколадки», как их обзывали некоторые шутники, особенно охотно шли на контакт. Складывалось даже впечатление, что они ехали в Союз не учиться, а капусточку косить и трахать наших глупых и падких на все заморское девчонок.

Впрочем, за них, гостей чернокожих, говорить не буду. Скажу за себя. Вот некоторые поучают: не курите, не пейте, не гуляйте без меры с кра-

савицами, берегите свое драгоценное здоровье. А как его беречь? Как не расслабиться при сверхактивной трудовой жизни? Как не снять стресс запредельный?

После треволнений с «777»-м, конечно же, следовало расслабиться духом и телом. Тем более что удалось выскользнуть из цепких и длинных рук, да еще и с дорогой и «подъемной» вещью. Вот на радостях и завалился тем же удачным вечерком с друзьями в ресторан. До часу ночи вытанцовывали, потом продолжили веселиться за закрытыми дверями, и домой я попал лишь под утро. Спал-храпел, как сурок, до двенадцати, потом втык от Наташки получал, и у общаги появился только к обеду. И в этот же самый обед, точнее, в 13.25 их, собратьев моих, коллег по опасному бизнесу, и хватали.

А события, пока я нежился в постельке, развивались так. Сначала ребята без формы, но с понятными фейсами, общежитие, часть контингента которого составляли африканцы, оцепили по периметру, затем взяли под контроль этажи. И давай ждать — не у моря погоды, разумеется, а ребятишек наших, возжелавших — посмели, наглецы! — жить сегодняшним днем, а не байками про счастливое завтра.

И вот выходит паренек стеснительный из комнаты, а его — хап за шиворот! И не дернется. «Знаете парнишу? — спрашивают у местных шестерок. — Свой? Тогда проходи, не задерживай людей, важным делом занятых. А этот знаком? Нет? Видно, не отсюда? Пройдем-ка тогда, диверсантик, с нами, пройдем-ка, дорогой, по-хорошему, не упрямься. И что там у тебя

такое секретное в сумочке ненашенской спрятано? С чего так крепко за нее уцепился? А-а? Молчим-с-с. Ясненько».

Таким макаром всю фарцу и выудили.

Загоняли сгорбленных моих собратьев пленных в «рафик» со знакомыми занавесками, именуемый между нами катафалком, с вещами и по одному.

— И чем же вы здесь, в студенческом общежитии, занимались, позвольте спросить? — выясняли.

— По какому праву к иностранным гражданам пристаете? — возмущались, повышая голос.

— Не знали, что законом запрещено? А незнание не освобождает от ответственности! — довольные улыбались. — Не освобождает.

Очень, скажу вам, неприятные вопросы. Сам их — пусть и дальше будет милостив Всевышний! — я не слышал. Слышали другие. Как пояснял один мудрый чекист моему шустрому другу Генке, дело, мол, не в том, что вы на этом зарабатываете. Дело в другом. Во-первых, вы подаете дурной пример для подражания. Мол, не обязательно напрягаться-вкалывать на благо отечества. Во-вторых, если человек не трудится, у него появляется свободное время. В бездельи и ничегонеделании он может начать задумываться, песни плохие нашептывать: как, мол, да что, почему и отчего не хватает нам всего? А это... Вот-вот, как раз эти песенки невесть к чему и могут привести. Например, к такому опасному выводу: работал, не работал — денег все равно не скопил. Так ну ее, ту работу! И третье, главное. Распространяя западную электротехнику,

одежду, музыкальные пластинки, кассеты и прочие их ценности, вы несете в массы чуждую нам западную культуру и идеологию. Более того, создаете им рекламу. То есть пропагандируете капиталистический образ жизни — систему, враждебную нашей, социалистической. А значит — не побоюсь этих громких слов — вы являетесь врагами отечества. А с врагами как поступают? Правильно, уничтожают!

Многие после столь «доверительной беседы» бросали небезопасную профессию, не упомянутую ни в одном совдеповском справочнике. Бросил ее и Генка. Беднягу, отмечу, никогда судьба, кроме как в мелочах, особо не баловала. Упомяну тут в доказательство еще один печальный эпизод из Генкиной непростой биографии. Именно этот эпизод его и добил. Известное дело, знал бы, где упадешь, матрасик подстелил бы. Но это если бы да кабы...

Как-то Генка вздумал дважды одну и ту же денежку прокрутить. Двух зайцев хапнуть и одним махом. Забыл, что Бог за жадность выпороть может. Выудил у знакомого негра известный уже нам «шарпик» и понес под чековую «Березку». Была такая сеть специализированных магазинов, в которых импортную аппаратуру, бытовую технику, а также одежку красивую за особые дензнаки — чеки (специальные сертификаты) — продавали. Чеками теми справедливое советское государство рассчитывалось со своими очень ценными загранспециалистами (изымая, понятно, при этом заработанные ими доллары). Вот и предложил добряк Геннадий «строителю из Индии» (так избалованный заграницами ве-

сельчак представился) крутую магнитолку за тысячу двести пятьдесят тех самых «че» — на сотку дешевле, чем она стоила в магазине. Сам же чек в рублях ценился вдвое дороже. Вот и получалось, что «шарпец» уходил не за «двушку» с небольшим целковых, как обычно, а за две с половиной тысячи. Результат, что называется, налицо.

Щедрое предложение было принято «строителем» сразу и с радостью, что в принципе Генку не встревожило. Уж очень видный был новый знакомый: кожаный плащ, обувка, отражающая солнечные лучи не хуже зеркала, галстук, опять же, не с фабрики «Коминтерн», с булавкой из столь любимого героями Джека Лондона желтого металла.

По предложению «индийца» отошли подельники от стремной «Березки», чтобы не светиться перед подозрительными товарищами с квадратными отталкивающими лицами и круглыми любопытными глазами, в сторонку, к Генкиной «пятерке». Пересчитал парень вслух чеки, а тех — на тебе! — на сотку больше.

— Ах, да! — хлопнул себя легонько по лбу «строитель». — Мы же дешевле, чем в магазине, договорились. Отлично, еще и кофеварку «Bosch» на халявку поимею.

После приблатненного «поимею», да еще и «на халявку» — что-то екнуло у Генки внутри, но ласкавшие сознание мысли о дополнительных аж двадцати «четвертных» казначейских билетах погасили родившееся было легкое беспокойство.

«Индиец» еще раз пересчитал купюры и, прокомментировав: «И в самом деле, одна лишняя», — вернул пачку Геннадию. На том и расстались.

Не знал тогда Генка, что при пересчете расстался он не только с новым другом, но и со своей дорогой валюткой, отданной за японский «шарпец» негритосику. Хотел с одного захода дважды подняться. Получилось, что враз все потерял. Опустился, если одним словом, вернее — опустили. На две штуки жадина погорел. Советовал же парню: «Ген, не напрягай Боженьку». Не послушался. Как говаривал сам Геннадий: «Получи, фашист, гранату, получи».

И еще одну истину задарма поведаю дорогому читателю: быть пойманным с товаром — не самый худший вариант. С валютой — похуже будет. Для подтверждения расскажу еще один, думается, примечательный эпизод из нескучной жизни господ фарцовщиков.

Попал как-то в облаву — уже после Генкиных влетов — и Мишка Безяев, также старинный мой коллега по рисковому бизнесу. Теперь, говорят, парень обосновался то ли в мафиозном Чикаго, то ли в беспокойном Тель-Авиве, совсем другие испытывает проблемы и, думаю, не будет против, если народ узнает кусочек из его богатой биографии. Попался Мишка не с товаром: не успел еще навестить своего черного компаньона. Валюта оставалась при нем, а за несчастные пару купюр, обнаруженных в вашем кармане, в те лихие времена срок от пяти лет и больше давали. Зная, каким может быть финал нежелательной встречи, Мишка уносил ноги,

как мог, но в неравном по количеству соперничающих сторон забеге был прижат к туалету. Хорошо, хоть успел юркнуть за дверь и запереться на выгнутый из гвоздя крючок. Менты постучали по двери без ручки (какой-то подлец-молодец ее вовремя скрутил), постучали и поняли: без подручных средств не обойтись. Не мешкая, послали гонца вниз, к коменданту, за слесарным инструментом. Спрятавшийся за дверью Мишка поначалу еще тешил себя надеждами, уповал на его величество случай: а может, не станут обыскивать, а если и станут, то, может, в исподнее не полезут? Но, вспомнив кое-что из впечатлений парней, побывавших в подобных переплетах, что *эти-де* всё посмеют, решился. И полетела драгоценная валютка в унитаз. На секунду Мишка глянул на нее — словно попрощался, тяжело охнул и зло дернул за веревочку. Да так зло, что та оборвалась. В ужасном цейтноте Мишка не растерялся, что было бы вполне объяснимо, а, наоборот, стал решителен и смел. Забыв о брезгливости, сунул руку в буро-желтую жижу. От разбуженной вони голову аж на затылок скрутило. Потому, не глядя в унитаз, горемыка Безяев ухватил ценные бумаги и перебросил их в соседнюю кабину. Уже осторожно, как будто на той веревке сам висел, взялся за нее мокрой рукой и медленно потянул вниз. Унитаз был старенький, только каким-то чудом до развитого социализма доживший, но работал великолепно, и через мгновение драгоценные купюрки исчезли в его ненасытном чреве. Только успел Мишка вытереть о штаны вымытые под единственным работающим краном руки, как

менты взломали двери, выдернули гостя из «дабла» и приставили к стене.

— Руки по швам, фарца гребаная!

Дальше ясно — следовал личный досмотр (выворачивание карманов, прощупывание подкладки) и обыск самого туалета (заглядывание в смывные бачки и в пространство за ними).

— Где доллары?! — возмущались вскоре, так ничего и не найдя. — Неужели, стервец, проглотил?

Не могли менты поверить, что человек способен на такое — американские бесценные денежки в унитазе утопить.

Когда Мишку Безяева вели к «катафалку», он сломался и у него выступили слезы. Старший из ментов заметил это и неожиданно пожалел фарца:

— Не дрейфь, не ты первый, не ты последний.

Не уразумел он, что плакал друг Мишка не потому, что попался (он ведь, в принципе, и не совсем чтобы попался, влетел еще не по полной программе), а от осознания ужасающей мысли: вместе с пачкой зеленых в никуда канули и годы полной риска лишиться здоровья работы без выходных и проходных, годы его жизни. Бессмысленной, как теперь выходило, жизни. Бессмысленной, как теперь получалось, потери здоровья.

Но не иначе старость потихоньку подкрадывается ко мне: на безвкусную многозначительность тянет. А между тем давно пора бы вернуться к тому моменту, когда, отлежавшись после ночного веселья, я подошел к известному

общежитию и увидел, как парней, позволивших себе расслабиться, оптом брали. Я, конечно, по достоинству оценил ситуацию и на рожон — проходную общежития — не полез. Свернул вправо, к наблюдательному пункту — обшарпанной студенческой столовой, вечно пахнущей хлоркой и прачечной. Оттуда, из туалета на втором этаже прекрасно обозревалось поле битвы — площадка перед общежитием и его парадная дверь, через которую и выводили теперь моих собратьев по бизнесу и одновременно — конкурентов (вскоре кое-кого из них можно будет представить как бывших).

Казалось бы, радуйся: освобождается поле для деятельности. Но душу не клонило к веселью. Было грустно и тоскливо, как на могиле товарища. Никому не пожелаю изведать это пренеприятнейшее, холодящее сердце чувство, словно ты сам в сырую землю зарыт.

Смотрел я, не высовываясь особо на свет божий, и неотступные мысли сверлили молодую мою голову. А если бы *я* под конвоем оказался? А если бы *меня* двое плечистых ребят с серьезными лицами под руки в катафалк волокли? А если бы приобретенные *мной* предметы не первой необходимости цепкие ментовские лапы вот так небрежно перекидывали и пересчитывали?

За полчаса строгие ребята в цивильном свое правое дело сделали, и в сопровождении «Волги» со спицей-антенной набитый желающими подзаработать в обход родного государства серый, неприметный микроавтобус двинулся в путь-дорожку, возможно, для кого-то и в самом

деле роковую — в сторону районного отдела внутренних дел.

«Крепитесь!» — захотелось поддержать отбывающих «в неведомую даль» не только взглядом. Но — приструнил себя, не ляпнул глупость бесполезную. И правильно сделал. Чей-то грубый голос наехал на меня сзади:

— Ты из какой будешь комнаты, красавчик? Что-то я тебя не припоминаю?

Я обернулся и понял — врать бесполезно и бессмысленно. Передо мной стояла, возможно, здесь и не главная, но активно действующая гэбэшная внештатница — комендантша общежития: мощно, по-мужски сбитое, злобное существо неопределенного возраста, с полуметровой завивкой на голове. (Как сей терем-теремок на макушке держался, сложно сказать.)

Зыркнув огненными глазками и не давая мне опомниться, она продолжила атаку:

— Чего молчишь? Ложку за обедом проглотил?

У таких жутких дам с памятью, как я успел ранее убедиться, всегда все в порядке. В придачу натренированы они вмиг обернуть твою дезинформацию против тебя же. Посему ответил бесхитростно, с унизительными подробностями, но, думается, по-своему верно:

— Я из другого общежития. Приехал к товарищу, мы с ним в одной группе учимся. Сказали: Валерка, мол, в столовой. Ну, и я за ним. Прихожу, а его нет. А раз такое дело, решил перекусить. Да что-то еда не пошла, вернее — наоборот...

Это «наоборот» голову с теремом на макушке запутало, и комендантша приумолкла: видно, соображала, чего это я, подлец, ей такого-нитакого наговорил. Воспользовавшись не слишком быстрым бегом нейронов в неандертальской черепушке, я прошмыгнул между ее владелицей и ближайшим ко входу вечно капающим умывальником.

«Послушайте! — почти по-маяковски, хоть и про себя, возмущался, спускаясь по ступенькам. — В сортире и в том достают! Куда бедному фарцу деваться?»

Сквозь стеклянную дверь столовой — ньюархитектурный для Союза тех лет почин — усек: катафалк рулит потихоньку к выезду из студенческого городка. Я замедлил шаг и понаблюдал, как неприметный серый «рафик» выехал на перекресток и неспешно повернул налево — на улицу, где вчера меня ждало спасительное такси.

Еще миг — и катафалк исчез в потоке сплошь автобусно-троллейбусного движения. Я быстренько вырулил из столовой. Радостные и шумливые студенты, будущие строители коммунизма (как им это с рождения внушали) и капитализма (как окажется на самом деле), обтекали меня двухсторонней муравьиной толчеей. В этом счастливом потоке можно было бы и забыть, чего ради из дому вышел. Можно было бы, да — нельзя! Был и я когда-то веселым и бесшабашным, а иногда и вовсе легкомысленным студентиком, но что было — то прошло, белым снегом замело и забыть иногда полезно. Ученым стал. Стреляной птицей. На мякине не прове-

дешь. Нет уж... Чуть приподнял голову: что там, за туалетным окном? Понятная ситуация: стоит неугомонная мадамс, дежурит, несет службу на боевом посту, ждет-наблюдает, куда я дальше направлюсь! Не разозлился, а усмехнулся про себя: ну и стой-потей, голубка, напрягайся, дыши туалетной вонью! Отрабатывай хлебушек. А может, и не в нем все дело? Может, тебе просто делать нечего, нечем заняться? Вот и суешь нос куда следует и не следует, заодно гэбистам помогая. Живешь, небось, бобылкой, одна, как перст. Кому ж нужна не столько подруга, сколько ищейка? Потому, видно, одно в голове и засело — следить-выслеживать и вовремя докладывать кому требуется. Сорри, но разочарую тебя, майне либе муттер! Не дам повода для очередного доклада. Ухожу! Просто в белый свет ухожу. Как ни в чем не бывало и пустой, заметь, покидаю вверенную тебе территорию. Хватит испытывать судьбу. Отложим небезопасный культпоход на вечер. Не пожизненно же ты будешь у стратегического окна слепиться. Да и столовка в восемнадцать ноль-ноль закрывается. Говорят, утро вечера мудренее. У меня нередко случается наоборот. Работа такая.

IV

Ровно 19.50. Точность — вежливость королей.

И султанов — тоже. По крайней мере, моего Султана. Когда я подошел к общежитию, он уже стоял на входе, ждал, но узнал меня не сразу. И немудрено. На мне был маскарадный прикид под сочным названием «вот моя деревня, вот мой дом родной». Мол, не сечет парень, лох

лохом, колхозник, вчера из села заявился не запылился, не в лаптях — уже хорошо. Если и пристанут, то, пардон, благодарю за внимание, совсем другие ребята, обычное городское хулиганье. А с ними разговаривать жизнь меня уже научила. Вернее, не жизнь, а хороший и заслуженный тренер по дзюдо Метельский Николай Иванович, дай Бог ему здоровья.

Султан, словно беркут охотничий, озирал окрестности своими серо-коричневыми негритянскими глазками. Взгляд их я ловил на себе уже раза три, но он по-прежнему проскальзывал мимо. Наконец, споткнувшись, остановился на мне.

— Yes, артист, талант! — улыбнулся. — Без вопросов. Ален Делон, который не пьет одеколон! Пошли, конспиратор.

Подойдя к вахтерской будке, Султан сунул ненашенский еще тогда «Сникерс» под журнал регистрации посетителей. (Ох как фарцы не любили в этой толстой тетрадке отмечаться: разок-другой распишешься за визит — и жди дома повесточку!) Вахтер быстренько огляделся по сторонам и лишь затем привычно-шустро опустил цветастый прямоугольничек в кармашек темно-синего френча с длиннющими, словно на вырост, рукавами. В таких ветераны погеройски шествуют по улицам в оживленные майские дни. Однако наш вахтер, полагаю, героем войны не был. Что-то изобличало в нем другого героя — героя невидимого фронта. Впрочем, где у дяденьки было основное место работы, пока меня не касалось. Главное — он подачки принимал и, значит, особо не мешал правому фарцовскому делу.

Хапнув отступного, мелкий коррупционер открыл заветный шлагбаумчик, и я направился в гости к Султану. Он, как, впрочем, и все внезапно и дружно появившиеся в нашей тихой провинциальной столице счастливчики-негры (для советских мисс — конечно же, французы), жил по-королевски, простите великодушно, по-султански — в том смысле, что один в комнате.

Но сейчас, когда в очередной раз я оказался у атлетичного черного парниши, увидел не совсем привычную для меня картину: на знакомом диванчике аж четыре томно-вальяжные красавицы приютились. Султан плюхнулся рядом с девицами и небрежно махнул мне рукой в сторону угла, заставленного почти до потолка картонными коробками:

— Принимай, *dear friend*, технику японскую!

Парень был не только шутником, но и человеком дела: привез все, что я перед его отъездом заказал.

Какое-никакое напряжение Султан, думается, в пути-дорожке изведал. Скорее всего, и в кармашек нужному человечку в подходящий момент вложил несколько дефицитных зеленых купюр. Так, между прочим, вроде на чай. Какие проблемы! А вот френду его, то бишь вашему покорному слуге, пришлось, пока негр по европам отдыхал-катался, трижды напрячься и перенапрячься, чтобы *мани* приготовить. Много *мани*. И при этом, заметьте, не засветиться, не сгореть. Не уехать за туманом и в тумане том не кануть. Осилил я все это! Вот, пожалуйста, живздоров, чего и всем желаю, привезенную по

моему заказу аппаратурку покупаю. Поэт, одним словом...

Однако на сей раз, даже после ретирования по указу Султана длинноногих красавиц, выкладывать денежки я не спешил. Хватит с меня расчетов вперед! Ведь уплатить — это даже не полдела, это так, пустячок, совсем ничего. Главное — пронести эту денежку валютную, а потом незаметно выволочь приобретенные за нее дорогие вещицы. Тащишь вроде свое, а поди ж ты — сердце от волнения заходится и нервишки в кости, словно голодные крысы, впиваются. На каждом шагу ее в той же общаге отнять могут. А потому больше я таким макаром — не ходок. Платить — так наверняка, чтобы потом собственной шкурой расплачиваться не пришлось! И я предложил Султану новую схему выноса предметов не первой необходимости.

— Попроси своего тунеядца-земляка — все равно целый день без дела шары в карманах перекатывает, — чтобы помог технику к машине подтащить. Тачку я подогнал, стоит метров за сто от автобусной остановки. Как видишь, на безопасности не экономил. Напрягись малость и ты. Вчера чуть живым из общаги вырвался. Больше рисковать не желаю! Расплачусь, когда вместе с товаром окажусь на нейтральной территории. Там, где буду уверен, что купленное уже точно мое. И не надо спорить. В моей безопасности и ты, если не дурак, должен быть заинтересован. Согласен?

Султан соображал недолго, еще раз подтвердив, что парень он — не промах. Услышав его «о'кей», я продолжил:

— Работаем по следующему плану. Я спокойненько спускаюсь вниз, иду к такси и жду вас в машине. Вы с аппаратурой двигаетесь не к такси, а к автобусной остановке. Я трогаюсь и направляюсь в вашу сторону. Вы, будто не замечая, что такси занято, голосуете. Водитель остановится, готовый вас подобрать. Не мешкая, вы загружаете в багажник «шарпы» и прыгаете в машину. Выйдете, когда я буду убежден, что за нами нет хвоста. Таков мой план. Ты с ним согласен?

Султан замялся. Молчал. Заинтересовался висевшим на противоположной стене плакатом с изображением отчего-то печального Джорджа Харрисона.

Ишь, как, оказывается, компаньон заботится о моей безопасности! Я начинал звереть. В чем дело? Даже такой мелочи не хочешь сделать для лучшего друга? Катись-ка ты тогда к чертовой бабушке или к своему африканскому черному дедушке! Говорил же, что моя безопасность для тебя должна быть так же важна, как и своя собственная. Молчишь? Вот вам и лучший друг плюс компаньон и товарищ. Что же, на нет и суда нет. Нет у меня больше желания рисковать собою. Да и деньгами — по существу, не своими — тоже. Мама ведь кредит до сих пор не выплатила, и мне он — живым укором: не для себя же брала. Не заставит меня теперь рисковать и неплохой — пусть даже сверхвысокий! — подъем зелеными. Особенно после недавней истории с Миколкой-паровозом.

Давая сию лихую кличку скромному конопатому парню, я понимал, что позаимствовал ее у

писателя-коммуниста Майкла (шучу) Михася Лынькова, но очень уж она подходила напористому Коляну, коллеге по шнырянию и проникновению. Товарищи оперативники выловили как-то его на одном из этажей незабываемого для посвященных общежития медицинского института. В отличие от неудачливого бегунка Мишки Безяева, Миколка-паровоз был парень спортивный, боксер, в придачу — отчаянный и смелый. Пораскидал ментов по углам коридора и дал на пяту. Служивые поначалу растерялись, но ненадолго: как-никак тренированные были ребята. Через пару минут ожили и кинулись вдогонку, попутно собирая воплем ораву сотоварищей и этажных активистов.

Миколка знал: если выловят, не только посадят, но и почки постараются пустить в свободное плавание. Потому летел стремглав, как от своры бешеных собак. Перепрыгивая через вахтера, зацепился за будку. Его развернуло, и, налетев на косяк двери, беглец сломал себе нос и ключицу. Но тогда Миколка-паровоз даже не заметил этого. Не почувствовал и боли. Чувствовал он, вернее, понимал другое: сейчас главное — скрыться, убежать. И Миколка-паровоз убежал. Не зря все же дал я шустрому парню лыньковскую кличку! Дорогой ценой — отлеживался месяц! — но сумел скрыться, протаранил-таки засаду. А сумею ли выкарабкаться из подобной ситуации я? Не уверен...

Султан снова перевел взгляд на Харрисона. Экс-битл по-прежнему молчал.

Я не стал брать с него пример.

— Послушай! — уже не сдерживал гнева, хоть и понимал, что в интересах дела желательно было бы говорить поспокойнее. — Ты ведь ничем не рискуешь. Если спросят — выносишь свои личные — повторяю: личные — вещи. Переезжаешь, скажем, жить к... родителям невесты. (Знал, что болезненный для Султана пример подобрал, но слово — не воробей...) Вот и все. И никаких вопросов. Сядешь в тачку — и покатишь. В итоге — и я не засветился, цел, здоров, невредим, на свободе гуляю, и тебе хорошо: продал, выше поднялся, увеличил свой общий капитал в *City bank*. И я, твой компаньон, остался в деле, не надо кого-то искать. Понятно объясняю?

На третьем заходе Султан сломался, и мы ударили по рукам.

Через четверть часа мой подельник с другом-земляком подходили к остановке. За нами уже увязались «наши» ребята. Видно, скумекали: на этот раз наученные жизнью черные в целях безопасности тащат дорогую аппаратуру заказчику на дом. Решили проверить субчиков. Притормозили у остановки, с безобидным видом принялись постукивать нога о ногу — греться. Простые, обычные ребята. Говорили дежурные банальности, а на деле — ждали автобуса, чтобы подсесть, отследить, выловить — и отнять, понятно.

Как я завидовал, сидя в машине, людям на остановке! Нет-нет, конечно же, не гэбэшным гончим, а рядовым работягам, инженерам, учителям, мелким клеркам — словом, народу. Как хотел поменяться с любым из них местами!

Выскочить из машины и юркнуть в серую одноликую массу. В такси с отполированными (не без участия вяло идущего снежка) сверхпрозрачными стеклами я был словно на экране. Ощущение такое, будто все смотрят на машину и видят в ней на заднем сидении твою скрюченную от волнения, почти по-детски беспомощную фигурку.

Да, многим из нас хочется в тревожные минуты стать маленькими, серенькими, незаметными. Исчезнуть в толпе. Исчезнуть, а что дальше? А дальше — такая же серая беспросветная жизнь, такие же серые беспросветные будни, день за днем — одно и то же. Созидание социализма и коммунизма под лукавым лозунгом «Завтра будет лучше, чем вчера». То есть хорошо вам будет потом, завтра, а трудиться за копейки нужно сейчас, сегодня. Нечестная игра получается.

«Ах, тебе не нравится! — проснулся во мне приверженец самокритики. — Тогда играй в ту, в которую играешь, и не ной!»

Правильно, ныть — последнее дело. Встряхнулся, сосредоточился. На этот раз ребятки без шинелей, но опять же в сером (те, кстати, что со мной в прошлый раз в беги-догоняй играли, а сейчас изображают народ), заигрались. Не заметили, прошляпили, как шевельнулось и тихо покатило, казалось, дремавшее у входа на кладбище такси.

Прыг-скок — бухнули два «шарпа» в багажник, а третий — на уже согретое мной заднее сиденье, вернее, ко мне, новому владельцу, на колени. Обезьянки (это я почти любя) один за

другим шустро и прицельно впорхнули туда же, на заднее. Пришлось потесниться, уже и места было мало — «шарпик»-то в упаковке с метр длиной! — и машина тронулась-покатила.

Гэбэшники ринулись было к такси, но — поздно, голубчики, пить «Боржоми», вагончик, как говорится, закрылся! Султан негодник, почти демонстративно хлопнул дверцей у них перед носом и вдобавок махнул мечущимся парням черно-коричневой ладошкой — чао! Растерялись мужественные ребята от столь дерзкого поступка и сразу слегка поостыли. Что тут скажешь? Султан может себе позволить выступать не по нотам: он ведь подданный бывшей колонии, а не настоящей.

Так и вышел я в тот раз сухим из воды, или, ежели кому больше нравится — живым из огня. Это радовало, но расслабляться не позволяло. Впереди было новое завтра, а оно обещало судьбой предопределенные новые бега от неустанной погони.

V

На этот раз прорываться через центральный вход равнялось бы самоубийству: гэбэшники, как напоказ, уселись вокруг вахтера.

«С чего бы это? — недоумевал я. — Раньше, хитрецы, прятались, таились в засадах и, лишь улучив момент, с цепи срывались. Теперь — пошли в открытую. Почему? — спрашивал и сам же отвечал: — Явно начальство с проверкой ждут. Вот и решили изобразить, как они на вверенном объекте неустанно бдят, не спят, в поте лица трудятся».

Ох, жизнь ты наша развеселая! Остерегаешься, каждый шаг просчитываешь, каждое слово продумываешь, каждый поступок выверяешь, живешь почти не дыша, словно ты шпион английский, а не свободный гражданин необъятной Родины своей, — все равно никакой тебе гарантии. Понятие о презумпции невиновности существует только в Уголовном кодексе, не всем гражданам известном. В жизни другая наблюдается картинка. Вот сунься, допустим, я сейчас в общежитие — тут же остановят и вопросами бесцеремонными закидают: к кому и зачем притопал? Какая нужда привела? Кто такой и где учусь или работаю? По какому адресу живу и прописан? С кем вожу дружбу из студентов общежития? Ах, с девушкой? Ловко придумал! И кто такая, в смысле — как звать счастливицу? Подзабыл имя? Ха-ха! Это и понятно, ведь девушки у нас, в мужском общежитии, не живут. Так-так. Да ты, поди, ворюга какой залетный? Нет? Тогда спикуль затихарившийся? А? Чего молчишь? Угадали? Может, еще и не пустой пришел, а с набитыми деньгой карманами? Валютой, к примеру, американской? А? Ну-ка пройдем, подозрительный человечек, с нами, посмотрим, что у тебя под одежкой спрятано!

И пройдешь, куда деваться. И обыщут тебя, родненького, и ощупают с ног до головы, как сквозь рентген пропустят. И не дай Бог бумажку найдут. Зелененькую такую, невзрачную. И хоть одну-единственную! Хоть «пятерочку» помятую. Все! Крышка! Ты — преступник!

И все же — как прорваться внутрь, как проскочить в строго охраняемый сегодня объект,

через центральный вход которого и мышь не проскочит? Может, через окно? Нет, здесь тоже пролет! По всему периметру здания на нижних окнах — решетки стоят. До окон высокого второго без лестницы не долезть, а где ты ее, лестницу, найдешь? Вон даже пожарную неизвестный вредитель снизу настолько подкоротил, что она недоступной стала. Думай, паря, думай, обойди зданьице вокруг. Но не просто променад совершай, а сделай вид, будто бы у тебя, разявы, что-то из окна комнаты выпало и теперь ты ходишь и ищешь, мотаешь глупой головой: ай-я-яй! Если спросят, что потерял, скажешь — мамин подарок, китайскую авторучку с золотым пером.

Нехорошо-то как: снова за мамку прячусь...

Прошел, пригнувшись, словно и вправду искал что-то, к другому концу здания, где была вторая входная дверь. Еще со сдачи общежития строителями она была, как водится, наглухо заколочена, но справа от нее имелась лестница на верхние этажи. А на лестничных площадках — окна. Они-то и привлекли мое внимание. Вернее, одно — второго этажа, справа от дверного козырька.

«Пожалуй, это выход, вернее — вход», — скосил я глаза в сторону заветного.

Студенты покуривают в коридоре и, чтобы дым выветривался, окошко постоянно держат открытым. И главное, коридор — это не комната, пустить через которую вас жилец вряд ли рискнет, ибо сам в два счета поплатится. Вышвырнут студентика из угла обжитого, а после и из института турнут — за невыполнение, содействие, подрыв и прочее. Ходи потом, жуй

сопли, плачь, рыдай, жалуйся несчастным родителям. Так что студент, скажу вам, фарцу совсем не помощник, даже наоборот. А вот лестничный пролет... Да еще с учетом, что коридорное окно на первом этаже закрашено и через него вас уж точно не просекут из фойе засевшие в облаве...

Я дождался «в поисках маминой авторучки», пока ребята вволю дымом надышатся и исчезнут с глаз долой. Вмиг очутился на широком выступе цоколя, ухватился за холодное железо решетки нижнего окна, добрался по ней до козырька под вторым. Осторожно заглянул: никого, проход свободен, разошлись хлопцы на отдых по койко-местам. Влез на подоконник, бесшумно спрыгнул — не зря на этот раз в кроссовках ноги студил — и, как ни в чем не бывало, пошел по коридору свой своим. Даже тихонько напевал куплеты, тогда в Союзе популярные, подбадривая себя и успокаивая нервишки:

Говоря-ат, не повезе-ет,
Если черный кот дорогу перейдет,
А пока, наоборот,
Только черному коту и не везет...

Черный, но не кот, естественно, а Султан встретил меня на пороге безмерно надушенной «давыдофым» комнаты взвившимися вверх черными, как сажа, бровями:

— Ну ты даешь! — выпалил ошарашенно. — Вваливайся по-быстрому. Твои «друзья» сегодня по этажам особо тщательно рыщут. Как сквозь засаду пролез? — втолкнул африканец меня в свои апартаменты.

— Хочешь жить — не увиливай, сражайся! — облегченно выдохнул я.

— Я эту фразу в другом варианте слышал, — запер Султан за мной двери. — «Хочешь жить — умей вертеться». Уже и я вместе с вами начинаю вертеться. Опасное это дело — жить в Союзе. Пить-курить научили, девчонок менять... тоже. Теперь вот с тобой за компанию могу влететь. Небось, в общежитие без записи в журнале проскочил? Да? А ведь это страшное нарушение. Страшное. Хотя мне-то что? Претензии предъявят — собрал чемоданы и укатил на все четыре стороны. Свободный человек! Сегодня здесь — завтра там. Не нравится или еще какие вопросы — сменил обстановку, и все проблемы. Смотри, сколько вы социалистических стран наклепали... А вот для тебя эти самые проблемы так просто не решаются. Правильно излагаю?

— Куда уж правильнее! — согласился я с печальными для меня, но вполне объективными выводами и, не мешкая, присел у окна.

Несмотря на затронутую Султаном неприятную тему, на сердце после того, как защелкнулся за моей спиной замок, полегчало. Но оказалось, расслабился рано.

— Зря, парень, свой белый чуб из моего окна для черных высовываешь, — не дал наглец мне передохнуть.

Как ошпаренный, я прыжком переместился в центр комнаты и пригнулся.

— Не дергайся, сядь на диван, остынь, — усмехнулся Султан. — Сегодня ментов переодетых — больше, чем студентов. В засадный день

даже я аппаратурку не понес бы. Зачем без толку рисковать? В такую «погоду» лучше отсидеться, переждать пургу.

— Если бы можно было — не рисковал бы! Что я, ненормальный, по-твоему, самому лезть в пекло?

— Тогда в чем же дело? — вроде как заинтересовался Султан. — Что-нибудь случилось?

— Да так, ничего особенного, — ответил я, садясь на диван. — Тем не менее ждать никак не могу. У Наташи в пятницу день рождения.

— Рисковать из-за женщины?! — изумился Султан.

Я оборвал негра:

— Это у тебя — женщины, а у меня — Наташа! Чувствуешь разницу, «май блек френд»?

Султан улыбнулся и ответил мне почти дружелюбно:

— Не нервничай, сам ведь знаешь: разницу не только чувствую, но и на собственном опыте испытал. Однако ты не ответил, зачем все же пришел...

— Так, мелочь. Вот здесь, на почетном месте над диваном, висело усеянное камнями платьице из шелка. Девчат, помнится, гипнотизировало. А теперь его что-то не видно. Где же он, наряд прелюбопытный? Неужели ты растаял от чьих-то жгучих очей и презентовал платье их обладательнице? Хотя нет, что я — с ума сошел?! Такое не дарят... Значит, продал? Не радостная для меня новость, не радостная...

Султан выпалил с ходу, как о наболевшем:

— Ты и вправду ненормальный! Кому можно у вас сбагрить, как вы говорите, платье, вернее,

костюм стоимостью 499 фунтов стерлингов? Да вы свои «жигули», думаю, дешевле на Запад поставляете! Висит костюмчик, в шкафу отдыхает, сколько же можно пылиться дорогой вещи. — Неожиданно искренне, почти жалобно вздохнул: — Ты ведь знаешь, я привозил его своей невесте, а ее родители, как меня увидели...

И на старуху бывает проруха. Было, было такое дело. Однажды даже прошитый Султан счастливым влюбленным месяцок побегал. Была и у него своя «лав», — вспомнил я неудачную попытку Султана жениться. Вспомнил, но не разжалобился.

— С кем не бывает...

— Правильно, когда с кем-то — тебя не касается, а когда с самим тобой? Ты знаешь, о чем я... Ее родителей чуть инфаркт не хватил, — с прежней не то обидой, не то жалостью в голосе продолжил Султан. — Скажи честно, ну хоть ты скажи: я действительно такой страшный, что в обморок можно упасть, как мать ее упала?

— Да чушь собачья! — поспешил я успокоить компаньона. — Глянь в зеркало! Торс — как у Аполлона!

Правда, голос мой при этом чуть подрагивал, ведь я малость лукавил. Но толстокожему Султану, видно, больше был по душе прямой смысл, нежели подтекст. Повеселел, оживился, заулыбался даже. Заулыбался... А ведь всего каких-нибудь пяток — десяток лет назад, начитавшись про дядюшку Тома и «Детей капитана Гранта», слезно насочувствовавшись их трагическим «сториз», я представить себе не мог такого веселенького их собрата — лучезарно улыбающе-

гося мне в лицо негра из сказочно далекой колониальной Африки с набитыми валютой карманами. Умилялись дядюшкой Томом, осуждали американцев за их расизм, а сами, столкнувшись нос в нос с несоответствием прочитанного увиденному, поначалу даже подрастерялись. Потом, когда уже схлынуло оцепенение, тихо завозмущались, а очухавшись — возненавидели этих самых, якобы униженных, оскорбленных и дискриминируемых, а на самом деле довольных жизнью откормленных бездельников, которым отчего-то дозволено учиться шалтай-болтай, каникулы проводить в Европе и дензнаков иметь немерено, ибо на этот счет для них созданы все условия. Ведь оказывается, если ты сам привез что-нибудь стоящее из стран далеких и продал, то это не преступление — и таскай-богатей сколько душе угодно. А вот если купил у того, кто привез, и дальше отправил с «наваром» за напряжение, риск и поиски, то это уже для Уголовного кодекса совсем другой момент и обстоятельства, а следовательно, и выводы. А главный вывод такой: нам не дозволено даже то, для чего потомкам рабов и разрешения спрашивать не надо. Почему так? Не было у нас на этот вопрос ответа. И потому мы возненавидели, как я уже говорил, «черных» покрепче, чем расисты из Америки. Помогла тут и внешность негров. Ведь для большинства из нас, белых, они все были на одно лицо, причем не самое приятное: глаза-бельма, губы — слюнявые, толстые, цвета бордо и от уха до уха, нос — в пол-лица, словно расклепанный, на голове нашлепка из черного войлока — и впрямь только рожек не хвата-

ет. И вот такое чудо-юдо все чаще стало встречаться на наших улицах. Будто черти из болот Полесья повылезали! Ужас! И этот «ужас» сейчас улыбался...

— И я уродом себя не считаю, — уцепился за мою вынужденную похвалу Султан. — Девки ваши — ты же видел — так и вешаются, отбиваться не успеваю.

Зря это он про девок наших бедных. Я поморщился: мол, знаю, друг любезный, отчего они вешаются, на какую дребедень ты их покупаешь, губу раскатывать тут тебе вовсе не пристало, — но вслух согласился:

— Да уж видел, и не раз, так сказать, главный был свидетель. Но довольно об этом. Вернемся к тому, с чего начали, — к платью. Или к костюму, если угодно. Но для начала кое-что хотелось бы уточнить: «Жигули» за бесценок я никуда не поставляю, добываю капусту честно. И ее я сейчас принес. Вот, смотри, — бросил пять стофунтовых купюр (в дефиците, между прочим, были и тогда, и теперь в наших краях эти английские бумажки). — Хватит с тебя, мистер неотразимый? Только одно маленькое условие: выносишь костюм — ты. Пара тряпок — не «777»-й многокилограммовый: за пояс, за пазуху сунешь — только и делов. Это меня, куда бы ни сунул, обыщут с пристрастием и найдут крамолу. Тебя же трогать не станут.

При виде денег, которые Султан, как видно, считал уже потерянными, парень повеселел, улыбнулся серо-желтыми зубами и ненапрягающее условие принял.

Так мы и прошествовали мимо вахтера (агента 006 — получи плешивый микровзяточник новую кличку!), вышли из небезопасной для моего здоровья зоны — общежития политехнического института. Ментов, или, вернее, «серых» на проходной не оказалось.

Я уже было с облегчением вздохнул, увидел свет в конце туннеля, как вдруг, почти уже на свободе, нас разъединили. Вернее, остановили меня. Султан прошел без помех, а гостю два плечистых, со строгими лицами — и откуда взялись? — товарища дорогу перегородили.

— Здесь живешь? — язвительно бросил один из них, а второй тут же ухватил меня за рукав, перестраховывался: а вдруг дам деру?

Не успел я ничего сказать, ответить на вопрос, вроде бы не самый сложный. Не смог вот так сразу, с лету, назад в ситуацию включиться. Всего секунду назад расслабился, перевел дыхание и не был, просто физически не был готов ответить и на любой другой еще более элементарный вопрос, например, как звать парнишу — меня, собственно. Ребята тормознули не только мое тело, но и сознание. Легко тормознуть человечка, бессмысленными лозунгами да сказочными теориями с детства забитого. Намного сложнее, как выяснилось, остановить потомка тех, кого работорговцы лет двести назад шифровали как черное дерево. «Дерево» оказалось крепким.

— Здесь! — более чем уверенно заявил Султан и всем своим атлетическим сложением возник между мною и любопытными ребятами. — Со мной! — И, выдержав чуть приметную паузу,

добил парней неулыбчивых: — Племянником посла социалистической республики Гвинея! А вы против того, чтобы мы, белый и черный, под одной крышей жили? Против равенства и братства всех народов?

Против племянника посла, а тем более равенства и братства народов защитники социалистической морали и порядка ничего не имели. Имели против меня, но имение-мнение свое вынуждены были при себе оставить.

И мы пошли дальше — мимо столовой, к выходу из студенческого городка.

— А если справятся и выяснят, что ты живешь один? — осмелел я, выходя на улицу и видя желанный автобус.

— Ничего страшного. По бумагам я живу в комнате с двумя студентами из ваших. Но чтобы перед глазами не маячили и в чужие дела любопытные носы не совали, оплачиваю им отдельную квартиру. И парням нравится самостоятельно жить, и мне спокойно. А если начнут глубоко копать — как я, кстати, за пять лет нюансы вашего языка изучил? — парней на время и в общежитие вернуть недолго.

— Все же давай я костюмчик заберу у тебя в автобусе. На всякий пожарный.

— Ах, как страна родная своих же граждан запугала! — покачал головой Султан. — Не украденную, а купленную вещь человек боится в руки взять, словно лишится их за это...

«У нас не средневековая Англия и не Арабские Эмираты минувшего столетия — руки не рубят. А вот голову за нарушение правил валютных операций могут снять», — подумал я, но

компаньону ничего не сказал. Разве житель свободной Гвинеи меня поймет?

Так, молча, и расстались. В автобусе Султан, сунув мне за пазуху шелковый комплект, кинул: «Удачи!» — и на следующей остановке выпрыгнул. Нет, не на следующей: я попросил проехать еще одну — на тот же пожарный случай. Перестраховка в нашем опасном деле — одна из составляющих успеха, ну, да вроде я уже об этом говорил.

VI

Я впервые дарил Наташе столь дорогую вещь и, конечно же, волновался. Сердце сбивалось с ритма: а вдруг, выложив полтысячи фунтов, не угожу? Вдруг цвет не тот или фасон не этот? А если, что самое страшное, — размер не подойдет? Прикидывал, понятно, но прикидка — не примерка. В конце концов, вдруг просто не под настроение заявлюсь?

Однако волновался я напрасно. У Наташи при виде серебристо-голубого шелкового комплекта, изготовленного на недосягаемом для нас туманном Альбионе, в старой доброй Англии (мы любили эту страну-остров заочно, по книгам ее писателей), так засияли огромные карие глаза, таким неимоверным счастьем засветилось ее прелестное личико, что думал — умру от счастья.

Наташа обняла меня и — отчего я и вовсе потерял голову — заплакала. Она знала, какой ценой такая красота достается. Знала и запрещала мне испытывать судьбу.

Я легонько прижал любимую к себе:

— Моя бедная малышка!

Наташины слезы пропитали рубашку на груди. Эти теплые, дорогие для меня слезы. Не надо, нельзя заставлять ее плакать. Но — что я могу сделать, если Всевышний не дал мне возможности выбирать? Впрочем, выбор был, но какой?! Рисковать, идти по лезвию бритвы и питать надежду, что ты движешься в поисках лучшей жизни, или до смерти ждать на чужой остановке чужого автобуса? До смерти ждать...

Я не хочу прождать жизнь! Не хочу!

Я обнимал Наташу, наслаждался теплом ее тела, сладостью нежных губ. За это можно отдать все! И саму жизнь!

Я был счастлив. Я понял главное, и ни при чем тут проклятые деньги и бесконечные гонки! Я познал Истину. У меня есть за кого отдать жизнь! Я понял, что готов умереть за улыбку любимой! Счастье — вот высшее предназначение человека! И даже советский классик Горький не убедит меня в обратном.

За Наташиной спиной под часами увидел отрывной календарь. Машинально взглянул, прочитал на нем: 1984, 8 февраля. Смотри ты, вчера листик сорвать забыл... Так же машинально отметил про себя, вернее, приказал себе: «Запомни этот день. День, когда ты понял нечто очень важное. Может быть, самое важное для тебя».

Откуда-то — родной «шарп», что ли, где-то неподалеку на полную катушку врубили? — донеслось: «...после тяжелой и продолжительной болезни скончался Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Генеральный секре-

тарь коммунистической партии Советского Союза Юрий Владимирович Андропов».

«Отошел, кормилец. Очередной вождь Страны Дефицита, — подумал почти равнодушно. Внезапно промелькнуло: — А может, последний? Последний вождь и первый боец невидимого фронта...»

И еще какая-то мысль пробежала в подсознании, но почему-то не зафиксировалась. Неприятная мысль, остужающая. Такое осталось ощущение. Очень конкретное. Потому что мне и вправду сделалось студено. Будто меня схватили вдруг в мертвецки-холодные объятия. И только спустя некоторое время та убежавшая было мысль повернулась-шевельнулась в почти оледеневшем мозгу: «Когда-нибудь умрем-исчезнем и мы, совсем другие бойцы совсем другого невидимого фронта».

Тогда я не думал, что это случится так скоро.

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

I

В те далекие восьмидесятые недавно отошедшего в историю столетия, когда насест Главного Кормчего еще неделимой и без меры гордой страны Советов первым после кончины высшего партийца занял самый интеллектуальный гэбист за всю лубянковскую историю, я просек: пора отдохнуть от мест насиженных. Просек, ибо уяснил: ходить-дышать свежим воздухом по родной земельке нынче опасно. Подручные Главного интеллектуала могут споро надавать по шапке и не на шутку испортить не только настроение, но и кожный покров с прической.

— А с чего это вы, гражданин хороший, днем и не на работе? — спросят. — А?! Вторая смена? Этакий вы балагур, шутник и смельчак в одночасье! Чудненькое сочетание! То, что надо! А ну-ка, пройдемте! Позвольте-ка вас за ш-шиворот! Поз-з-в-о-о-льте! Будет у тебя, умник, и вторая смена, и третья, и четвертая сверхурочная, и пятая проклятая! Все будет!

Всего мне было не надо, всем можно только подавиться. А потому в отчаянии решил я покинуть на время просторы моей малой, но очень любимой Родины. Вознамерился половить рыбку в мутной водице Каракумской песчаной

неизвестности. Нагрянуть к господам экс-басмачам с запрещенным коммерческим предложением — купить у сердечных парней, от белого жаркого солнца размякших, не роскошь, а средство передвижения (как убеждали нас, лукавя, классики) — совковый «мерседес», «вольво», «форд» и тачанку в одном лице. А именно — несбыточную мечту честного советского человека — автомобиль, возможно, и не зря обозванный татарским словом «жигули».

Один, конечно, в столь дальние странствия не подашься, и идеей путешествия на «Каракумский остров сокровищ» я поделился со старшим товарищем по работе Валерием Ефимкиным. Он не только воспринял сказанное близко к сердцу, но и стал активным организатором команды — собирателем, вдохновителем и популяризатором.

— Сколько той жизни! Под лежачий камень вода не течет! — размахивал агитатор метровыми руками и сверкал дюймовыми глазами. — Летим, пока лучшие тачки не расхватали! (Собственно, тогда и пришло мне в голову, что «тачка» — слово, возможно, сокращенное от «тачанки».) Вы же знаете, Москва детям юга извечно благ земных больше подкидывала! — не унимался оратор. — Их слезам она верит. А как же иначе? Восток — дело, конечно, тонкое, как в том фильме наставлялось, но и капризное, добавлю от себя.

Рано или поздно после столь громких слов и заманивающих обещаний должна была сколотиться подпольная команда охотников рискнуть своим здоровьем и финансами. Она и сколоти-

лась. Правда, сам Валерка в последний момент занемог и в путь-дорожку не отправился. Впрочем, мы так и не дознались, на самом деле главный агитатор приболел или просто поостыл, пока других учил уму-разуму. Ну да Бог ему судья.

В конце концов группа азиатского захвата сформировалась из трех смельчаков-гвардейцев.

Первым хотелось бы представить руководителя районного хора — маленького человечка с лысинкой, неистово любившего свою «задуже» фигуристую Риммочку. Это был тихий, на людях и мухи не обидит, но воинствующий на кухне националист с громадным и неукротимым желанием вырваться из нищеты. Как истинный борец за справедливость, а следовательно, поклонник всего экстремального, в том числе запрещенной литературы, в частности — самиздата и антисоветской зарубежной фантастики, он и кличку имел соответствующую — Гарри Гаррисон. Для своих — Гарик.

Вторым желающим прокатиться в края далекие стал «временный» сосед худрука по лестничной площадке, приженившийся по расчету (прописка плюс бесплатный секс) на недоучившейся бульбашке, праздношатающийся и пышущий здоровьем грузин Вахтанг. Красавчик чуть выше среднего роста с иссиня-черными шарлатанскими глазами. Фразу «Ох, какая попка!» он изрекал без малейшего акцента. В отличие от своего знаменитого тезки, народного певца Кикабидзе, — «свободный художник» и разгильдяй.

Укомплектовывал блистательную троицу ваш покорный слуга — также «парень с нашего двора» (как и сачок-агитатор перечисленных товарищей, Валерка), некогда студент-спортсмен-комсомолец-отличник, позже — защитник не своей Родины, а на тот момент — ну что поделаешь?! — простой, удушенный жизнью радиоинженер, а по совместительству меломан и любитель острых ощущений-приключений (чаще на свою голову).

И конечно же, следует упомянуть о денежном запасе каждого из отчаянных искателей удачи.

Гарик взял с собой все накопленное с Риммой за девять лет весьма экономной (благодаря женушке) совместной жизни — две тысячи семьсот пятьдесят рублей.

Вахтангу на свой страх и риск доверчивая бульбашка вверила «на время изъятые» у любимых бабушки и дедушки (ее мать-одиночка жила от зарплаты до зарплаты и ничем подсобить не могла) одну тысячу девятьсот целковых — предки собирали их четверть века.

Я оказался самым богатым из троицы — девять тысяч настоящих крепких, как сталь, советских рублей обогревали мое правое легкое (лежали во внутреннем кармане куртки): четыре тысячи — своих (сдал в комиссионку так трудно собиравшуюся многоблочную аппаратуру: стереовидик, двойную деку, тюнер, усилитель, эквалайзер, проигрыватель, колонки) и пять — однокашника и музыканта Юзика Кульбицкого. За последние три года ни одного выходного не провел артист в кругу семьи: все по свадьбам, по свадьбам, по свадьбам, на которых, как из-

вестно, поют и пляшут. Благодаря «свадебной» музыке Юзик и скопил кругленькую сумму.

— Держи! — вручил мне пакет, но поставил условие: — До конца зимы возишь друга по халтурам бесплатно. Я лишь за бензин отвечаю. Зато долг можешь отдать весною.

— Идет, — взял я деньги. Себе в утешение подумал: «До весны — как до луны, а денежки — вот они, “жигулями” пахнут».

II

Основную часть неблизкого пути от Минска до Каракумии перепрыгнули на собравшем все воздушные ямы над Союзом малогабаритном «ТУ-134». Дальше пошли бесконечные переезды автобусами и автобусиками. И кругом — пески, пески, пески. Без просвета, повсюду: в одежде, в ботинках, на зубах, в глазах, в желудке. Когда же добрались до потаенных мест сказочного пустынного королевства и раскрыли предусмотрительно прихваченный смекалистым националистом Гариком атлас СССР, чуть не отпали: еще пара таких прыжков-переездов — и Пржевальского переплюнем.

Остановились в небольшом городке, центре местной басмаческо-чабанской жизни. После недолгих поисков заселились в двухэтажную (единственную здесь) гостиницу — некогда казарму совконтингента. Расположились в «тройном люксе»: о телефоне и горячей воде — забыть, но черно-белый округло-угловатый телевизор «Зорька», мутноватые, времен главного кукурузника, зеркала и сюрпризы-полотенца дли-

ной в локоток имелись. В довершение всего оказалось, что в здании мы были одни. Можно жить!

Путешественники-россияне и потомки даровитого Тараса Шевченко, вечные наши конкуренты, предпочитали селиться (как мы позже убедились) в частном секторе: и крыша над головой наполовину дешевле, и столоваться недорого можно. Единоличники же бульбаши (как, впрочем, временами не в меру высокомерные — почти финны! — прибалты) согласны были без любимых соседей жизнью наслаждаться (что белорусам, правда, редко удавалось), да и готовить привыкли сами.

Вот так и мы, хотя из нашей троицы искателей приключений один я был бульбашом. Впрочем, это не имело особого значения. Главное — прибыли мы из родной и тогда уже самой советской из сестер-республик Бульбашии.

Не успели вечером походный столик разложить — отметить приезд не очень быстрый, как в дверь легонько постучали. На коллективно-разрешительное «да-да!» в номер вошла забравшая у нас на входе в «отель» паспорта плотно сбитая мадамс неопределенного возраста. Следом за ней показался усатый-преусатый, сияющий на все тридцать два, довольный собой и миром джигит.

— Это Руслан, мой зять, — представила молодого человека мадамс. — В честь главного героя известной сказки Пушкина, между прочим, назвали. Мы хоть и в песках живем, а классику читаем.

Подсуетилась, надо отметить, теща, она же — администратор гостиницы Зульфия Зульфияровна, или, как позже сократил ее «координаты» бесшабашный Вахтанг — Зу-зу, не зря. Тепленьких заезжих искателей ка́ров[1] сразу по приезду, первым же теплым вечером, могли перехватить и другие местные дилеры. Восток — дело тонкое, но, как мы начинали понимать, и шустрое.

— Ребята, думаю, в такую даль не на солнышке погреться приехали? — сверкнула золотыми зубами Зульфия Зульфияровна. — Как понимаю — за машинами! Хорошее дело! И смею заметить: остановившись у нас, вы сделали очень удачный первый ход, чем весьма облегчили себе задачу. Русланчик за символическую плату объездит с вами каждый закуток, и я уверена: что-нибудь стоящее вы обязательно найдете. Зятек, опять же, поможет и сторговаться: он всех знает, его все знают — какие проблемы? И не обманет с парнем никто. Теща ведь не последний в этих краях человек.

Первым нашелся с ответом уже успевший акклиматизироваться Вахтанг (как-никак, общался почти с земляками):

— Сердцем чую, добрая ты женщина. И если мои друзья не против — а они, вижу, «за», — то благодарю — пока словесно — за предложение помочь. Скажу больше: если заинтересованные стороны, как говорят в таких случаях, согласны, предлагаю с завтрашнего же утра и приступить.

— Приятно иметь дело с умными людьми, — вновь блеснула золотом Зульфия Зульфияров-

---

[1] От английского «car» — машина, автомобиль.

на. — Что ж, извините за беспокойство, не будем вам больше надоедать. До завтра!

— Душевно желаем отоспаться после трудной дороги, — попрощался и Руслан. Но перед тем как закрыть за собой дверь, уточнил: — Если в девять подъеду, не разбужу?

— В самый раз, — согласился за всех Вахтанг.

III

Прошло два дня, вернее — двое суток непрерывного рысканья по домам, дворам, сараям, улицам, закоулкам. Результат — ноль! Нет результата! Попадалось то рихтованное-перерихтованное, штопаное-перештопаное ломье, то двигатель у кара кипел, словно забытый на плите чайник, то машина даже по песку гремела как танк, то еще какой-нибудь неизлечимый дефектик неожиданно выползал наружу. Но мы рук не опускали, не сдавались, искали, суетились, надеялись. Надежда умирает последней. А когда она еще и единственная...

Утром третьего дня Руслан, как всегда, заехал за нами раньше условленного времени: перестраховывался, чтобы какой другой местный «автодилер» случайно не перехватил гостей. Подождал, пока мы неспешно и плотно позавтракаем (роскошь отобедать в нашем цейтноте было делом непозволительным), и посадил гостей в свою таратайку, известную автомобильному люду как «Запор 968, модифицированный», и мы устремились на поиски.

В этот раз, выехав из гостиничного, объединенного со школьным, дворика, усыпанного детворой, отчего-то больше ползающей, чем

бегающей, мы направились в очередную поисковую путь-дорожку уже не с тем радужным настроением, которое было свойственно первым дням.

Смущал вдобавок и прицеп, тащившийся за Руслановым «запором». Зачем? Что еще за новости?

— Уловил спрашивающие насчет прицепа взгляды, — заметил наше беспокойство Руслан. — Думаете, хочу вам «левую» машину впарить? Такую левую, которая на своих четырех и километра не прокатит? Ошибаетесь и зря меня обижаете. Дело совершенно в другом. Я на работу еду! Из-за этого и прицеп понадобился. Нельзя никак сегодня без прицепа. Почему? Вскоре увидите. И не волнуйтесь, пожалуйста: сразу же после работы дорогими гостями займусь.

— После работы? — переспросил я, чувствуя, что закипаю. — А мы сюда, значит, отдыхать приехали?! Который день без толку мотаемся! За «ванек» нас держите? Думаете, на ночь глядя кинемся машины осматривать? Впотьмах царапину в палец можно профуфукать и конченый салон за новый принять! И где, скажите, нам целый день куковать в ожидании передовика производства мистера Руслана?

— Целый день — это у вас, в БССР, напрягаются те самые передовики. Чтобы согреться, потому что у вас холодно. А у нас и так тепло. За час справлюсь.

«Хорошая работа, — поостыл я сразу. — Часок в неделю? Это даже не коммунизм, а бери

выше. Нечто такое, на что и Маркс-Энгельс в придачу с дедушкой Лениным ответа не знали».

Они не знали, но наш извозчик — знал!

Через полчаса мы подкатили к «работе» Руслана — строительству двенадцатиэтажного, как гласила выцветшая вывеска у входа, Ашхабадского сельскохозяйственного научно-исследовательского института.

«Богатые, однако, строители, — прикинул я количество личного автотранспорта, окружившего недостроенный первый этаж. — Машин у ребят больше, чем на всей нашей немаленькой очень Коммунистической улице вместе с тремя ее переулками».

В чем заключался одночасовой в неделю постсоциалистический труд, я понял не сразу.

По четвергам, как сегодня, «москва» завозила на объект стройматериалы. «Вот уже пятый год — скоро юбилей»! — весело уточнил Руслан. И как отчитывались, к примеру, за кирпич, которого за пяток лет было отгружено на добрый Академгородок (это я, как самоучка-математик, прикинул), думаю, в истории пребудет тайной. Но факт оставался фактом: раз в неделю стройматериалы сначала разгружали, а потом делили (строго по очереди и старшинству) и развозили для нужд семейных в своих машинах. Начальник объекта подгонял не легковушку, а грузовичок. (На то он и начальник, чтобы больше всех от жизни брать.) Посткоммунизм и только! Вернее — рай! От каждого и каждому — по желанию! И нечего тут что-то придумывать!

«Отработав» святой положенный час, за который Руслану достались премиальные в виде

поддона кирпичей, дефицитного чешского голубого унитаза, ящика гвоздей, двух банок белой краски, четырех упаковок сварочных электродов, мешка цемента, дверного замка (всего и не упомнишь), наш водитель на эту неделю официальную работу закончил. Отвезя домой не учтенные ни в одном «госплане» премиальные (джигит еще и зарплату получил), он снова приступил к левому приработку — обслуживанию гостей и клиентов из далекой Европы-Беларуси.

В этот раз мы держали путь к местному эскулапу, о визите к которому наш помощник-водитель договорился накануне.

IV

Медицину в Каракумии за годы советской власти так и не удалось сделать бесплатной, и Руслан дрожащей рукой, почти не глядя на дорогу, придерживая руль лишь левой коленкой, в пятнадцатый раз то вкладывал в конверт третью «пятерку», то изымал. Наконец, не выдержав, махнул головой и, в сердцах плюнув на «проклятого крохобора», процедил: «Да чтоб ему подавиться!»

Из этого непроизвольно вырвавшегося откровения я понял, что каракумскому эскулапу все равно, с чем ты к нему заявился: лечиться, поговорить по душам или еще по каким-либо делам неотложным. Главное — ты пришел, а не к тебе, ты и плати.

Вот такой образ доктора-кровопийцы (деньги-то кровушкой людям достаются — большинству, естественно) сложился у меня, и, понятно, ехать к нему охоты не было.

А «кровопийца», на удивление, оказался человеком благопристойным и цивилизованным: ровно подстриженые виски и затылок, белоснежный шелковый халат, запах дорогого одеколона, говор без азиатского, коверкающего слова прононса. Правда, вежливо доктор приветствовал только нас. После рабского поклона и несмелого подкладывания на край стола конверта Руслан, заикаясь, выжал:

— Эт-то мои гости из Белоруссии.

Доктор вместо ответа щелкнул двумя пальцами в сторону двери: «Пошел!».

И Руслан пошел.

«Ты смотри, какой авторитетный товарищ, — поджал я губы. — Даже зятя мадам Зу-зу ни во что не ставит! Видно, не зря Руслан всю дорогу трясся».

Позже я понял: главенство старших над младшими на этих землях заложено в генах.

Оставшись наедине с нами, суровый доктор в мгновение ока преобразился в доброго Айболита и сгладил создавшуюся неловкую ситуацию:

— Не стоит все увиденное в наших краях принимать близко к сердцу. С аборигенами только так и приходится общаться. По-другому нельзя — вмиг на шею сядут. Восток — дело тонкое и... жестокое. — Доктор развернул клочок бумаги и продолжил: — Хотя бы тот же Руслан. Дети пустыни и есть дети пустыни! Присылает младшего брата с запиской. (Может, именно по ней доктор сейчас пальчиками постукивает?) Читаю: «Многоуважаемый...» (Точно, по ней!) Так, это не важно... Вот: «Пошел третий день, как бульбаши приехали за машинами

и заселились в нашей гостинице. Я, понятно, взялся помочь, а тут, как назло, перед Новым годом все распродались. Вы же знаете, в январе новая партия ожидается... Я про нее совсем забыл. И вот результат. Что делать? Помогите...»

Доктор поднял на нас добрые, полные любезности глаза, и спросил:

— Понятно, уважаемые гости, о чем Руслан беспокоится? Тогда — едем дальше. Просьбу парня я без внимания не оставил. Хотя, может быть, вы и спросите, зачем уважаемому доктору, для здешнего народа человеку почти святому, помогать каким-то приезжим белорусам? С какой такой кстати? На этот вопрос сразу и не ответишь. Предлагаю, друзья, пройти во дворик под навес и там, в более прохладной обстановке — слышите, ветерок погуливает? — попить чайку, а заодно и поговорить.

Не знаю, как Вахтанг и Гарик, а я начал прислушиваться к словам доктора. И в самом деле: что ему до нас, пришельцев из иного мира? И почему он сказал не просто о каких-то приезжих, а — приезжих белорусах? За этим что-то есть?

Мы прошли во внутренний дворик, уселись, поджав ноги, на специальное возвышение под навесом от изнуряющего солнца (у нас бы — перво-наперво от дождя) за щедро уставленным восточными сладостями низким столиком — дастарханом. Хозяин разлил зеленый чай. С аппетитом прихлебывая из чашки тонкого, почти прозрачного фарфора, гостеприимный «кровопийца» безумолку говорил, глядя на меня и словно отвечая как раз мне на те, совсем неслучайно, оказывается, возникшие вопросы:

— С некоторых пор, друзья, считаю белорусов своими братьями, — принялся за рассказ доктор, когда мы мало-мальски освоились за импровизированной скатертью-самобранкой. — Думаю, после того, что услышите, вы поймете почему. Начну издалека. Я происхожу из древнего и уважаемого рода. И род мой никогда и никому не был должен. А на мне вдруг, по независящим от меня причинам, повисло и до сих пор висит незакрытое обязательство. И не удивляйтесь — именно перед белорусами. Давно уже висит, а исполнить его я не мог: белорусы в мою бытность еще ни разу до наших краев не добирались. А дело вот в чем. Когда я поступил в Первый московский медицинский институт, мне поначалу было очень трудно учиться: зачисляли-то нашего брата, среднеазиата, понятно, за денежку, а усваивать курс доводилось по-честному — сами понимаете, всех не купишь! Думал, хана мне. Одно светило — возвращаться в аул, баранов пасти да овец стричь.

Доктор помолчал, поникнув головой с видом безнадежно удрученного человека. Потом встрепенулся, расцвел лучезарной улыбкой:

— Но нашелся один человек, который взял меня «на буксир», потянул за собой, и мы — поехали. Позже, когда я вошел в процесс, в ритм, стал готовиться самостоятельно, и незаметно даже увлекся учебой.

Снова сверля острыми черными глазами именно меня, доктор рубанул:

— Человек, который тогда спас сегодняшнего вашего рассказчика, был из Белоруссии, изпод Гомеля. Он окончил институт с красным

дипломом, и его оставляли на кафедре учиться дальше в ординатуре, но неожиданно для всех выпускник выразил желание служить на Северном флоте. Оказывается (как ваш земляк мне позже из Мурманска писал), с детства, прочитав «Двадцать тысяч лье под водой» (скольких людей эти «лье» позвали в дорогу!), мечтал плавать на подводной лодке. Зная, что по состоянию здоровья в военное училище не пройдет, поступил в медицинский институт, надеясь таким путем на флот проскочить. И надо отметить, он своего добился: попал на подводную лодку. Попал на свою голову. Она затонула еще до Московской олимпиады. Как? Настоящая причина до сих пор засекречена. — Доктор опять закручинился, вздохнул: — Такая вот невеселая история. Да ничего не вернешь. — И еще более скорбно добавил: — Так я и не отплатил своему белорусу добром за добро. Теперь в долгу перед белорусами вообще. Его земляками.

Взволновал меня, да, наверное, и Вахтанга с Гариком рассказ доктора. Впечатляла трагическая судьба безымянного земляка, спасителя нашего приветливого хозяина. На некое время отошло в сторону даже то, зачем я здесь со товарищи.

Но доктор неожиданно, почти без паузы, вернул нас, говоря нынешним языком, к повестке дня:

— Теперь вспомним о цели вашего приезда. Хотелось бы сразу уточнить: не просто из вредности не может Руслан найти вам машину. В последнее время со всего Союза кинулись в наше захолустье автоискатели и основательно

подчистили местные закрома. Но для белорусов, обещаю, что-нибудь отыщем. Кстати, пока не забыл. Советую не только за машинами охотиться, но и к местным магазинчикам и лавкам присмотреться. Беспримерно активная Каракумская таможня закидала их заморским товарчиком под самый потолок. Когда меня по распределению загнали в эту глухомань, я года три приглашал друзей-однокашников приехать отдохнуть, а заодно и приобрести обновки по смешным ценам...

Лавками с заморским товарчиком доктор снова увел нас от гланого. И чай зеленый — хорошо, и доброжелательнейшая улыбка — отлично, но пора бы уже и к делу. И когда доктор сказал: «А сейчас...», мы навострили уши. Оказалось — преждевременно.

— А сейчас считаю необходимым вкратце ввести вас в курс местных обычаев и образа жизни, — продолжил «кровопийца» (вновь вспомнилось забытое было слово). — Они довольно диковинны и этим интересны. Но сначала предлагаю наполнить чашки. Вижу, вам не слишком по душе зеленый чай? Не проблема, сменим на черный. Но все же хочу посоветовать: постарайтесь приучить себя пить и зеленый. Хотя бы чередовать его с черным. Результат последует почти незамедлительно, правда, сами вы его, возможно, не сразу почувствуете. Первой почувствует жена...

Пока мы улыбались этой вполне интеллигентной шутке доктора, был подан черный чай. Мы, собственно, не особенно и жаждали его, но уже за день-другой поняли: чай здесь в первую оче-

редь не питье, а — времяпрепровождение. И даже больше. Как у нас не решаются дела без водочки, так здесь — без чая. Понимая это, мы тоже — вслед за хозяином — дружно потянулись к чашкам.

— Так вот, о местных обычаях, — продолжал между тем доктор. — Послеобеденное великодушие детей пустыни — безмерно, — провел рукой, как бы следуя за горизонтом. Улыбнулся и перешел на пафосно-шутливый тон. — Приняв дозу (без нее здесь многие — как без воздуха) — уколовшись или накурившись, глава дома как бы исчезает, сливается со святым духом, освобождая столь нужное в жилище многодетной семьи пространство. Является же снова в мир живых как бы ниоткуда. Вот не было никого на крылечке и — на тебе! — есть! Улыбающийся веселый человечек с чашкой зеленого чифирчика садится на не знавшее краски крылечко, осоловело оглядывает родную бескрайнюю пустыньку и втягивает первый глоток — осторожный, робкий, маленький-маленький. За ним — второй, более решительный, смелый, оживляющий. «Ха-а-а... — выдыхает-тает потомок одного из так и недорезанных коммунистами басмаческих родов. — Якши-и»[2]. И снова глоток: «А-а-а...» И тянется это до вечера...

— Вы просто поэт! — не сдержавшись, перебил я доктора. — Как сочно процесс погружения в кайф описали! И в самом деле, райскую жизнь устроили для некоторых не очень сознательных народов руководители родной

[2] Хорош-о-о... (*узбек.*)

коммунистической партии и доблестного советского правительства. А как бульбаш или хохол, то — к станку его, гада, к станку! И за три копейки в день, за три копейки! Как юго-восточный товарищ-сосед, потомок варвара Чингисхана, так — нá ему, другу, чифирчика, на! Пусть прохлаждается-отдыхает! Только бы не трогал тот станок: ведь угробит...

На удивление (и слава Богу), доктор не обиделся, наоборот, поддержал меня:

— Абсолютно с вами согласен! Но... Но об этом, думаю, мы еще посудачим. Позднее... — И наконец-то, совсем неожиданно произнес: — Теперь вернемся к нашим делам. Я отдаю вам выделенную мне Минздравом машину. Нет-нет, не машите руками! Вы не так поняли. Я отдаю вам не машину, а очередь на нее. К сожалению, не имею возможности за вас ее оплатить, сами видите — строюсь, второй этаж даже не готов, но, как говорится, чем богаты — поможем: тысяча-другая всегда найдется.

...Встреча с «белорусским должником» в песках Каракумии — едва ли не важнейшая часть нашей одиссеи. Если бы не доктор и не его благородный поступок — такая вот отплата долга безвременно погибшему другу, то что было бы дальше? Ничего! «Финита ля комедия»! Вполне могло случиться так, что вернулись бы мы из песков сыпучих вообще без кáров, а разве что — с песком: в карманах, как уже говорилось, и на зубах. Поэтому доктору — докторово! Тем более что закончил он, еще раз подчеркну, именно словами, коих всего более вож-

делела душа моя, как и души моих друзей-попутчиков:

— Так что, если не возражаете, предлагаю прокатиться в автомагазин. Нас там уже ждут.

V

В полуторалитровую молочного цвета «пятерку» я влюбился сразу. Денег на госцену (за порогом магазина машина стоила в два раза дороже) хватило, и доктору раскошеливаться не пришлось. Правда, от покупки и последующей презентации ярких югославских чехлов я «должника белорусов» не удержал.

В общем, оставалось добыть машины Гарику и Вахтангу. Здесь снова посодействовал доктор. Отправил ребят с запиской домой к больничному завхозу. Тот, прочитав послание, почесал небритый затылок, но ухоженную, цвета непредставимо далекой отсюда морской волны «копеечку» из гаража выкатил.

Машина сразу приглянулась Гарику. Приглянулась, а денег не хватало: на такой вариант художественный руководитель хора, а заодно диссидент и ярый антисоветчик не рассчитывал. Думал купить что попроще, абы ехало не так, как через раз кудахтавший и глохший дедовский «москвич», приобретенный еще в год выхода на экраны «Берегись автомобиля». Завхоз же белорусам ничего должен не был, и хотя ради начальника-доктора мог существенно подвинуться в цене, но не настолько, чтобы отдавать досмотренную красавицу даром. Позже Гарик рассказывал: в тот момент у него чесались руки позвонить доктору, попробовать одолжить у

«протеже» недостающую сумму. Но подумал и решил не перегибать палку — человек и так все возможное для нас делает.

Казалось, выхода не было. Но неожиданно на выручку пришел Вахтанг:

— Давай, дружище, возьмем ее на двоих, как-никак не чужие ведь люди — соседи, а дома разберемся, что к чему и кто кому и сколько должен.

Гарик помялся, помялся: очень уж хотелось иметь именно личное авто, но — согласился:

— Восток — дело тонкое, однако — дороже, чем длинные языки плели.

Одним словом, мы не уехали пустыми из страны далекой, но, как оказалось, совсем не сказочной. Теперь, по прошествии ряда лет, я понимаю, что тогда нам с машинами просто повезло — мы вскочили в последний вагон уходящего поезда. После нас, если в Каракумию кто и ездил за «карами», то возвращался, как правило, на своих двоих и с весьма тоскливой физиономией.

«Банкет по случаю» начался рано, еще днем. И начался не у доктора. Извинившись, что с гостями больше оставаться не может — вызвали в столицу (помнится, что-то говорилось о повышении), он передал нас своему близкому другу, директору школы.

Друг нашего друга предложил «почти земляку» Вахтангу выбрать из шнырявших вокруг баранов наиболее аппетитного, а мне — продегустировать десяток марок местных вин. Я отдал предпочтение белому десертному, и его принесли ящик, что весьма удивило: думалось, будем

пить, как некогда в гостях в Ереване — из бочонка.

Готовилось все в тандыре (полутораметровой печи, напоминавшей в анфас подкову) прямо у нас на глазах, и гонящие слюну острые запахи туманили не привыкшее к ним сознание.

Главный учитель, конечно же, заметил сей нонсенс, и еще задолго до духовой баранины нам предложили развеять туман бокалом молодого вина. Его принесла так и не севшая за стол хозяйка.

Восток — дело тонкое, но — не женское.

Не прошло и часа, как шашлыки и манты стали исчезать со стола словно у фокусника. Честно признаюсь: никогда — ни раньше, ни позже — я не ел ничего столь фантастически вкусного. Ни у «себе на уме» поляков, ни у трудяг-скандинавов, ни у всегда спокойных, уверенных в себе баварцев, ни у отдаленных от мира таежных сибирских охотников, ни у бандитистых хозяев Владивостока, ни у обманчиво медлительных арабов... Вино грело кровь, но совершенно по-другому, чем то, что продается в наших краях. Не столько пьянило, сколько веселило, бодрило, придавало сил. Хотелось жить, жить и жить. Долго и счастливо. И чтобы все были счастливы! Все и всегда!

Утром встали с удивительно свежими головами — во напитки и закусочка каракумские! — и, толком не позавтракав, засобирались в дорогу. В гостях — хорошо, но когда-то и дома нужно появиться.

Дружно постановили (как теперь понимаю, неправильно), что более опытный водитель Га-

рик поедет один и за нами, а я и Вахтанг, как недавние выпускники водительских курсов, тихонько покатим впереди, меняясь за рулем.

В такой последовательности нас и проводил главный школьный учитель.

«Директор — живчик и умница, — отметил я, садясь в машину. — А детвора, которую он учит грамоте, — приторможенная. От жары, наверное. — Уже в дороге на ум пришло еще одно наблюдение: — В Каракумии, чтобы быть Уважаемым Человеком, достаточно выучиться и не глотать наркоту ежечасно. У нас полстраны с дипломами и шприца никогда в руках не держали, а Уважаемых — единицы».

VI

Бескрайнюю пустыню разрезала ровная и узкая, как между польскими местечками, полоска асфальта. И на этой «узкоколейке» верст так через пятьдесят, а может, и через сто расставлены собачьи будки. Впрочем, не то чтобы собачьи, скорее — телефонные, в которых все равно сидят собаки, то есть — гаишники, что для многих (не местных) одно и то же.

Пустыня и есть пустыня — ни одной лишней молекулы! — и будка видна, словно на ладони. И вы, как человек-недурак — а не дурак, раз машину купили (а до этого еще на нее при полурабовладельческом строе заработать умудрились), — всматриваетесь в приборный щиток (Ура — Италия! Год шестьдесят седьмой!) и облегченно выдыхаете: едете даже не разрешенные семьдесят, а тихие пятьдесят пять — хорошо! Далее поправляете ремень безопасности: как

он? Застегнут? Нормально! Что еще не так? Ручник? Нет, ручник проверял перед выездом — держит. О чем мог забыть? Вот черт, — аптечка! Нет, не черт: чтобы доктор и без аптечки? Так не бывает. Есть аптечка! Какие другие могут возникнуть вопросы? Алкоголь? Пили накануне. По тройке десертного на брата — разве это питье? К тому же вместо завтрака приняли по литру молочка козьего — желудки прочистили. Забыть! С алкоголем у парня в фуражке, если остановит, тоже номер не пройдет. Пожалуй, все. Рулим, улыбаемся, не волнуемся. «800 метров до поста ГАИ», «400». Где это они столько дорожных знаков в пустыне повыискивали? И отчего до сих пор по домам не разнесли? Чудеса. Не похоже на местную публику.

Вылезает дружок, вылезает ласковый. Еще б не вылез. Ему ведь из будки дальше видно, чем мне из кабины «жигуленка».

«К обочине, к обочине», — показывает полосатой палкой дорожный начальник, и команду я выполняю. У меня же все о'кей, какие проблемы?

— Дорогой гость нашего солнечного края! — ошарашил, как бы влез мне в грудь и ухватил за сердце дорожный смотритель и, кажется, иллюзионист плюс сказочник. — Великодушно прошу извинить, что прервал ваше долгожданное возвращение на родину, — вышла рука из моей груди. — Не желаете ли пройти в мои апартаменты? Будете приятно удивлены!

Это уже полнейший перебор! Какая речь! Какие манеры! Ладно, доктор в Первом московском медицинском учился, шесть лет мозги су-

шил, Руслан от тещи, большой поклонницы Пушкина и, между прочим, выпускницы нархоза, куда простого смертного и с круглыми пятерками в аттестате не возьмут, нахватался, но — дорожный мент? Чудеса! Шахерезада да и только.

Мент ожидающе улыбался, и надо было что-то отвечать.

— Вопрос риторический. Минуточку, захвачу документы.

— Не надо никаких документов! И так вижу: хороший человек за рулем. А товарищ ваш, сдается, из солнечных краев родом?

Вахтанг как-то неактивно подтвердил догадку и даже вяло поздоровался, но из машины не вылез («южане» отчего-то все друг к дружке в присутствии «северян» неравнодушны) — впрочем, на этом никто и не настаивал. Я двинулся к «апартаментам». Требовалось пройти в будку и на как можно дольше отвлечь гаишника. Тогда у Гарика, притормозившего неподалеку, появлялся шанс проскочить без досмотра.

— Прошу! — открыл передо мной дверь старший лейтенант. — Восток — дело тонкое и... гостеприимное! Не ожидали?

Я притих. Нижняя, закрытая часть будки была увешана шикарными импортными женскими костюмами — из тех, что называются «на выход». В таких одежках и по вечерним Каннам можно прогуляться! И в самом деле — не мент, а иллюзионист!

— Английские вещи! Не какое-нибудь «шило» мэйд ин Турция! — ожил старлей, уловив мой загоревшийся взгляд. — Выбираем люби-

мой женщине подарок. Машина — хозяину, супернаряд — его красавице! Все рады, довольны и счастливы! Полный, уточню, комплект! И отдается все за треть цены, ибо (гостям можно признаться) товарчик на реализацию брат из таможенного конфиската передал. А даст Бог, подружимся, так и на карте покажу — у вас видел, атлас автодорог имеется, — как посты с нашими ребятами до самого Красноводска (теперь переименованного, понятно, по «просьбам трудящихся» в Туркменбаши) объехать, а если поймают — научу, какие байки для отбивки рассказать.

Платья были потрясающие, но даже за треть цены денег хватило только на одно. Зато самое лучшее! (И для какой-такой здешней темнокожей крастотки контрабандист супердорогую Шанель волок?) Теперь всё, финиш, никаких попутных покупок. Денег в обрез даже на дорогу.

— Держитесь, бульбаши! — пожелал нам бизнесмен-гаишник, когда мы снова тронулись в путь.

Долго не мог я забыть о безымянном контрабандисте, выловленном братом гаишника. Хотел парень подзаработать, чего-то достичь в этой жизни беспросветной, а теперь — что? Теперь кости на нарах парь и плачь, вспоминай деньки веселые. Ничего не поделаешь: соотношение «риск — прибыль» каждый выбирает сам и в меру своих способностей. (Я еще не знал, что вскоре это соотношение придется выбирать и мне.)

Запомнился и старлей-гаишник, вручивший мне в благодарность за покупку неожиданный презент — женские лайковые перчатки. («У нас все равно не понадобятся».) Сдержал он и слово — начертил на атласе, как объехать друзей дорожных. А где это невозможно — что говорить, какие байки для отбивки рассказывать.

Ну и братья! Не работники бдительной сферы, а слаженный таможенно-гаишный тандемчик бизнесменов: первый грабит въезжающих, второй — по дешевке сбывает награбленное отъезжающим, вдобавок подсказывает выход из песчаного лабиринта.

И стоит отметить: последнее было дороже всего, потому как почти без сбоев и еще до наступления темноты помогло нам добраться до автоплощадки парома, следовавшего по маршруту «Красноводск — Баку». На нем-то мы и должны были пересечь Каспий.

Здесь, правда, без осложнений не обошлось.

Два резвых, упрямых до нельзя азербайджанца-картежника из многообразия плывшего на пароме народа для своих нечестных игр почему-то выбрали в напарники меня. То ли выцветший до бледно-желтого «колер» моих волос им не понравился, то ли мордашка, подпаленная каракумским солнцем (как, впрочем, у всех «северных»), их нервировала. Финиш игры, как и следовало ожидать, получился скандальный, с потасовкой, и если бы не вовремя вынырнувший Гарик, который, на мое везение, знал неплохо «арабский» и, следовательно, малость азербайджанский, — безвестному минскому радиоинженеру и меломану в одном лице при-

шлось бы туго: картежники уже ножи повынимали.

Националист Гарик вопрос закрыл, но больше от меня не отлучался. Видно, чувствовал, что я еще не все и не со всей нежностью высказал шулерам, что о них думаю. Правильно чувствовал.

Позже он мне пояснил, как успокоил картежников: «Деньги у парня гаишники вытрясли, поэтому напрасно с нищим время теряете. Еще не поздно найти и обуть действительно упакованного лоха». Тогда же Гарик признался, что, предложив такое, он указал на стоявшего недалеко Вахтанга.

Я остолбенел: с чего бы это? Ведь именно Вахтанг протянул ему руку помощи, без чего не катил бы сейчас любитель фантастики в своей (пусть пока и «на двоих» купленной) тачке. Притом оба — южные, скажем так, братья. Тут уж действительно задумаешься: восток — дело тонкое.

Впрочем, Гарик знал что делал: с плечистым Вахтангом судьбу-удачу картежники испытывать не стали.

VII

Суша встретила нас танками, перекрытыми дорогами, неработающими магазинами и беспрерывными проверками документов. Какой-то рискованный местный офицер бакинскую власть, как он считал, донельзя коррумпированную, скинуть пытался, да номер у парня не прошел. Партмафия — бессмертна!

Часа три мы пробирались сквозь кордоны, посты и шлагбаумы, но постепенно они встре-

чались все реже и реже, пока наконец не исчезли вовсе.

Оказалось, мы въехали в Дагестан — страну Расула Гамзатова, расширяющего легкие воздуха, спокойных, но непредсказуемых бородатых мужчин, незапоминающихся женщин и беспрерывно бегающих (в отличие от каракумских) — голодных, что ли? — детей. Самый спокойный, как мне показалось тогда, край. Заказывай, выбирай, плати и шуруй дальше. Бай-бай.

Дербент, Избербаш, Махачкала, Хасавюрт — все на одном дыхании.

Пролетев без остановок по самому спокойному краю до Ставрополья (Чечню с ее тогда еще негрозным Грозным «впопыхах» не заметили), решили, что хватит гонок, пора притормозить, заправить машины и ублаготворить ноющие желудки. Пришвартовались у заправки-забегаловки. Заполнили баки и принялись было испытывать организмы подозрительной придорожной пищей, да — не доели. Товарищи-бандиты с большой дороги (со временем эти ребята перестроятся в более культурных, но не менее нервных рэкетиров) уже наладили контроль за автоперегонщиками, и оставалось самое легкое — снимать капусту.

Самое легкое? Как бы не так! Попробуй поспей за всеми, уследи, не прозевай какого хитрозадого! Нас вот прошляпили, когда расслабившихся от счастья ленинградцев (парни где-то отхватили черную «двадцатьчетверку»!) щемили.

На всякий случай дальше (в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) мы почти не оста-

навливались, рулили без передышки. Сдались лишь на заправке в какой-то несусветной глуши уже за Минеральными Водами, где не отмечалось присутствия не то что рэкетиров, но и вообще какого-либо жилья.

Смуглая черноглазая красотка-заправщица, с виду и по одежке явно старшеклассница, предложила-промурлыкала заглянуть на огонек в комнату отдыха и, как я догадался, любви. Пушок над ее явно не знавшими помады ярко-розовыми от природы губами малость оросился потом от волнения. И с чего это дивчина в краях гарных мужиков-казаков голодная прохлаждается и решилась на придорожный флирт — по слухам, весьма опасный? Разве один я, такой герой, на дороге скорости переключаю? Вряд ли.

— Попробовал бы сначала! — повысила голос малолетняя красавица, когда поняла, что гость не зайдет на огонек. Но я удушил в себе опасное желание, не рискнул здоровьем и Бог знает чем еще.

Подобные предложения передохнуть и расслабиться исходили из уст дорожных королев и Краснодарского края, и Ростовской области, и по всему югу Украины аж до самой ее славной столицы.

VIII

За Киевом нахлынул невиданный туман. В такое марево я попал впервые: дорога в двух шагах не просматривалась.

Упрямый грузин пытался ехать километров десять в час, пока чуть не поцеловался с шикар-

ным, в три обхвата, дубом. Остановились переждать. Так бы, наверное, и отдыхали невесть сколько, если бы вдруг, словно на самолете, мимо нас не пронесся какой-то сумасшедший. Заведенный сиим беспределом Вахтанг, не раздумывая, помчал за гонщиком.

— Врешь, меня так просто не возьмешь! — вопил по-чапаевски.

Мертвой хваткой Вахтанг вцепился в бампер идущей впереди машины неизвестного смельчака. Так до Козелец на халявку и добрались.

На указателе «Нежин» наш ведущий свернул вправо и притормозил.

Остановился и Вахтанг. Достал из бардачка дежурную — гаишную — бутылочку и отнес ее сверхзрячему поводырю.

Выяснилось, что не гонщик был сверхзрячий, а его противотуманки со стоваттными японскими галогенками.

Прощались перезвоном сигналов.

Где-то под Черниговом Гарик, все время упорно и молча державшийся сзади, ринулся вперед.

— Пойду теперь я паровозом, устал на хвосте у салаг сидеть! Да и здесь вы уже не потеряетесь... — крикнул он в приспущенное правое окошко их с Вахтангом «семейной» машины. — Завтра у Риммы день рождения! Обещал непременно быть! И буду!

Так и пошел верный муж вперед, только мы его и видели. Сначала, смотря ему вслед, издевались незлобиво: ну отрывайся, отрывайся, спеши к своей пухленькой имениннице. Сказано ж давно и верно: тише едешь — дальше бу-

дешь. Шутили-посмеивались и не заметили, как в самом деле здорово поотстали. То ли Гарик без меры напрягал «копейку», спеша на именины к любимой женушке, то ли мы чаще необходимого останавливались, менялись местами да застывшие косточки разминали.

Уже в одиночестве мы катили дальше и неизменно поднимались по меридиану земного шарика все выше и выше и, следовательно, оказывались все ближе и ближе к родной земельке.

Таким манером отмотали без сна (от самого Баку) двадцать восемь часов. Я предложил дальше судьбу не испытывать и передохнуть. Но сидевший за рулем Вахтанг по-грузински уперся:

— Дотянем.

И мы чуть не дотянули... до кладбища!

Сон сломил его организм, и кацо отключился. Правда, руль держал крепко, и я не сразу заметил опасность. Незаметно мы брали влево, хотя Вахтанг все так же упорно сдавливал, ни на что не реагируя, баранку. А между тем на нас медленно и верно надвигалась серая смерть в лице родного МАЗа с пятисекционным прицепом-вагоном (может, как раз на строительство того самого сельхозинститута держал земляк путь?), и я едва успел рвануть руль на себя. Мы проскользнули от громадины на расстоянии вытянутой руки. Водила еще долго давил на оглушавший нас сигнал.

Вахтанг подхватился и, толком не соображая, что случилось, уцепился за руль. Я отдал упорному грузину управление, но заметил:

— Как только догоним Гарика, пересаживаешься к нему. Там свои небезопасные эксперименты на выносливость и ставь!

Проехав пару километров, грузин все же сообразил, что лучше не играть с судьбой в рискованные игры, и сдался:

— Торможу, малость покемарим. И в самом деле — глаза слипаются.

— Правильно, отдохни, а я поведу. До границы-то совсем немного осталось, — примирительно предложил сменщику.

— Э, нет! — неожиданно Вахтанг вновь заупрямился. — Пока не отмотаю договоренный километраж, руль не отдам!

Что было делать? Возражать — бесполезно. Да и устал я спорить с упрямым грузином.

— Понравилось бороздить земные просторы? Давай, давай.

IX

Проснулся я, когда подъезжали к Беларуси. Вахтанг, довольный тем, что ожил первым и успел пару десятков километров похозяйничать один, присвистывая, выруливал на заправку.

— Оклемался, босс? Вовремя! Давай денежку, пойду коня подкормлю, а то уж совсем парень проголодался: красная лампочка с полчаса горит.

Вернулся Вахтанг не в настроении:

— Заправщица песни поет: «Бензина нет. Только НЗ для гаишников. Ждите до утра». Но до утра — околеем. Чувствую, я своим фэйсом ей не глянулся. Может, ты сходи? С блондинами, насколько заметил, хохлушки более приветливы, сами к ним липнут.

— Липнут грязные руки и еще кое-какое место, если сладкого переесть, а девчонка —

испугалась, — перевел я разговор в другое русло, мало надеясь на свое предположение. — Глянь на себя в зеркало: двухсуточная черная щетина, взгляд голодный — бандит однозначно! Ладно, не дрейфь, дыши глубже. Испытаю-ка и я свою удачу. Попробую уговорить хоть на пару десятков литров, их нам как раз и не хватает.

Знающие учат: когда нельзя достичь цели ни за так, ни за деньги, а очень нужно, ее достигают любой ценой. Любой!

В данном случае сие не понадобилось, но пожертвовать подаренными каракумским бизнесменом-гаишником лайковыми перчатками пришлось. Против изделий из лайки ни у одной женщины нет аргументов.

Заправились и покатили. Как говаривал Остап Ибрагимович, заседание продолжается!

Через полчаса показалась и граница! Наконец-то! Однако странно: нет что-то наших ребят-гаишников. Спят, наверное. Святое дело для белоруса. Так он последние два столетия и проспал.

И все же — как вольно задышалось на родной земельке! Наконец-то дома! Почти дома, если кто слишком точность любит. Теперь меня сложно остановить.

Я сел за руль, и мы погнали!

Казалось, не за пять часов, а за пять минут пролетели триста километров. Оставалось совсем чуть-чуть. Совсем...

X

Я знал: главное — не расслабляться на последнем отрезке пути. Притом не понаслышке знал — имел и кое-какой опыт. Но когда пролетели знак «Минск — 17 км», разум мой отключился, уснул. Во сне я шел по канату над пропастью и вдруг качнулся. В ужасе закричал:

— Стоять!

И притормозил! На гололеде! И как?! Педалька — в пол! Машину понесло юзом, закружило, и вот она — пропасть, та, что снилась! И мы ныряем...

— Не-ет! — завопил.

Я испугался, но бороться не бросил. Резко вывернул руль вправо, в сторону, противоположную кручению, вырвал управление из рук судьбы-стихии и вырулил в метре от обрыва: не дал сну стать явью, а нам — рухнуть в бездонную строительную яму.

Еще долго я что-то кричал на монголо-татарском, вскидывал вверх кулаки, тряс, словно эпилептик, головой — казалось, до конца жизни она так и будет у меня ходить туда-сюда, туда-сюда. Нервы сдали, и я не управлял собой...

Но то, что увидел дальше, — парализовало.

Какое-то человекоподобное — иначе его не назовешь — скинуло с ремонтируемой дороги знаки «указатель перестроения на другую проезжую полосу» и другие, им сопутствующие. И на полной скорости (не только мы спешили попасть домой до полуночи) четыре машины вошли одна в другую.

Фурщики уже успели перегородить дорогу с разбросанными по ней изувеченными телами и

покореженными автомобилями, включили аварийные сигналы. Не в первый раз убеждаюсь, какие дальнобойщики молодцы! Если бы не они, тел было бы много больше — с каждой минутой больше.

Тогда я и увидел человека без головы. Вместо нее на сером асфальте в черно-бордовой луже виднелась кучка раскрошенных костей и подрагивающее желе мозгов.

Вспомнился тот, проревевший буквально в сантиметрах от нас пятисекционный МАЗ. Тогда Всевышний смилостивился, пожалел, сейчас — тоже. В следующий раз очередь на спасение может оказаться не нашей.

Что-то заставило вновь посмотреть на обезглавленного. Это в природе человеческой: ужас не только отталкивает, но и притягивает. И я вновь поднял глаза. Батюшки! Сапоги с медными ковбойскими шпорами! Это же хваленая штатовская обувка Гарика! «Вторых таких “кирзачей” в стране нет!» — любил прихвастнуть он при случае. Не хотелось верить. Сознание отказывалось воспринимать увиденное. Господи! Зачем он оторвался и ушел вперед? «К Риммочке на день рождения опаздываю». Вот и успел.

Вахтанг вдруг затараторил на родном. Видно, тоже узнал Гарикову обувку. И закричал. Его голос становился все громче и громче, и вскоре я ничего, кроме него, не слышал. Ничто не в силах было заглушить этот голос.

Неожиданно Вахтанг затих, опустился около знаменитых сапог на колени, начал молиться — тоже по-своему, непонятно. Так и простоял до прибытия «скорой» и гаишников...

Вахтанг остался дежурить на месте аварии, а я потащился в Минск — сообщить родным. Именно потащился — долго полз на третьей, забыв о четвертой и не слыша за спиной возмущенных сигналов спешивших. И это бесило. И зло думалось о том, что дорога берет слишком дорогую плату за то, что ее кто-то и когда-то проложил для быстроты передвижения. Сейчас она требует денег? Да, конечно. Но издавна и неустанно берет куда более дорогую плату — человеческие жизни.

XI

Есть, кроме любви и ненависти, еще одно заставляющее терять голову чувство. Оно приходит, когда мы возвращаемся после долгой отлучки домой.

Я въехал во двор, остановился, заглушил мотор. Все, прибыл! Конец. Финиш... Расслабился... Неожиданно что-то невидимое сдавило грудь. Не дышалось. Куда-то ушло дыхание.

С трудом вылез из машины. Как мог с силой вдохнул и выдохнул — отпустило! Потянуло взглянуть на небо. Большая черная птица парила над городом. Ястреб? Орел? Вот он пролетел над моим домом, взметнулся ввысь и растаял в небесах. Как Гарик, мой друг, теперь уже вечный. А может, это он и был?

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Двадцать три плюс два — задачка для первоклассника. Только в данном случае она так просто не решается. Ибо речь идет о понятиях разного ряда и порядка: двадцать три часа до начала регистрации рейса «Стокгольм — Москва» и две шведские кроны — по-местному, мелочь — в кармане.

Почему с таким запасом времени, спросите вы, прибыл я в аэропорт? Нет-нет, я не из тех праздно шатающихся романтиков-мечтателей, любящих созерцать исчезающие в небесах «илы» или «боинги» и представлять в них себя, хороших. Не любитель я и бесцельно кружиться в водовороте неугомонного улетающе-прилетающего люда. В конце концов, не так богат и не так беден, чтобы позволить себе разбазаривать жизнь на бессмысленное времяпрепровождение. Причина, по которой я угодил в аэропорт почти за сутки до рейса, коим должен был покинуть самую социалистическую (как пишут у нас) или самую капиталистическую (как считаю я) страну Запада — Швецию, куда более тривиальна и проста. Помните, выходил при коммунистах киножурнал «Хочу все знать!»? Бывало, кидали большевики в народ в те далекие времена и полезные лозунги. «Знания, — если продолжить сегодня их мысль, — есть информация, а инфор-

мация стоит денег». А чтобы заработать денег, нужно попахать, напрячь свое бесценное здоровье, добывая ту самую бесценную информацию. Вот я его и напрягаю уже который год. Посему и в Швеции очутился, где домашняя электроника, теперь этакая модная, куда дешевле, чем в нашей «буче, боевой, кипучей», и с которой дома неплохая дельта выскакивает. Да-а-с. А причина моего долгосидения, вернее — долготерпения в аэропорту и впрямь банальная, даже, пожалуй, слишком.

Но — обо всем по порядку.

Отмотав в последний день по «шопам» и распродажам положенный километраж и возвращаясь по окунувшемуся в теплый снежный вечер несравненному, в огнях и иллюминациях Стокгольму в отель, я вдруг тихо возмутился: а сколько той жизни?! Прогуляюсь-ка и я, словно праздный турист, по ночному красавцу! Попрощаюсь с родимым. Когда еще в шикарные места судьба игривая забросит?

И прогулялся. Забрел на известную улицу. И спросил себя, привороженного увиденным: а в чем, собственно, дело, старичок? Турист ты сегодня или не турист?! Чем ты хуже других, подобных тебе человечков? Хотя бы и того же шведа, когда-то твоими предками битого? Загляни-ка в этот маленький бордельчик! Отведай сластей заморских! Видишь, как многообещающе глазастые леди за стеклом свои яркие губки облизывают. А как заманчиво кой-чего у себя поглаживают. У-ух! Загляни-ка, Вань (это я так себя, когда волнуюсь, величаю), на прощание, загляни, дорогой.

И я заглянул, и отведал. С чем ее, любовь платную, едят и почем за час считают. Вы не поверите, но любвеобильной подружкой оказалась, можно сказать, землячка — грудастая, ухватистая хохлушка, коих здесь, на удивление, хоть пруд пруди.

И в результате в гостинице оказался очень глубокой ночью, когда, как пел Высоцкий, «автобусы ужо не ходють», и вконец обессиленный, словно я на некоторое время подменил Атланта, небесный свод держащего...

В семь ноль пять настырный и грамотный электронный будильник цепких и точных японцев из «Seiko» разбудил меня только с третьего захода. Невыспавшийся, я туго соображал и совершенно забыл о разнице во времени. Опомнился лишь, когда обжегся вскипевшем в *micro wave* кофе: спросонья задал в таймере не то время. Немедля вызвал такси, предупредив: у меня с собой вещей — гора немереная. Ответили, чтобы не волновался. *No problem*, мол, ждите, дорогой товарищ, за вами приедут... Шутники...

Однако не спас даже показавший характер потомок недобитого шведа. Он гнал свой *micro bus* (все у них микро) как угорелый, но... это был не его вечер — вернее, утро. Не доехав до аэропорта с квартал, «мерседесик» закудахтал: швед впопыхах запамятовал заскочить по пути заправиться.

Короче, самолет я прошляпил. Проводил его притуманенным слезою взглядом. А вдобавок и последние денежки спалил: великодушно отказался взять у гонщика сдачу — не мог не отблагодарить человека. Стараясь успеть к рейсу, он

рисковал и собой, и машиной: раз чуть в кювет не нырнули, а когда опять занесло, едва столб не поровняли. Да и вещи помог в зал ожидания доставить.

В общем, оставалось одно: закомпостировать открытый — слава Богу! — билет на следующий рейс и ждать. Ждать без малого сутки.

Просидел в ненавистном с детства бездействии полтора часа. Показались — вечностью. «А как отбарабанить срок, в пятнадцать раз больший?!» — сокрушался, ерзая на стуле. Но человек — терпеливое все же создание. И не лишенное, к тому же, вкуса к познанию. В полдень я уже более-менее представлял себе жизнь и правила поведения — а по сути, «выживания» в аэропорту с красивым названием «Arlanda».

Хуже всего то, что на расставленных в холлах и залах бесчисленных сиденьях нельзя спать (к чему меня неудержимо клонило). Чуть сомкнешь глаза — и откуда ни возьмись появляется вооруженный до зубов рейнджер (так я окрестил местных полисменов за их особо воинственный прикид: пистолет, электрошокер, дубинка, наручники, еще какие-то успокаивающие бирюльки-побрякушки для охочих побалагурить). Появляется — и предлагает осоловелому мистеру пассажиру пройти в комнату отдыха. А комната эта (точнее — угол с мягкой кроваткой) стоит денег. И не две кроны. Походить же по залам, осмотреть местные достопримечательности, выйти подышать свежим воздухом, туда-сюда тусануться и там-сям потолкаться — то есть убить время, а заодно и сбросить с себя

все более затягивающие цепи сна, возможным не представляется: вы не бездельник-турист с мыльницей от «Fuji» или «Kodak» на груди, а челнок. («Трагик» Т. Драйзер, весельчак О'Генри, «немецкий товарищ» Э. М. Ремарк, маленький «карманщик» К. Чапек, «кошмарист» Ф. Кафка, автор тихих детективов с не расстающемся ни на минуту с трубкой комиссаром Мегрэ «в главной роли» — Конан Дойль, Ж. Сименон и другие назвали бы вас мягче, более интеллигентно и загадочно — коммивояжер, что, собственно, ничего не изменило бы.) Да, вы — челнок, и посему вынуждены бороздить моря, океаны или воздушное пространство обычно с грузом. Вот и на сей раз прикупили разной буржуйской электроники, сто́ящей на родине сумасшедших денег, а здесь... Здесь простой работяга с одной-двух зарплат способен завалить аппаратурой радиоотдел любого совкового универмага. И теперь эти три хайфайных видеомагнитофона «JVC», новейший двадцатипятидюймовый «блэк-тринитрон», крутая многоблочная стойка от «Technics», парочка профессиональных синтезаторов «Yamaha», ящик с аудиокассетами «BASF» и «TDK», а также неподъемная — семь на восемь — сумка качественного (без иронии) секонд хенда висят у вас камнем на шее, привязав к проклятому пластиковому стулу.

Такое количество техники взвалить на одного человека да на безмерно строгой советской таможне — равносильно тому, что под липку его обчистить. И посему частью коробок на время прохождения кордона необходимо поделиться с богатыми людьми. Почему, спрашива-

ете, с богатыми? Да потому, что они летят пустыми и записать на себя чей-то «лишний» видик-шмыдик обычно соглашаются: новоиспеченные ротшильды еще не забыли, как сами живот надрывали, в люди выбиваясь...

Сколько, кстати, натикало? Двенадцать пятьдесят? Да-а. Здесь меня и похоронят.

Но сдаваться — судьбу покалечить, перевернуть ее, бедную, вверх тормашками. Придумал маленький самообман. Для хотя бы мнимого ускорения хода времени разбил час на две составляющие. Одна прошла, вторая — часа как не бывало! Прямо летит времечко! И снова первая половина миновала. И вторая... И опять первая. Но уже медленнее. Ничего! Как там говорил хохол в известном фильме: «Тэче помалэньку»? Он о воде говорил, но время — тоже течет. Помаленьку, но течет. Главное — держаться, не расслабляться, не ныть! Сколько там натекло? Полтретьего? До рейса еще почти двадцать часов? Ужас!

Но ужас был не только в этом. Начались эксцессы-злоключения.

В одеянии, представляющем нечто среднее между халатом и купленным на вырост плащом, и в одинаково увесистых — на полгруди — блестящих крестах в зал вошла гопкомпания из четырех братьев-близнецов. Отличить их друг от друга можно было разве что по преобладанию голубых или розовых полос на голове.

Заприметив меня в окружении многоместного багажа, они вместо приветствия пропели: «Ой-ля-ля!» и, оглядевшись, нет ли поблизости

рейнджеров, подошли ближе. Сообразив, из каких таких мест прибыл дорогой гость, осмелели.

Один из крестоносцев, синеволосый, с прической, напоминавшей на треть вошедшую в голову диск-фрезу — кто видел, понимает, о чем идет речь, — поставил грязный ботинок на коробку одного из синтезаторов.

«И где он свою обувку в идеальной шведской чистоте умудрился столь жутко измусолить? — поразился я. — Это ведь нужно было постараться! Хотя — о чем речь? Свинья везде грязь отыщет. Даже в Швеции».

Синеволосый ткнул черным от татуировок пальцем (вот от кого наше подрастающее поколение неправильные манеры усваивает) в коробку с «тринитроном» и, скривив губы — верно, пытался сделать ужасную рожицу, — что-то прогнусавил.

Шведский — не тот язык, которым я с детства мечтал овладеть, не знаю даже, как на нем до десяти считать, а потому изверженную с нагловатой усмешкой тираду уразуметь не сумел — и промолчал. Это дало синеволосому повод пойти дальше в смысле нахальства. Наглой ногой он подтянул «Ямаху» поближе к себе и к своим друзьям-товарищам — я уже успел окрестить их подельниками.

Некоторые шутники, играющие с огнем, говорят: «За баксы я и Родину продам!» Я не любитель столь смелых заявлений, но в коробках с синтезаторами упаковал и по паре дисков (для себя и сверхмеломана-соседа) несравненных «Led Zeppelin», «Nazareth», «King Krimson», «10 cc» и

«Queen». Родину трогать не буду, а вот за любимых рок-старичков повоевать всегда готов!

Сбросил я с ящика грязный башмак будущего завсегдатая бесплатных столовых за решеткой и на всякий пожарный отступил: а вдруг красавчик синеволосый некогда в секцию бокса, к примеру, заглядывал? Однако спортсменом забытое дитя капитализма, видно, никогда не было, ибо ответу резкому удивилось и вроде растерялось, даже струхнуло. Не нашлись чем меня остудить-припугнуть и его вихрастые друзья.

Не стану теперь прикидывать, каким бы вышел финал международной, но совсем не товарищеской встречи по уличным единоборствам, если бы неожиданно не вернулись в зал строгие рейнджеры. Синеволосый оказался на удивление сообразительным и среагировал мгновенно. Сделав вид, что мы с ним друзья, сто лет знакомы и прочее, он махнул рукой, мол — мне пора, старик, удачи!

Полицейские проводили выходящую из зала четверку вопросительными взглядами, но не тронули: пусть детвора резвится, коль никому не мешает. Капитализм как-никак, и следовательно — свобода самовыражения.

«Вот бы так и мимо меня протопали и не заметили», — шептал я молитву и, сдается, вверху ее услышали. Перекинувшись парой слов, рейнджеры направились к выходу: видать, все же беспокоились за бравых ребятишек, не были убеждены, что те и на улице примерно себя поведут.

Не сиделось и мне. Встал размять застывшие косточки.

«Раз-два, раз-два!» — вспомнил давние армейские утренние пробежки. Попрыгал с ноги на ногу, попрыгал и... сообразил, с чего это пританцовываю.

Крытая толстым слоем эмали белая дверь с двумя нулями и перевернутым над ними золотистым треугольником сияла метрах в двадцати. Но как известно, в «дабле» дверь за собой не только джентльмены закрывают. А что могу застать, когда вернусь, удовлетворив заветное желание? Правильно... ничего.

Выхода не находилось, а «страсти» накалялись, и я решился бросить на произвол судьбы вот где сидевшие у меня электронные причиндалы. Уже сказал было себе: «Всё, плевать, пошел! Сколько можно терпеть!» — и встал... Но тут местная, по-молодежному одетая в комбинезон цвета хаки — сама галантность — старушка-уборщица приметила мои отплясывания и правильно оценила ситуацию. Слезла со своего автоподметальщика и, подойдя ближе, шепнула (с английским в Швеции даже пенсионерки на «ты»):

— The Mister, no problems. Unless you object, I care for your things[1].

Переводить детский текст не потребовалось, и я шмыгнул за заветную дверцу.

Годы спустя побывав во многих аэропортах мира, я посетил уйму разных «даблов», но по-

---

[1] Мистер, нет проблем. Если не возражаете, я присмотрю за вашими вещами (*англ.*).

добного тому, который увидел в шведском «Arlanda», не встречал: белоснежные, пахнущие утренним лесом пол, потолок и стены; ряд автоматов с цветастыми окошечками по продаже средств сексуальной защиты, сигарет, жевательной резинки, вездесущего «Марса», еще не знаю чего; бумага — нежнее шелка и в количестве, достаточном, чтобы обернуть по экватору Землю; несколько видов «пузырькового» жидкого мыла для рук, автоматические воздушные сушки; яркость света — как при киносъемке. И самое главное и, казалось, невозможное: ни одного посетителя, кроме вас! Ни одного!

В финале ознакомления с... апартаментами — другое определение этому месту трудно подобрать! — меня добил один из унитазов. Он стоял, как Людовик XIV, посреди комнаты-опочивальни, без единой ручки, рычажка и уж тем более — шнурка или веревочки. Хитрых кнопок также не наблюдалось. Умный унитаз срабатывал по мере надобности...

Стоит ли напоминать про подобные заведения в наших того времени аэро- и особенно «жэдэ» вокзалах с их невыносимой извечной вонью, с выцарапанными на стенах надписями из лексикона доблестных воинов Чингисхана и с не менее похабной настенной живописью.

В зале ожидания засветился, заставил очнуться от размышлений, даже немного испугал включившийся ни с того ни с сего встроенный в стену телевизор. Появилось изображение ведущего новостей с заставкой «CNN» в правом нижнем углу. Выстреливая словами со скоростью пулемета, диктор рассказывал и показывал,

кто, как и где в мире готовится к рождеству. Добрался даже до папуасов, которые, как из песни известно, съели Кука (оказывается и не пробовали). Но не долго аборигены одного из островов Новой Гвинеи высовывали длинные языки, стращали редкими зубами-клыками и демонстрировали бесплатный стриптиз. Подошел в зеленой спецовке, но при белой рубашке и салатовом галстуке рыжий-рыжий-конопатый и телик вырубил.

— The ladies and gentlemen, beg your pardon for troubling you. Is connected the new system. Is connected the new system of television — satellite. Soon meeting long for in expectation of does not come[2].

«Вот гад! А я губу раскатал. И опять же — на понятном языке объяснил, — откинулся назад на спинку стула. — Не иначе, английский для шведов — как родной».

Посмотрел на часы: полшестого. По такому случаю припомнился известный анекдот, но настроение от этого не поднялось. Впереди — пятнадцать часов отдыха-пытки на проклятом капиталистическом стуле, а сил уже нет!

Однако пришедшая мысль обрадовала, давала надежду: треть срока — позади. Причем живздоров и вещи на месте. Большего желать — Богу грешить и испытывать судьбу за спасибо. От добра лишь особо рискованные и неуемные ищут еще большего добра.

---

[2] Дамы и господа, прошу прощения за беспокойство. Подключается новая система телевидения — спутниковая. Вскоре встречающим скучать в ожидании не придется (*англ.*).

В размышлениях о добре и зле (в принципе, это одно и то же — разница лишь в том, с какой стороны посмотреть) протянул до темноты.

Около восьми тридцати (двенадцать тридцать до начала регистрации) во вкусно пахнувшем кафе напротив (все это время оно слюневызывающими запахами садистски туманило мне голову) сменились бармен с официантом. Беспощадная капиталистическая система эксплуатации трудового народа явно предусматривала и его отдых. Но это предусматривала их система и для их народа. Правильно Остап говорил: «Мы гости на этом празднике жизни».

Когда с последним глотком еще гостиничного лимонада я грустно зафиксировал на циферблате лишь девять часов вечера, активно начали прибывать транзитники. В считанные минуты они заполонили все, что можно заполонить, и в конце концов зал-холл стал напоминать фойе советских кинотеатров во времена шествия по Союзу разбушевавшегося «Фантомаса». Службы аэропорта столь бурного наплыва гостей не выдержали и захлебнулись. Возникли возмущенные очереди у регистрационных стоек, а некоторые рейсы даже пришлось переносить, что для изнеженных совсем нам не товарищей-капиталистов — чрезвычайная ситуация.

Короче, скандинавы не подготовились к предрождественскому туристскому ажиотажу.

Подготовленными к нему оказались американцы. Удивительный, скажу вам, народ! Большевики платили своим рабам — рабочим да инженерам — в 100 — сто! — раз меньше, чем янки своим тоже якобы беспощадно эксплуатируе-

мым трудящимся. И в такой сверхнеравной внеконкурентной борьбе капиталисты победили: все у них лучше, качественнее, да еще и в те же 100, если не в 1000 раз всего этого качественного больше. Сплошные загадки, неразгаданные тайны...

Когда мы будем делить наши деньги, господа-большевики, те триллионы, что вы украли у наших дедов, отцов и у нас?

Снова задаю вопрос без ответа, отклоняюсь...

Так вот, именно в шведском аэропорту я узнал, какие нестандартные гомосапиенсы (может, оттого ребята и вырвались вперед планеты всей?) живут за океаном. Тогда американцы еще не развалили своего достойного спарринг-партнера, не позволявшего им расслабиться. Это чуть позже оторвавшихся от цивилизации янки исподтишка начнут кусать вылезшие из песков приблудные псы...

Невдалеке от моего стула пыток заокеанские туристы провели короткое, но активное собрание, на котором выбрали старших. Нацепили им на рукава повязки из ярких шарфов (тогда только входивших в моду) и выстроили из своих же пассажиров дополнительный таможенно-пограничный коридор. Шведы поначалу вяло посопротивлялись весьма оригинальной самодеятельности, но под напором свободолюбивых и настойчивых американцев вскоре сдались.

Признаюсь честно: это было мое второе знакомство с посланцами далекой, почти сказочной для меня страны, а вернее — другой планеты, пришельцами из будущего. Первый раз с неунывающими молодцами я столкнулся в

олимпийском 1980-м, когда они появились у нас в институте. (Кстати, который там часок? Десять двадцать пять? Полсуток пробежало? Уже веселее! Гляди, как в воспоминаниях-то время летит!)

Так вот, по взаимообмену к нам в институт прибыла группа из восьми американских студентов — пятеро ребят и три девушки. Все, как на подбор, гулливеры — иначе про них и не скажешь: каждый выше советского брата-студента на голову.

Столь юную делегацию наши усилили бы, конечно, парой старших товарищей без погон, но со званиями. А безжалостные янки отправили своих детей куда Макар телят не гонял одних.

И этой вечно неунывающей восьмерке (тогда мы не знали, что улыбка у американцев сидит в генах так же крепко, как у пьяного русского — махание кулаками) наши шутники во главе с артистом-ректором (без привычки столкнувшись с этим типом, запросто можно было заикой стать: вылитый Мюллер-Броневой) и не по весу — полтора центнера! — шустрым заведующим кафедрой физвоспитания по кличке Жопатинский (студенты по-своему перекрутили фамилию известного чемпиона-штангиста, не имевшего, впрочем, с главным физруком, кроме солидного веса, ничего общего) предложили сыграть в любимый американским народом баскетбол.

— А вот как раз и новички-первокурсники толкутся у кольца! — подсуетились Мюллер и

Жопатинский дуэтом. — Захват мяча под щитом отрабатывают.

Случайно толкущимися у кольца новичками была сборная института по баскетболу, недавно ставшая чемпионом столицы. Перед приездом гостей ее на всякий случай усилили еще и парой-тройкой лучших игроков из других клубов. Две последние недели ребята день и ночь упорно тренировались, для чего их освободили от учебных занятий, плюс усиленно вскармливали в одном из интуристовских ресторанов.

Зря вскармливали! Пролетели и ректор, и завкафедрой! Оказалось, пошутили-то они над собой!

Неугомонные — улыбаются да улыбаются! — американцы начали игру осторожно: девчонки сели на скамейку запасных, а пятерка ребят вышла в основном составе.

А что произошло дальше? Это надо было видеть!

Американцы показали не игру, нет, — цирковое представление! В одиночку они обводили троих, четверых (при этом мяч временами исчезал из поля зрения, словно заколдованный) вовсе не «случайно толкущихся у кольца новичков», потом возвращались на свою половину поля и, повторив проход, то бросали, то... просто клали мяч в корзину. «Бродячие» циркачи-жонглеры забивали сборной-чемпиону и с центра площадки, и из-под ног, и стоя спиной к щиту, и боком, и по-волейбольному — когда неуловимым касанием менялось направление полета мяча, и с отскоком от пола, и головой (шутили-улыбались), и еще Бог знает как и чем.

Казалось, глаза у зрителей вот-вот повыскакивают из орбит, а во рты залетят все мухи мира. Когда на финише первого тайма спешно установленное под американцев электронное табло высветило «46:8», гости выпустили на замену трех девчонок с косичками «а-ля рашен». (Вот у кого капиталисты моды-то воруют!) Выход длинноногих акселераток не принес чемпионам города облегчения. Отрыв хотя и медленнее, но неумолимо рос.

Все, конечно, были ошеломлены и подавлены. Заранее спланированная и, казалось, безупречно подготовленная акция-представление под кодовым названием «Советский спорт — самый лучший спорт в мире!» проваливалась. Ректор уже не сомневался, что слетит со своего теплого кресла: игра (понимай — борьба) с проклятыми буржуями была вчистую проиграна. Хуже того, борьбы, как таковой, со стороны нашей команды вообще не получилось. Не попадал, считай, в руки сборников мяч. А ведь до седьмого пота тренировались-кормились! До какого же пота набивали руку эти загадочные американцы?

После финального свистка заокеанские гости вручили хозяевам по каттоновой майке с голубем мира, по журналу с рифмованным названием «USA TODAY», напечатанному на бумаге, отражающей солнечные зайчики, и по значку с двумя флажками — своим и советским, чем немного успокоили наглотавшихся валидола институтских руководителей: теперь игру там, наверху, можно было представить как дру-

жескую студенческую встречу, результат которой не так уж и важен.

А что же там наши нынешние, шведские американцы?

Последними, закрыв за собой временно организованный погранично-таможенный коридор, скрылись их старшие с повязками.

Для себя отметил: полночь — пройдена. Осталось всего-то каких десять часов. Но с чего это на душе кошки скребут?

Не зря скребут!

Два рейнджера ухватили под ручки сидевшего через пяток стульев от меня неоднократно предупреждавшегося ими еще днем турка и поволокли в направлении койко-комнаты. Минимум на пару сот крон парниша влетал, а хотел же, умник, сэкономить. Правда, в Швеции — капитализм, почти полная, как отмечалась, свобода и всегда присутствуют варианты. Если клиент, допустим, категорически упрется и не пожелает рассчитаться за предоставленные довольно шикарные и соответствующие по цене услуги, маршрут его передвижения изменится и закончится, возможно, тоже койкой, только уже без анатомического матраса, белехонькой с запахом жасмина простыни, горячего *Gold Nescafe* с пирожным *Fresh strawberries*[3] и других атрибутов все никак не умирающей буржуйской цивилизации. Короче, попадет парень усатый в каталажку, а оттуда и до родины станет рукой подать.

Одним словом, исчез с горизонта собрат по вынужденному бодрствованию, и охота покема-

---

[3] Свежая клубника (*англ.*).

рить на какое-то время меня покинула. Вспомнилось давненько забытое, утешительное: слаб ты, турок недобитый, далеко тебе до нашего, пытаемого большевиками в третьем поколении, северного брата!

Два десять. Оказывается, ноги отнимаются не только от нескончаемого бега по бескрайним степям Алтая. (И тянет не обязательно ко сну, но и на воспоминания!) Надо бы встать, пройтись, может, отойдут, бедолаги. Боже, когда же все кончится! Опять полицаи! И с чего это они к середине ночи расходились? Сон, что ли, себе, а заодно и другим перебивают? С пробежкой-потупыванием придется повременить. Отчего-то опять американская восьмерка вспомнилась. И такой вот вопрос вдруг в связи с этим прорезался: те американские студенты засыльными казачками были или у капиталистов по каждой подворотне ассы баскетбольные шатаются?

03.33. Тридцать три богатыря... Пушкин написал не зря! Слышал от кого или рифма сама в голову полезла? Не иначе, первый признак тихой шизофрении. Голова, понятно, уже не варит. Поспать бы хоть часок. Но — не будем отвлекаться на всякие вредные мысли: счет пошел на минуты...

«А что это слева в стене из толстого стекла знакомое мелькнуло?» — поймал на фоне непроглядной тьмы отражение человечка, сжавшегося в комок в центре свинченных в ряд дюжины стульев. Присмотрелся: да это же я! Боже правый, святой, крепкий, я не сто́ю сухой щепки! До свободы — шесть часов двадцать семь минут, а меня уже вон как скрутило! Проклятые

шведы довели! (С родным антидемократическим государством связал такое далекое от него понятие, как свобода.)

С неимоверным трудом дотянул до четырех сорока пяти. Полицейских не видать. Чуток вздремну. Сколько можно над организмом издеваться?! Если рейнджеры разбудят — получу лишь первое предупреждение. Первое — не последнее...

Я засыпал, но, видно, Бог не забыл страдальца, и в подсознании что-то сработало.

«А багаж, Ваня? А? Кто будет вещи сторожить?! Проснись! Ты ведь сюда не отдыхать приехал! Дома на диванчике отлежишься. Или соскучился по заводской столовой и пахнущему половой тряпкой компоту за семь копеек?! Подъем, лентяй, встать!»

Пробовал столковаться со своим бдительным двойником: «Тихо, тихо! Не ругайся! Не сплю я, не сплю».

Полная шизофрения!

Ровно в шесть, как по команде (ночью самолеты капиталистов, как правило, не взлетают: берегут ребята свое драгоценное здоровье), аэропорт потихоньку зашевелился.

Господи, неужели пытки кончаются? — ожил и я. Время снова пошло веселее. Попить бы малость да перекусить чуток! Мечтать не вредно. «Даў бы хто паперку — згарнуў бы цыгарэтку, ды табачку няма»[4]. Нет, про хлеб-соль и табак лучше не вспоминать. А вот спину застывшую размять не помешало бы.

---

[4] Дал бы кто бумажку — свернул бы папироску, да табачка нету (*бел.*).

Спохватился вовремя! Опять полицаи кого-то повели. За что арестовали несчастного? И с чего это бармен так возмущается? И... по-английски? А-а, вот оно что, бомж-автостопник заныкал в кафе булочку... И гость — издалека, на шведском ни гу-гу. Как же этот отчаянный планировал на самолетах автостопить? Ты смотри, парню руки заломали... Но красавец-то каков: в коричневой кожаной куртке, нестарых джинсах «Wrangler», чистеньких — не то что у синеволосого мутанта — кроссовках «Adidas»! Бомж называется! Оторвались буржуи от мира земного, оторвались...

Без пяти семь. До начала регистрации часа полтора. Сжал зубы. Сижу истуканом. Скоро сутки длится пытка неподвижностью, самая для меня страшная. Все, хватит, господа! Встаю: пора продышаться, прочистить легкие, как-то мало-помалу оживать. Хорошо, что рядом — никого. Подумали б — свихнулся юноша: вскочил ни с того ни с сего и давай хухукать, как паровоз. Не понять вам, мистеры, что такое без малого двадцать часов к одному месту быть прикованным.

Из кафе вышла красивая молодая блондинка, игривыми глазками сверкнула в мою сторону.

Я приостановил занятия «йогой»: с чего бы это она?

— Аппаратуру тащишь? — ошарашила чистым русским. — Не слабо загрузился.

— Как сказать... — не знал от неожиданности, что ответить. Впору было опешить: та самая голодная до секса — просто ненасытная — хохлушка и то поначалу шведкой прикидывалась.

— Так и говори: под завязку отоварился и теперь сижу и пыхчу без копейки!

— Каждому свое, — насторожился.

Насчет «без копейки» это она, согласись, правильно угадала. Но что-то больно смекалистая. Может, не случайно подошла? Может, ее какая сволочь подослала, чтобы парня, загрузившегося на полную катушку, прощупать и обуть?

— Не дрейфь. Мне от тебя ничего не надо! — словно прочитала мои мысли блондинка. — Хочешь, колой или настоящим кофе-экспрессо угощу? Не люблю в одиночку время коротать. Отец за два часа до посадки меня в эти джунгли закинул. Позже не получалось — работа. А видики свои оставь где лежат — никто их не тронет. Это тебе не Россия. Засек, как за булочку парню руки чуть не оторвали? Они тут охотников до чужого добра мигом отлавливают. И твое барахло сто лет никому не сдалось! Не веришь? Это с непривычки. Пройдет. Ладно, Фома («Хорошо хоть не Ваня!» — улыбнулся и я), давай помогу поднести к столику твои бесценные сокровища. Тебя, как вижу, без них танком с места не сдвинешь. Телевизор-то хотя бы с «ямахами» оставь: их уж точно не сопрут.

Насколько оживляет фирменный горячий кофе! Полжизни за чашечку! (Особенно когда даже о заводском компоте уже не мечтал.) Теперь я продержусь! Будьте уверены! И встречаются же такие люди — ничего им от вас не надо. Ничего! Сиди и слушай, как минувшим сентябрем их компания на картошке по ночам у костра всякие смелые песни распевала, а днем на поле отоспаться пыталась. И везет же некоторым: отец в капстране работает...

Похвастался и я (тем, что, думается, не случайно пришло тут в голову), как однажды, годков уже не помню сколько назад, сватала меня в Москве тетка за дочку шведского посла. Мог бы и я нынче более спокойным делом заниматься. Пожалел:

— Тогда б да теперешние мозги!

— И что бы изменилось? — прищурила глаза с хитрецой незнакомка.

— Грел бы косточки в одном из безразмерных кресел здешнего советского посольства, а не отсиживал бы одно место на пластмассовой табуретке *Made in Sweden*. И уж, само собой, не таскал бы ящики через пол-Европы. Да и спал бы в сутки, как все нормальные люди, часов по восемь, не меньше!

— А ты хочешь быть как все? — озадачила блондинка. Достала сигарету.

— Во всяком случае, не хуже! — дал ей прикурить.

— Не хуже — мало! — сделала она легкую затяжку. — Надо стремиться к лучшему! Ты, вижу, стараешься, усердствуешь, но избранный тобою путь — долог. Есть другие, покороче. И один из них ты когда-то, как я поняла, не использовал. Теперь жалеешь... Впрочем, ты меня особо не слушай. Борись, рискуй, коль не нашел другого пути к благополучию. Кстати, как тебе новая знакомая? Кто? Да я, глупый! Ничего, говоришь, девчонка? Симпатичная? А хочешь поцеловать симпатичную? Не умеешь целоваться? Ну даешь! Интересный ты парень, интересный. Однако буду закругляться: на мой рейс посадку объявили. А ты, заметила, английский знаешь... в пре-

делах школьной программы, — укусила напоследок, как когда-то и сватья-тетка.

Блондинка подозвала официанта, рассчиталась. Посмотрела в зеркальце-пудреницу, освежила румяна и встала.

— Пожалуй, все. Се ля ви. — Направилась к выходу. У двери оглянулась: — Чуть не забыла. Заказала тебе мой любимый малиновый *Lipton* и крекер, так что принесут — не отказывайся, оплачено. Что-то еще не так? Ах, да! Ты ведь представился, а я — нет! Исправляю ошибку. *My name is* Вика. С этого года — студентка МГУ. По совместительству — дочь посла СССР в королевстве Швеция. Наша семья здесь недавно. Весной из... из одной латиноамериканской страны приехали. И последнее: советую научиться целоваться. Вдруг Бог снизошлет тебе третью попытку.

Проводил дочь посла взглядом: вот тебе и первокурсница! Гремучая смесь наивной советской девчонки с прошитой капиталистической тигрицей. Ответил ей про себя: «Третья попытка выбиться в люди у меня, голубушка, состоялась значительно раньше — когда на утроенной по расстоянию в честь дня Октября армейской пробежке в нормальных для алтайской зимы минус сорок чуть концы не отдал. Организм тогда выдюжил, и я даже прибежал первым, за что и должен был назначенный в связи с великим праздником неординарный приз получить — десятидневный отпуск домой. И хотя прибежал первым, с бесценной наградой все же пролетел: не пустил пьяница-ротный солдата на побывку. Впрочем, это дело прошлое. Теперь вот тоже

дал маху: такую девчонку упустил! Да что тут говорить. Знал бы, где споткнешься, коврик подстелил бы. Видно, мне судьбой начертано до скончания века ящики таскать. Дочь посла поставила правильную точку — се ля ви. Горбатого могила исправит. Ничего тут не поделаешь. Ничего...»

А что у горбатого со временем? О-о! Так это же и на мой рейс посадку объявили! Разиня и растяпа одновременно! Мы ведь одним самолетом летим! Он ведь один всего и есть. Не зря же сутки здесь парюсь! Вперед! Еще не все в этой жизни потеряно! Ошибку с поцелуем можно и на борту лайнера исправить.

Оставив бармену последние две кроны на чай, устремился к стойке регистрации. Я был последний, кто ее еще не прошел.

Просыпался на ходу: товарчик-то пылится без присмотра, надо бы подобрать вещички. Схватил кем-то брошенную тележку для подвоза багажа (хоть здесь подфартило) и погнал ее к кафе.

Бой про две мои кроны не забыл и помог загрузиться. На радостях вручил ему и нетронутый крекер.

Сдав ненавистные коробки в багаж, я наконец-то освободился от груза, сковывавшего меня по рукам и ногам двадцать три часа.

Правда, случился небольшой казус. Стандартный для моих путешествий перегруз в сорок «кэгэ» я оплатил заранее, но чуть-чуть не рассчитал: лишнего веса оказалось на три килограмма больше. Однако пронесло: явно спешившая куда-то шведка правильно поняла мое пожима-

ние плечами: кончилась капусточка, кончилась... — и махнула:

— Pass[5].

Направился в свой первый класс. Да, именно так, не оговорился: в первый! Здесь вам не Швеция! Здесь — другая планета! Здесь и я другой! Здесь у меня уже есть свое «я».

Кто не понял, объясняю популярно. Билеты покупал за рубли, а разница в них между классами *first* (первый) и *business* (и даже народными — *tourist* или *econom*), если ее, разумеется, через видеокассеты пересчитать, не сильно бьет по карману. Если же измерять дельту чисто в рублях, то дело обстоит совсем иначе. Пожелавшему нелишних удобств придется на месячную зарплату (а то и на две!) дополнительно раскошелиться. Для него *first class* встанет дорогим удовольствием. Пахать надо, ребятки, действовать, рисковать, а не ждать милости (зарплаты) от природы (государства). Пришло время и спасительнице предложить кофе: наши, деревянные, у меня всегда в запасе имеются.

Но — где же дочь посла? Почему не звучит колкое: «Решил не упускать второй попытки?»

— Дамы и господа, пожалуйста, пристегнитесь. Взлетаем.

Не утерпел, спросил шепотком у стюардессы:

— Извините, вы случайно не видели молодую красивую блондинку в черно-синем кожаном плаще?

— Случайно видела... в турист-классе. А ремешок все же накиньте.

---

[5] Проходите (*англ.*).

«Ну и дела! — проводил бортпроводницу очумелым взглядом. — Вот тебе и дочка посла! В турист-классе».

Нет, пожалуй, не брошу я пока леты-перелеты, помотаюсь еще малость по белу свету. Бывают и на нашей улице праздники! Хоть и ночуем частенько в аэропортах, зато — как потом летим!

— Шампанское, коньяк, виски, джин, мартини. Для пассажиров первого класса — бесплатно.

«Бесплатно мы уже проходили. Бесплатно только сыр в мышеловке, все остальное приходится отпахивать», — приподнял я прозрачную пластиковую кружечку и повернулся к стюардессе:

— Армянского, пожалуйста.

ТРЕТЬЕ КУПЕ

Первым проник в купе собранный в гармошку сапог, придавил неосмотрительно оставленные мною на ночь у входа новенькие лаковые туфли-остроносики. Они жалобно скрипнули. Следом хлынул отравляющий запах перегара. И, наконец, на пороге встал тот, от кого он исходил, — инспектор совковой таможенной службы образца 199... года. Налитый кровью квадратный фейс, испещренный крупными оспинами, уходящими в единую для всех граждан моно-государства стрижку под странным названием полубокс, который у него был рыжий.

— Чего зенки выкатила?! — не иначе как на свой манер поздоровался он с нашей соседкой — бабулей божий одуванчик, впервые выехавшей за околицу родного села.

Старушка онемела. Она была — сама доброта. Первое время ужасно волновалась, безостановочно крестилась и шептала: «Боже, спаси и сохрани, убереги рабу свою беззащитную». Пообвыкнув более-менее в непривычной для нее обстановке, принялась угощать нас домашней вкуснятиной: пальцем пиханной колбасой, крутыми яйцами с ярко-оранжевым желтками, самодельным — буквально таявшим во рту — сыром. Мы — я и молодая супружеская чета — за несколько часов езды до границы, уминая его,

чуть языки не проглотили. А бабуля все приговаривала: «Кушайте, детки, кушайте!» — и щедро отрезала от белого толстого круга, завернутого в марлю, новые и новые сегменты.

Сейчас бабуля испуганно смотрела на обладателя собранного в гармошку сапога.

— Молчишь?! — показался и второй сапог. — А ну-ка, встань!

У бабули затряслись руки и подбородок. Ее грузное тело едва втиснулось между столиком и купейной перегородкой. Ей не просто было пошевелиться, не то что встать! Но она попыталась. Задребезжали стаканы с чаем, приправленным вместо сахара ее вкусным, пальчики оближешь, малиновым вареньем.

— Я, я... — заикаясь начала она, но не в силах была выговорить и полслова.

— Вылазь, старая контрабандистка! — свирепел довольный, что нагнал на бабулю и на всех нас страху, Прапорщик. (Так я окрестил его за продольно расположенные на погонах звездочки, хоть и знал, что у таможенников они обозначают несколько другое.) Беспомощность растерявшейся женщины его развеселила. — А вы чего рты пораззявили?! — не забыл он и про молодоженов.

Те дружно вскочили.

— Нам выйти? — робко спросила курносая сероглазая девчоночка, нервно теребя свисающую на грудь поверх светло-зеленой в белую полоску кофточки аккуратно заплетенную косу цвета спелого каштана. Юный муж мягко взял ее руку, как бы поддержал: «Не бойся, я — рядом!»

— Дошло наконец-то! — переминался на моих, уже отнюдь — увы! — не новых туфлях рыжий Прапорщик. В правой туфле не выдержал, разошелся по шву задник. Моднейшие остроносики — мечту поэта! — можно было выбрасывать. Можно, да нельзя: в каблуке левого я запрятал неоприходованную валюту.

В те далекие времена, когда происходили описываемые события, класс «новых русских» лишь нарождался и людей, пересекающих границу с чемоданами денег, на каждом шагу не встречалось. (Теперь они снова исчезли.) Обязательные нынче таможенные декларации обычно не раздавались и, соответственно, не заполнялись. Но неучтенную валюту за здорово живешь вывозить из страны не разрешали и тогда. Вот и прятали по сусекам, в бельишко, в другие потаенные места незадекларированную денежку желающие приобрести не только двухкассетный «Панасоник» и пару убойных джинсов «Montana», а и такой-сякой не вконец добитый «Мерседесик».

Не знаю, что во мне сработало в тот судьбоносный момент — чувство самосохранения или интуиция, сам не ожидал, что способен на такое, но меня понесло.

— Товарищ старший лейтенант! — начал с комплимента, повысив рыжего в звании. Ни один рыжий на моей памяти ни разу не остался безразличным до теплых слов в свой адрес. — Я, конечно, извиняюсь, но вы стоите на моей обуви, вернее, на том, что от нее осталось. А выходить в носках в коридор, сами понимаете...

Рыжий лениво посмотрел себе под ноги, сошел с туфель и... (тут мое сердце, честно признаюсь, пошло было в разгон) отфутболил их сапогом в проход.

«Молодец, дурачок!» — тут же отлегло у меня на душе.

— Выходите! — почему-то официально, на «вы», обратился ко мне таможенник, хоть я был наполовину моложе его. «Что бы это значило?» — заволновался снова, но рыжий не дал опомниться — показал пальцем на дверь: — Там обуетесь! Освободите помещение для проверки!

Пока я помогал бабуле вылезть из-за столика, молодые отошли к тамбуру — подальше от воплей бдительного Прапорщика. Выбрались в конце концов в коридор и мы с бабулей.

«И чего это он взъелся именно на наше, третье купе? Чем оно, несчастное, провинилось? — заваливал я себя вопросами. — Остальные-то никто даже не открывал».

За дверью между тем слышалось натужное сопение: рыжий принялся за шмон. Что-то грохнуло. Не иначе упало с верхних полок. Но ведь туда только я свои сумки забрасывал!? Да черт с ним! Не страшно! Главное — умник в погонах собственной ногой самую ценную вещь из зоны обыска вывел. Знал бы, чем швыряется, поосторожнее бы с туфлями обошелся. Так что премного благодарны. Как говорят, спасибо и на этом.

А на бабулю, спрашивается, чего ощетинился? Чудная же старушка! Призналась, что в первый раз девятиэтажный дом через окно нашего купе увидела. Накануне переволновалась, всю

ночь глаз не сомкнула и только утром, когда племянник вез ее на станцию, забылась — все сто семьдесят верст проспала на заднем сиденьи.

Валюты вместо разрешенных нескольких сот рублей поменяла всего на шестьдесят пять — больше не накопила.

И вот теперь рыжий хам своими воплями довел бабулю: она тяжело дышала, держалась за сердце. И молодую пару донельзя запугал — они словно прилипли к тамбуру.

Опять что-то в купе загрохотало. И что он там выискивает? Может, ночью наркотики привиделись и теперь пытается их найти, считая сон вещим?

Неожиданно рыжий открыл дверь. Сплюнул на коврик в проходе, снова дохнул перегаром:

— Посторонись!

Оттеснил меня к окну и шагнул к следующему купе. Не оглядываясь, сквозь зубы, куда-то в пол выдавил:

— Интеллигенция драная! Даже пойла с собой не взяли! Уроды!

«Вот те на! — не смог я сдержать удивления. — Из-за водки такой гвалт поднял! Дорого же обходится государству твоя жажда опохмелиться! Прозевал незаконный вывоз капусточки! А ведь ее тебе, скромняге, хватило бы надолго! И вагоны вам, рыжим, на растерзание не иначе как по одному на рыло дают. Кто после этого урод?!»

Я пропустил бабулю в купе. Не заставили себя ждать и молодые.

— С чего он так разорался? — ожил наконец безусый муж и снова взял за руку свою сероглазую красавицу.

— Может, человек не с той ноги встал? Бывает такое. Все и покатило не в ту сторону, — заступилась бабуля за таможенника. — Не надо держать на людей зла.

— Зла держать не надо, а учить наглецов вежливости — нужно! — горячился я. — В каком лесу рос? На какой конюшне воспитывали?

Бабуля успокаивала нас: она больше переживала за других, чем за себя.

Потихоньку-помаленьку мы отходили от передряги. Я подал идею проветрить купе. Вскоре посвежело не только в воздухе, но и на душе. Молодая жена нашего попутчика вновь заулыбалась. Снова взялась угощать нас лакомствами бабуля. Спокойнее забилось сердце и у меня.

Так, без новых треволнений, и доехали до Берлина. Рыжий просто выпал из памяти. Утешало, что своего он так и не добился. Те, которые запаслись спиртным, свое кровное отдавать не собирались и не страшились его диких воплей. Другие же, вроде нас... Впрочем, про других чуть позже.

Поезд шел со своей крейсерской скоростью и, успокаивающе постукивая — та-та-та, та-та-та, — уносил нас все дальше на Запад.

Бабуля ехала на родину «Битлз», в Ливерпуль, к родному брату. Не виделась с ним со времен Второй мировой войны. Все вздыхала:

— Узнает ли Петенька меня, старую?

Молодая чета направлялась к друзьям на юг Франции — в теплом море покупаться.

— Приедем — и сразу на пляж, в воду! — строила планы длиннокосая молодица.

— Нет, — возражал ей муж, — сначала от вещей избавимся.

Я ехал к липовой родне в сверхсвободный Амстердам на разведку: говорят, там, на лето глядя, в некоторых шопах аппаратуру за бесценок скидывают.

Лишь при расставании бабуля призналась, что грузности ей прибавлял обернутый вокруг поясницы шарф с зашитыми в нем золотыми червонцами.

Необыкновенной оказалась и коса у молодой скромницы-жены — с ниточками камешков-алмазов. И зря она ее теребила. Попался бы кто посмекалистей красномордого — догадался бы, что пальчиками-то ее нервы водят.

Не удержался, похвастал своим тайником-каблуком и я.

Все дружно рассмеялись...

САМЫЙ НИЖНИЙ ТАГИЛ

I

Есть такой город на Урале, Нижний Тагил называется. Тихий, надо сказать, городок, спокойный. Особенно днем. Но об этом — позже.

Темно-серое с оттенком хаки зимнее небо Нижнего Тагила в полдень обычно подкрашивалось оранжево-голубой ядовитой гарью, выдавливаемой, как из тюбиков, из труб многочисленных заводов. И тогда сей пейзаж напоминал картину, при виде которой возникала безрадостная мысль-догадка: на небе ждет нас не только рай — нашлось там и для ада местечко. Заводы все были непременно нужные стране и, конечно же, строго секретные, такие, к примеру, как танковый. Специализации других не знаю, а врать с порога не хочется.

Как-то в Нижний Тагил заглянули двое искателей приключений, точнее — удачи. Молодые авантюристы из НИИ электроники мечтали не только мир посмотреть, но и себя, молодцов, показать.

Приехали искатели поездом. Скромно так приехали, без шума. Да, честно говоря, шуметь им было и ни к чему: в гостях — не дома, обидят — мамуле не пожалуешься.

И вот эти самые искатели-добытчики вышли на привокзальную площадь. Откуда ни возьмись — такси к ним подкатывает, и водитель, веселый такой, прямо сам Швейк-солдатик бравый, довольный собой и жизнью своей безбедной, улыбается и говорит:

— Садитесь, господа хорошие, командировочные или бизнесмены, даже не знаю, как вашего брата теперь величать. Извольте сделать заказ. У нас тут так устроено: налево пойдешь — в общежитие попадешь, в заводское, это если вы командировочные; направо — в гостиницу средней руки, где селятся челноки; прямо поедем — это уже со мной, в смысле, тогда и я понадоблюсь, — в люкс-отель приедем. Что, господа добрые, выбираем? («Клоун и стихоплет, интересный субъект», — сделал я себе закладочку.)

— Хороший у вас городок, необычный, — оглядываясь по сторонам (и действительно, с чего это таксист из всей гурьбы новоприбывших именно нас выбрал?), сказал загадочно мой друг Женя Бендеров. И, обращаясь ко мне, спросил: — Ну что, старик, не будем экономить на здоровье?

— Не будем, — поддержал я любителя комфорта и повернулся к водителю: — Давай, родимый, показывай свои палаты белокаменные.

Таксист-артист, словно по команде, распахнул набитый золотыми, еще эсэсэсэровскими зубами рот и, засияв, как лампочка Ильича, попрежнему довольный собой, выдохнул:

— Ваня господ коммерсантов в мгновение ока домчит. Все будет как всегда... в смысле о'кей! — быстро добавил он, моргая глазками.

«Интересно, — отметил я про себя. — Лыбится все время, как дурачок, а что за народ — сразу скумекал.

Люкс-отель предстал в облике серого панельного здания с прореженно светящимися между первым и вторым этажами буквами вывески. Когда-то, видимо, на ней можно было прочесть название учреждения, но сейчас отсутствие половины букв делало это невозможным. Зато люкс-номера с двумя студенческими железными койками, пионерской фанерной тумбочкой, холодным душем, радио, но без телефона и телевизора в наличии имелись.

Поселили нас на удивление быстро, по-европейски, как будто ждали давно. Удивило и другое: в лучшем, как уверял нас очередной, уже гостиничный, клоун, люкс-отеле города не наблюдалось других, кроме нас, приезжих. Не было и местных ночного полета бабочек. «Впрочем, еще не время», — пришли мы к заключению, взглянув на висевшие в фойе допотопные (если судить по дизайну циферблата) часы.

Вскоре мы освоились в номере, а еще минут через сорок я кричал на закрывшегося в туалете-душе Женьку:

— Ты там заснул или как? Парню с дороги тоже ополоснуться не помешает, вагонную грязь смыть.

Приняв ледяной душ, мы словно заново родились, и я позволил себе заикнуться насчет девчонок.

— Сначала подкрепимся, — возразил Женька. У него были свои правила на этот счет. — Здоровье прежде всего. Запомни, донжуан: орга-

низму нужны витамины, затем — деньги и только потом — стулья (жизненные удобства, значит) или девчонки — это уже на выбор.

«Тебе, может, и такая очередность сойдет, — не согласился я, — а парню девчонки прежде всего. И вообще, какие витамины без соответствующих капиталов? Да и на жизненные удобства без них не разгонишься».

Женька выложил на стол все припасы, оставшиеся после трехдневного путешествия: банку шпрот (мэйд ин почти за границей, то есть в Прибалтике), две «поплывшие» трюфелины, четвертушку ситного и два меченых пролежнями яблока. Яблочки, замечу, были не простые, а золотые, ибо покупались у поездного спекулянта и распространителя печати — попутно тот еще и бульварными газетками приторговывал. Хотел я сказать пару ласковых крохобору, но друг опередил: «Ты бы лучше не двести процентов накидывал, а, скажем, пятнадцать, — дал Женя бесплатный урок самоучке мелкого бизнеса, — тогда бы и не шатался по вагонам день-деньской с одним ведерком. В институт тебе надо поступать. Там разные умные законы изучают, например, о переходе количества в качество».

Прикинув питательную ценность вышеозначенных продуктов, мы поняли, что до утра на таком мизере не продержимся, и решили навестить местный люкс-ресторан. Там, глядишь, и девчонки — лучше поздно, чем никогда — объявятся.

Ради них мы и надели все лучшее из взятого с собой на «прогулку по Дунаю» (Женькина

придумка). А взяли мы с собой, следуя совету одного местного жителя, выступившего в роли консультанта, многое. И этому многому кое-кто позавидовал бы даже и теперь. Правильнее было бы сказать — особенно теперь.

На Женьке сияли черные кожаные, или, как он с гордостью уточнял, лайковые брюки от «Karden», итальянская байка из темно-вишневого атласа, замшевый серый жакет и испанские туфли цвета детской неожиданности (в тот год очень модного).

Я оделся скромнее: шоколадный костюм английской фирмы «BHS», светлая рубашка в крупную клетку, туфли мало кому известной тогда (во темные были!) «Salamander».

Тандемчик получился неплохой: блондин с брюнетом в одеждах на любой вкус. Скажем так: парни к бою готовы! Но в сознании почему-то крутилась не шибко веселая рифмочка: надели что имели, и все же пролетели. Такой вот стишок прицепился. Думаете, подсказка *сверху*? Увы, ничего мы не знали.

Спустились в ресторан красавцы (вот и не возьму в кавычки!) где-то в половине восьмого, но незанятый столик был только один, да и тот в углу («Отсюда затруднительно будет девчонок ловить», — отметил я сразу) и с табличкой «заказан». Остановившись в центре зала, мы еще раз осмотрелись, крутнули головами: ни одного просвета. На нет и суда нет, и Женя предложил:

— Ладно, отоваримся на кухне и — в номер. Перекусим — и баиньки. Ляжем пораньше. Ут-

ром ни свет ни заря вставать: разведка боем. Магазинов тут, сдается, немного, но товарчик, думаю, будет в тему, так сказать. Сам знаешь, как оно водится: того, что у них на складах гниет, у нас днем с огнем не сыщешь. А местных «бабочек» еще успеешь шампанским попоить. Да и пьют ли местные «Абрау-дюрсо»? Твои панские замашки здесь, как мне кажется, желательно забыть. Обстановка в этом Китае какая-то... Не знаю даже, как объяснить... нервная, что ли. Чует мое сердце, что еще не вечер.

И точно, по пути на кухню нас остановил какой-то бойкий малый и, улыбаясь (прямо не Нижний Тагил, а — ура стоматологам! — Голливуд), спросил:

— Господа, а что ж вы за свой столик не садитесь?

— За свой столик? — одновременно вырвалось у нас обоих.

— А-а, да-да, — продолжил уже один Женя. — Дежурная по этажу вам, что ли, позвонила?

— Конечно, Ольга Васильевна нам все передала. Так и сказала: «Новеньким ребятам забронируйте столик и, чтобы никто не мешал, где-нибудь в уголке». («Выходи на новенького», — пронеслось у меня в голове — не зря, наверное.)

— Интересная инициатива со стороны дежурной по этажу, опытная, однако, дежурная, — шепнул Женька мне в ухо, — предусмотрительная.

Бойкий малый принял со столика табличку, и мы сели на забронированные места.

Официантке нас поручили молодой, симпатичной, и Женька, увидев ее, отреагировал сразу:

— Как запасной вариант — ничего, сойдет.

«Запасной вариант» оказался девчонкой шустрой и сообразительной — она явно претендовала на то, чтобы перейти в основной. Подав очередное блюдо, Люда-Людочка задерживалась у нашего столика, выслушивала Женькины остроты насчет местных шутников-таксистов («Те еще орлики», — соглашалась она), обшарпанных люкс-номеров («Да, не Париж», — вздыхала) и других местных достопримечательностей. Вскоре Женька с «самой красивой на Урале» (во, пошел комплименты кидать, а говорил — главное витамины) был уже на «ты» и, как потом оказалось, подсуетился не зря.

За час мы расправились со «столичным» салатом естественного в таком заведении качества, с похожим на холодец из ног престарелой свиньи (в детстве я как-то таким объелся) куриным заливным и разбавили все это «Белым аистом», который, на удивление, принесли запечатанным.

Вскоре посетители (и мы, увы, с ними) начали пьянеть, но, кроме все чаще раздававшегося мата, особо нас ничто не беспокоило. И зря.

«Аист» затуманил глаза, и мы забыли «пробить» публику. А между тем приближался момент, который я не забуду никогда, хотя бы потому, что он сразу поставил под сомнение эпитет «тихий» применительно к месту нашего пребывания.

Группа музыкантов (тоже эстетов: все «не гони лошадей» да «не гони-и») ушла на пере-

дышку, и почти тотчас же среди наступившей тишины раздался дикий вопль:

— Сегодня я вам устрою, бляди, вечер! Сегодня вы у меня покувыркаетесь! Я — Мина-ай! Забыли? Встать, суки!

Женька подавился фрагментом того, что в меню значилось как гуляш, и, кхыкая, схватил стакан с лимонадом — запить.

Крик взвился у меня за спиной и напомнил, что позади находится сцена: возможно, начался какой-нибудь авангардистский спектакль. Но интуиция подсказала: нет, дружок, это не спектакль, это — жизнь. Жизнь, которая наступает в «тихом» нижнем городе вместе с приходом темноты. Темная такая жизнь, мрачная. Тайга, одним словом.

— Ай-я-яй! Охренел народ! Миная забыли?! А Минай сегодня резать будет охреневших! Ох, будет! — и маленький, плотно сбитый неандерталец лет тридцати, с многократно порезанным лицом, объединившим ленинский лоб и монгольские глазки («Явно шизофреник, — пронеслось у меня в голове, — причем конченный»), резко сорвался со стула и запрыгнул на стол. Прищурил и без того почти невидимые глазки, и они словно исчезли. Собачья морда превратилась в крысиную и, не раскрыв, а скривив рот, отработанным фальцетом завизжала:

— Сука буду — не забуду!

Схватив бутылку шампанского, недорезанный с размаху огрел соседа по голове.

— Я — Минай! — неслось вслед падающему со стула стриженному «под ноль» парню. — Ты понял, ублюдок, на кого пыцы пялил? Всех

порешу! — не мог никак успокоиться недорезанный, накручивая себя все сильнее и сильнее. Пружинистый, надо сказать, был малый, резвый.

По щеке слетевшего со стула парня лилась кровь, и, постонав немного на полу, он затих. «Потерял сознание, — отметил я. — Если сейчас же не оказать помощь, может и загнуться».

Однако вид крови только взбодрил Миная.

— А ты, падла, чего вылупился? — заревел он на сидевшего за соседним столиком мужчинубугая. — Съешь и ты, ублюдок! — и всадил тому в грудь невесть откуда взявшийся нож. — На! Получи! Получи! — визжал Минай, выдернув нож и продолжая наносить удары. — Кто еще пера захотел? — обернулся к залу.

Сейчас, вспоминая тот момент, понимаю, что Минай был настоящим бандитом, доперестроечным, не чета нынешним: просто за так мог зарезать.

Кровь с ножа брызнула на девчонок за соседним столиком, и, преодолев гипноз, те наконец-то закричали (правда, как нам показалось, не в полную силу).

Минай был парень ловкий, но уклониться от летевшей в него сзади бутылки не смог: он ее не видел. Бутылка была запущена кем-то знающим толк в метании. Попала точно в затылок и не как-нибудь по касательной, а самым донышком. Минай рухнул на соседний, слева от нашего, стол, за которым визжали девчонки, и, перекатившись, распластался у наших ног.

«Издержки производства», — подытожил я про себя.

Но Минай не был бы Минаем, если бы вот так просто взял и скончался. Оставшийся у него в руке нож пришел в движение, и, очухавшись, неандерталец вскочил и бросился мимо нас в ту часть ресторана, откуда прилетела бутылка. Видимо, знал, кто мог на это решиться. И правда, кто?

Засуетилась-забегала и остальная высокая публика. Вслед за Минаем устремились два-три его сподвижника, такие же монголовидные головастики (не столь уж редкий гибрид, оказывается). Из другого конца зала за ними спешили человек пять лиц «кавказской» национальности. В руках у них были цепи.

— Узнаю, узнаю-ю наш ресторанчик, — спокойно выставляла на стол симпатичная Люда заказанную Женей рыбу. — Классное представление увидите. Впрочем, — добавила она, — оно идет здесь каждый день.

Ресторан был большой, а столиков не так и много — места для гладиаторских забав хватало. И вскоре по залу с воплями метались все, кроме нас и сидевших за соседним — справа от нашего — столиком четырех девчонок и стройного парня в «адидасе», под которым у пояса угадывалось нечто более серьезное, чем все эти ножи, цепи да кастеты. Вне побоища оставался только наш островок, и это подсказывало, что лучше не испытывать судьбу, сидеть тихо и не шевелиться. Женя от сюрпризов таких онемел и застыл, словно вождь пролетариата на одной из площадей некогда громадной, а ныне исчезнувшей страны.

— Слушай, мы, видно, в непробиваемом поле сидим? И впрямь забронированные? — очнувшись от наваждения, спросил я товарища. — И что бы все это, как ты думаешь, значило?

Ничего он не думал. Да и можно ли о чемнибудь думать в ситуации, когда стук сердца в голове аукается?

— Вас на десерт оставили, — услышал я позади тихий голос Людочки, и до меня дошло: «Нас берегут, как тех обреченных на заклание баранов, подкармливают...»

«Между собой разбирайтесь, а лохов моих не трогайте», — полагаю, нечто подобное сказал тот, в «адидасе», местным отморозкам. Сдается, и «пушка» здесь была только у него, остальные — шушера, разве что порезать могут. Правда, режут здесь так режут. Кровь фонтаном брызжет! Но субординация, скажу вам, примерная. И это хорошо. Значит, главное — под защитой «адидасника» уйти от парней отвязанных, а потом и от самого защитника, тоже, видимо, любителя и коллекционера разных купюр. «Особенно чужих», — достраивал я цепочку, пробегая глазами по залу.

А на авансцене-арене схватились человек шестьдесят. Девчонки, как по команде, выстроились вдоль стен и окон. Некоторые успели закурить. Шустрые! С десяток гладиаторов уже лежали на полу, когда «адидасник», высунувшись в окно, дал отмашку стоявшим на улице ментам и те, наконец-то, заметили непорядок.

Вбежавшая бригада (десятка три братьевблизнецов) руками, ногами и дубинками почти мгновенно уложила на бетонный пол оставав-

шихся на ногах посетителей. Увидев, как два мента тащат за ноги к выходу уже не подающего признаков жизни Миная, я понял, что скоро в этом зале останутся только почетные гости — то есть мы и команда «адидасника». Нам, может быть, учитывая моральный урон, позволят не рассчитываться за ужин, но заплатить за спасенную жизнь придется. Точнее, отдать все: не тот случай, чтобы копейки считать. Женя, видя, что столы, ножи и люди по залу больше не летают, немного успокоился (сидел-то он к «адидаснику» спиной) и подвинул к себе тарелку с рыбой.

— Фильм ужасов, — сказал не своим голосом. — Карпентер с Хичкоком отдыхают. А-а?

Для меня жизнь была дороже жареного карпа, и, махнув Людочке, я быстренько направился к ней — в сторону кухни. Нужно было что-то предпринимать.

«Адидасник», похоже, заметил мои дерганья, привстал. Но проследив, куда я пошел, вслед не ринулся, снова опустился на стул. Видно, вспомнил, что Женя остался в заложниках. Так я и знал: при ментах светиться, показывать свой интерес к нам парень не станет. К тому же у него были другие заботы. Думаю, фразу «вы общались с убитыми последним», обращенную к себе, он не хотел бы услышать даже от друзей. Посадить не посадят, но заплатить за услуги попросят.

— Людочка, только один вопрос, — стоял я у входа в буфет. — Как нам отсюда выбраться, в смысле живыми уйти?

— Никак, — спокойно ответила Люда (в эту секунду она мне показалась не очень симпатичной и даже не такой уж молодой). — От Зуба

еще никто не уходил. Во всяком случае здесь, в нашем ресторане. К тому же он объявил вас своей собственностью. «Чтобы на новеньких никто зенки не пялил и пасть не разевал», — сказал всем часа два назад. (Ах, вот как оно было!) Поэтому от вас, как от огня, все и шарахаются. Лучше пику получить, чем с Зубом связаться. И я, чего доброго, могу договориться...

Надо было что-то делать. Весь тридцатилетний жизненный опыт подсказывал, что безвыходных ситуаций не бывает. И, уже ничем не рискуя, я предложил, как сказала бы Людочка, на десерт:

— Ты видела когда-нибудь доллары? Много долларов. Допустим, сто?

Хорошие были времена: за сотку откупались!

Слово «доллары», столь же редкое в местном обращении, как и сами обозначаемые им дензнаки, напугало ее, но оно же и перебило страх, придало Люде решимости:

— Уйти можно только через кухню, но там железная дверь и она заперта. Ключ у директора, а его вечером (теперь знаете почему!) никогда не бывает.

— Хорошо, а в кабинете директора дверь бронированная?

— Нет, — ответила Люда, сообразив, что я имею в виду, — дверь как дверь.

— Тогда за дело!

Мой план состоял в том, чтобы проникнуть сперва в кабинет директора, пошарить там насчет «золотого ключика» и уж потом дальше испытывать судьбу.

Первая часть операции прошла как нельзя лучше. Надо сказать, что и в дальнейшем Люда активно держала нашу сторону: осуществляла связь между мной и Женькой, отвлекала Зуба, а под конец заявила, что о себе позаботится сама (и, как позже мы узнали, позаботилась), чем сняла с нас моральные вериги.

Словом, мы обрели свободу.

Вырвавшись на улицу, пронеслись мимо «Дома быта», «Химчистки», магазина «Хлебный» (как я успевал названия читать?). Обогнули стенды, с которых нас приветствовали ударники коммунистического труда, и очутились на пустыре, а точнее — на заложенной с уральским размахом строительной площадке. Ежесекундно рискуя грохнуться в яму или напороться на рожон из ржавой арматуры, мы не прекращали чемпионский забег. И Бог смилостивился над «спортсменами»: дистанцию одолели без особых потерь для здоровья да вдобавок наткнулись на груженный досками «КамАЗ».

Легкие разрывались от давно забытой нагрузки, в глазах проплывали белые шары, и, не сговариваясь, мы остановились. Требовалось перевести дух и заодно прикинуть, как там обстоит дело с погоней и не нас ли дожидается «КамАЗ» с досками, из которых, как известно, гробы сбиваются.

— Хорошо бежали, — пытался шутить Женя, но я только зубами скрипнул: мы могли так же хорошо лежать.

Не теряя времени, подобрал с земли кусок арматуры и, осмелев, заглянул в кабину — никого. Осмотрел с подножки грузовика местные

достопримечательности, прислушался: вроде тихо. И в этот момент состоялось явление Антихриста народу: передо мной возник из темноты не совсем трезвый владелец авто, а по совместительству — расхититель стройматериалов.

— Эй, мужик! — крикнул я работнику в известном смысле интеллектуального труда. — Если мы сейчас поедем и поедем очень быстро, ты получишь вот это, — сунул ему под нос правую руку, один из пальцев которой украшал золотой перстень работы одного маленького еврея, большого любителя длинноногих белокурых «гёрлз» веселого поведения, — и тебе какое-то время не надо будет воровать эти злосчастные дощечки-для-печки.

— А от кого нарезаете? — с неимоверным, прямо-таки наркотическим спокойствием спросил мужичок. Битый оказался малый, не простак, явно с уголовным прошлым.

— Да магазинчик с такими вот побрякушками грохнули.

— А-а, ну тогда святое дело, — вывел бывший гоп-стопник.

Мы ринулись в кабину.

Я в последний раз оглянулся на спасшую нас стройку века и не без тревоги отметил, что ее чертят вдоль и поперек огоньки-фонарики: «Не успокоились пацаны, ищут. И правильно, теперь для рисковых ребят это дело чести. А то, глядишь, одни уйдут — другим захочется. Так и на бобах останешься».

Для нас же расклад был иной: мы получили минут двадцать-тридцать форы. И водила наш

оказался на высоте: «Едем ко мне», — бросил на мой безмолвный вопрос.

«Ищите, ищите», — напутствовал я «фонарики» уже более спокойно, когда «КамАЗ» по-дакарски рванул со старта...

Камазник жил в частном доме на окраине города. Дом, по определению его владельца, был приблатненный — в смысле, с телефоном, и мы не выдержали, позвонили до поры забытому местному компаньону. В принципе, какому там компаньону — просто оказались как-то вместе в располагающем к легкомыслию городе Сочи, где он и понаплел нам о сокровищах, особенно по части мебелишки, которые чуть не даром бери в местных супершопах со свисающими с потолков липкими лентами для истребления мух и другой гадости. Надеялись обойтись без него, но теперь разницу придется делить на троих (халява, увы, не прошла). Впрочем, всех денег не заберешь, а с жизнью, по-сегодняшнему рискуя, расстаться можно в два счета. Вот мы и позвонили.

Заспанный компаньон долго не мог взять в толк, «кому там не спится», но, едва сообразив, что к чему, проснулся мгновенно. («Дисциплинирован и легок на подъем, — подумали мы. — Это хорошо». Правильно, кстати, подумали.)

Продиктовав третьему-не-лишнему адрес гоп-стопника на пенсии и поведав вкратце о наших необыкновенных приключениях, мы услышали обнадеживающее: «Буду минут через тридцать-сорок. На белой “семерке”. Постарайтесь никуда не выходить».

«А компаньон-то в курсе местных обычаев, — ласково прошлись мы по новому товарищу. — И что же он, гад, в Сочах о них скромно промолчал?»

Камазник, услышав подлинную версию нашего побега, кольца не взял («Пусть у меня пока десять пальцев на руках останется»), а лишь попросил на бутылку и выдвинул условие, чтобы ждали мы «своего подельника» на улице, причем на той — ткнул он грязным пальцем в окно, — противоположной от его дома стороне. «Вы сегодня здесь, завтра там, а мне еще пожить хочется. Так что вот вам Бог, а вот порог...»

Мы сочли его доводы убедительными и, к обоюдному удовольствию, распрощались.

Минуты казались часами, но когда их прошло двадцать восемь (по секундам считали), увидели белую «семерку», о которой говорил наш компаньон. Вопрос «садиться — не садиться» в нашей ситуации не возникал, и мы прыгнули в машину.

Ехали напряженно. Женька сидел скособочась, грудь вперед, лицо к заднему стеклу развернуто: то ли погоню отслеживал, то ли маршрут на всякий случай запоминал.

Но волновались мы напрасно.

Квартира нового члена «Клуба охочих и находчивых» была упакована, что называется, под завязку. Нас с Женькой это весьма обрадовало: кто бы там что ни говорил, а чем богаче человек, тем меньше шансов, что он вас ограбит.

Выделив отдельную комнату, нас пригласили (после ванны, понятно) «отужинать чем Бог

послал». «Ты смотри, даже в этом тихом городе Ильфа и Петрова знают», — шепнул мне Женька, когда с урчащими животами (его рыба и моя котлета по-киевски остались Людочке в презент, как, впрочем, и родная соточка) мы шли на кухню.

Рассказанный Николаю (неугомонный Женька чуть позже упростил «царское» имя нью-компаньона до ненашенской коротельки — Ник) уже в полном объеме боевик «Приключения двух скромных челноков в не очень скромном Нижнем Тагиле» у хозяина дома, к нашему возмущенному удивлению, особых чувств и сопереживаний не вызвал. Добросовестно выслушав все ужасы до конца, он лишь сонно спросил:

— И что, совсем-совсем не стреляли? Да-а, стареют пацаны, стареют. Вот в наше время...

Только под утро, сморенные бурными событиями и наполеоновскими планами, мы упали на выделенное хозяином громадное румынское кресло-кровать. Женькин мозг, даже засыпая, пытался анализировать ход и итоги переговоров:

— Профессионал — сам взял в меру, а нас упоил прилично. Интересно, много ли лишнего наговорили? Да, крупно на грудь приняли. Но как не напиться после такого трудового дня? А-а? Заново же, можно сказать, родились.

«И в рубашке, забыл он, что ли», — дополнило мое затуманенное сознание.

— Правду, отец, молвишь, — было последним, что выдавил я из себя, отключаясь.

Проснулись к обеду (если судить по запахам, идущим из кухни), приняли душ, побрились и, почувствовав себя увереннее, двинулись на ласкающие слух звуки скворчащего на сковородке мяса.

— Вы уж простите гостей незваных, что так долго вчера мучили вас разговорами, — взял Женя на себя инициативу в налаживании контакта с женой сотоварища. — Хотя Саша, — валил он все на меня, — любит побалагурить. И поразвлечься. К примеру, недавно в незнакомом городе пошел в ресторан шикарный и даже живой оттуда вернулся. И все бы хорошо, да вот до сих пор не понял, что вернулся-то совершенно случайно... Не слушается старших. А ведь под стол пешком ходил, когда некоторые...

— Да ладно тебе, — оборвал я демагога. — Ты лучше вспомни об умнике с графскими замашками, любителе люкс-гостиниц.

— Все нормально, — подвела результаты разминки хозяйка, — идите есть. Коля скоро подъедет.

И действительно, через десяток-другой минут в квартире раздался звонок, и прямо с порога наш новый компаньон, улыбаясь, выпалил:

— Сегодня ваша очередь наливать! Все намного лучше, чем я предполагал! Ну да ладно, сначала перекусим, — закончил он, раздеваясь.

— Нет, нет, нет! — заволновались мы с Женей, занимая места по одну сторону баррикад. — Нам без информации еда в горло не полезет. Ты уж не пытай, не будь извергом.

— Привереды эти коммерсанты, все им не так. Но тут я согласен, правильно. Сперва —

дело, то бишь стулья или самолеты, а все остальное (шел намек на моих бедных девочек) — потом. Будем считать, убедили. Итак, позвольте огласить весь список. — И Ник начал перечислять: — На каменный карьер — два человека... Не понимают приезжие господа гайдаевских шуток, — посмотрев на нас, констатировал ирод. — Хотя, вы же вчера ГТО на золотой значок сдавали. — Но, уловив строгий взгляд жены (веселенький партнер попался, впрочем, как и все в тихом городе днем), приступил к делу: — Первое — двенадцать стульев из...

— Коля, хватит тебе! Люди за тридевять земель не шутки выслушивать приехали! — прикрикнула жена на садюгу.

— Да я и не шучу. Двенадцать стульев со столовым гарнитуром. Производство — Югославия. Вот уж в самом деле, человеку слова сказать нельзя...

— Так и говори это слово, — снова поддержала нас новая союзница, — а не неси всякую околесицу.

— Да ладно тебе, — пытался Ник отбиться.

— Читай, читай, — хором перешли мы в атаку.

— Второе — двадцать детских комнат. *Made in USA*... Спальни, производство — Румыния...

Список был настолько длинен (имел все же змей право дразнить диких гусей), что, раскрыв рты и слушая очередное «мэйд ин...», мы вскоре перестали считать, за сколько ходок сможем вывезти сокровища Тутанхамона, в смысле — залежалые в местных магазинах дефициты.

— Клондайк, а не Нижний Тагил, — подвел Женя результат оглашения всего списка.

— Далее, — не успокаивался наш новый партнер. — В железнодорожный контейнер («фуру» — забыть: на дорогах облавы из наших пацанов дежурят) вмещается...

Дальнейшее, пообвыкшись с чудесами, мы слушали более спокойно.

В конце концов, после ожесточенного спора между мной и Женей, первую ходку решено было сделать проверочной, по многим позициям сразу не ударять. Взять для начала только «детские», а там видно будет.

— Тогда — за дело, — проявил Ник задатки руководителя, и мы начали собираться в дорогу.

Часа через полтора белая «семерка» подъехала к складу времен Петра Великого. При виде здоровенного облезлого сарая и стоявшего впритык к нему старинного двухэтажного особняка с заколоченными окнами мне сразу же подумалось: «Именно здесь нас и похоронят. Разрежут на кусочки и разбросают по разным уголкам “Вишневого сада” (несмотря на реставрационно-вредительские работы, склад напоминал помещичью усадьбу, конфискованную и приспособленную к интересам трудового народа в грозовые годы).

Но зря так думал. Появилась грудастая завскладша и вместо расчленения предложила нам чай, пряники и другие уральские сладости. Пыталась поднагреть лохов, спекульнуть на них еще и самоцветами. Но прошитый Женька ответил строго: «Сами с усами и знаем прямой выход на камешки» (ох и врал!). Хозяйка на «пролет», к

нашему удивлению и радости, не обиделась и, не теряя времени, приступила к делу:

— Ребята действительно все «детские» заберут? — переспросила с недоверием у Ника. — Да-а, за день двухмесячный план выполню. И куда только можно спихнуть два десятка детских по сумасшедшей цене? Бывают же чокнутые.

«Интересно, — прикинул я, — американские “детские” по... так, сколько это в нормальных деньгах? Ах да, по сто тридцать символических, сказал бы, долларов никому в Нижнем Тагиле не нужны. Спрашивается: и куда бандиты смотрят? Золото под ногами валяется, а они по старой привычке норовят залезть в чужие карманы».

Погрузка заняла довольно много времени: Ник следил, чтобы рабочие носили упаковки осторожно (а значит — медленно) и складывали их ровненько — одна к другой (золото, а не компаньон!). Часа через четыре перетаскивание древесины, как выражались нетерпеливые грузчики, было закончено, и, не дожидаясь конца смены и не обращая внимания на крики толстой завскладши, ребята пошли взять пару-тройку «пузырей». Тут, понятно, Ник был виноват, сунул, подлец, парням четвертной. Те аж протрезвели. «По две белой на рыло?!» — переспрашивали оторопело. «Да, может случиться, что сегодня напрасно старушка ждет сына домой, — глядя на грузчиков, подумал я. — Литр без закуски — это серьезно... Хотя на Урале свои понятия о рекордах».

Но возникли проблемы и у нас.

Когда загрузили «детские», оказалось, что в контейнере осталось свободное место. Прикинув по ситуации, Ник толкнул удивительную для сферы бизнеса речь:

— На те деньги, что мне причитаются, возьмем еще одну дефицитную по всему Союзу позицию — индийские полотенца — и брешь заткнем. Нельзя ящик неполным отправлять. Гарнитурчики туда-сюда поерзают, и к концу путешествия вместо них получим высококачественные дровишки... Насчет денег думаю так: одним заездом вы сыты не будете, приедете опять, тогда и разберемся.

Такое благородство в то веселое время было редкостью (теперь ни о чем подобном вообще говорить не приходится), и отказываться от его предложения было бы неслыханной глупостью.

Оставив Женю охранять товар, мы с Ником прокатились до ближайшего призаводского магазинчика. Войдя через кабинет заведующей прямо на склад, забрали весь имевшийся в наличии банно-прачечный ассортимент и про запас, на всякий пожарный случай, прихватили дюжину китайских подушек.

Вернувшись к главной погрузочной площадке, мы застали Женю в состоянии легкого аффекта. Оказывается, вместо запланированных получаса нас не было все два. Эк, однако, работа время съедает. Бедный Женька чуть не помер от разных плохих мыслей. Да и напарница, кажись, пыталась свой шанс не упустить. Интересно, отбил земляк атаку или все-таки познал усладу мимолетного флирта?

В те далекие времена движущиеся по стране контейнеры не отслеживались бандитами, и до грузовой железнодорожной станции мы доехали без приключений.

Какое-то время было потрачено на оформление разных бумажек и вручение легких взяток представителям низшего бюрократического звена. Вскоре, я бы сказал, наконец-то, мы освободились от груза, висевшего на наших шеях более двенадцати часов.

Руки были развязаны, но почему-то тут же захотелось ощутить их связаными. И я вспомнил о девчонках. На удивление, и рыбак Женька поддержал мою инициативу. Однако беспрецедентное по наглости предложение нового компаньона: «Я знаю один классный ресторанчик...» — нас сразу остудило. Это как раскаленный металл в воду окунуть (о чем, кстати, еще будет).

— Нет-нет, пора домой собираться. Устали кочевать, — почти хором отозвались мы.

«Вот молодец, — подумал я о Нике, — знал, как спасти пацанов от репортажа с петлей на шее».

До отправления рейса «Свердловск — Москва» оставалось пять минут. Женька смотрел в иллюминатор (на правах более пострадавшего — он так считал — это место досталось именно ему) и вальяжно (уже малость расслабился, змей) говорил:

— Интересная все-таки у нас жизнь, Санек. Многие живут себе — хлеб жуют, да и ладно. А мы не просто живем, а радуемся, что живем,

вернее, что живы остались... Э-э, а что это ты притих, словно покойник? — слегка толкнул меня. — Сердцем чую — очередную авантюру затеваешь. Ты, это, кончай жизнью моей единственной распоряжаться. Мыслитель-камикадзе...

Но я думал о другом: «Долетит ли до места назначения наш видавший виды воздушный лайнер? И кстати, кому это пришло в голову давать самолетам имена не самых качественных сигарет?»

II

— Лена? — прокричал я, как только на другом конце подняли трубку.

— Да, слушаю.

— «На Западном фронте без перемен», — выложил пароль. — Это Саша. Знаю, что вряд ли сейчас Ник дома, но все равно звоню. Хорошими новостями всегда приятно поделиться. Наш груз дошел целым и невредимым. И уже реализован. Представляешь, мебель грузили оптовику прямо в машину. У него аж глаза разбегались от халявы несусветной. Так он сказал, когда его фура была полна. В общем, все о'кей. Ника пайку, как и договорились, отложили, так что пусть не беспокоится. Лена, ты меня слушаешь?

— Да...

— А почему голос у хозяйки печальный? Может, голубка чего не расслышала? Все хорошо, говорю! — уже кричал я в трубку.

— Нет, — ответили на той стороне провода, — не все хорошо.

— Что значит — не все?

— Коли нет, — ошарашила меня Лена.

Я не сразу осознал смысл услышанного, но почувствовал: случилось что-то скверное, ужасное, непоправимое.

— Лена, ты давай поспокойнее, а то я не понял. Николай куда-то уехал?

— Да, уехал. Туда, откуда не возвращаются. Убили Колю. В подъезде подстерегли... Без Зуба не обошлось...

И на том конце провода положили трубку.

Какое-то время я сидел как очумелый. Перезванивать Лене не решился и, спасаясь от нахлынувшего ужаса, автоматически набрал Женю.

— Приезжай, есть вопросы, — оборвал его «а-а», уточнив: — Серьезные.

Женька, видимо, здорово напряг свою «Ниву», потому как примчался минут через пятнадцать.

— Чего задергался? — вместо «здравствуй» начал он с порога. — Менты вызывали? Нет? Звонили? Правильно! Не воруй!

— Успокойся, кончай юродствовать. Я звонил Лене. Поздравить хотел, а там... Беда. Николая убили. Она говорит, Зуб, «адидасник» организовал.

Улыбка сошла с Женькиных губ.

— Да-а... — уронил он, садясь на тумбочку стоявшего у входа трюмо. — Ты, это, Саша, не пошутил? — пытался отодвинуть от себя страшную новость. — Да-а... — повторил и замолк.

— Тут, пока ты кренделя по городу выписывал, я кое-что решил. Присоединишься — хорошо. Нет — сам справлюсь. А решил и понял я следующее: мне теперь не заснуть, пока спокой-

но спит Зуб. Вернее, я только тогда и засну, когда он на вечный покой отойдет. В общем, деньги имеются, здоровье — тоже, так что возникший долг, думаю, мы отдать сумеем. Я прав насчет «мы»?

Женька посмотрел на меня и, нервничая, бросил:

— Ты считаешь, что я хочу на всю жизнь должником остаться? Убили как из-за тебя, так и из-за меня! Нет уж, извини, жить с камнем на шее...

— Хорошо, хорошо, я знал, дружище, что ты не подведешь. Честно говоря, шанс одному грохнуть Зуба, думаю, у меня был, а вот шансов остаться при этом живым, чувствую, не было.

— Ну, артист, без меня хотел смыться, — начал приходить в себя Женька. — Летим-то когда? Или у тебя, как всегда, свои особенные задумки имеются?

— Никаких полетов! Фамилии светить не будем. Поедем скромно — поездом, и моим любимым плацкартом. Выйдем, так сказать, в смысле — войдем, в народ. Когда у проводницы в вагоне десять пассажиров — это одно, а когда полста и пяток зайцев — другое. Поди запомни каждого.

Через несколько часов мы вышли из дому и позвонили Лене с главпочтамта: лишний раз квартирный телефон светить не стоило.

В далеком Нижнем Тагиле трубку не поднимали. Не подняли ее и за пятнадцать минут до отправления поезда, когда я звонил из вокзального переговорного пункта.

Два искателя приключений, а вернее — проблем на свою голову, как и когда-то, тоже днем сошли на станции интересного, как они говорили теперь, города. В поезде их сильно приморило, и обоим стоило больших усилий оставаться настороже, отслеживать обстановку.

Шагая вместе с массами к автобусу (такси здесь, как известно, только особо шустрых дебютантов-самоубийц возит), они увидели стоящего невдалеке знакомого шутника. Тот активно размахивал руками и что-то говорил-втолковывал очередному клиенту-смертнику насчет люкса и так далее.

Видимо, он убедил новенького гостя города, ибо тот махнул рукой и сел в машину, которая должна была повезти его в последний путь-дорожку, то есть в гости к Зубу.

Смышленый (так Женька теперь звал таксиста-золотозубика) завел катафалк, мигнул фарами, и двое новых знакомых поехали — в одной машине, но в противоположных жизненных направлениях.

— Смотри, — приостановившись, обратился ко мне Женя, — а шутник-то — по совместительству еще и сигнальщик. Светом знаки подает. В прошлый раз прохлопали.

— Наводчик, — согласился я. — А ты думал, в гости к «адидаснику» мы просто так попали? Нет, дружище, случайности и нелепости могут быть только у честных людей, а у Зуба все по плану. Отработано. Далеко, чувствую, спортсмен пойдет. Менты — его. Сороки-таксисты — его. Ресторан-малина — его. Оружие есть. Полный комплект для начинающего крестного отца. Но

тут я на месте Зуба помнил бы и другое: крестных периодически отстреливают...

На площади перед автовокзалом стояли пять «Икарусов», сдавалось, последний раз мытых лет десять назад — как раз перед отправкой из Венгрии в Союз нерушимый республик свободных. Мы подходили к автобусам, и пора было прикинуть, в какой садиться. Женя решил судьбу не испытывать и спросил у кассирши, «как доехать до Алтайской». Пенсионного возраста, но еще пользующаяся косметикой женщина нашла, видимо, в Женьке что-то от своего кровного сына и дорогу «к сестре» объяснила очень доходчиво. Ехать по местным меркам было совсем недолго — минут двадцать.

Вскоре мы нашли свой автобус, но дружно прошли мимо и остановились у соседнего. Начинал действовать скромный план под «шпионским» названием — антиперехват. «Внимание и еще раз внимание», — говорили мы перед отъездом. Осторожность плюс ум и минимализация риска — залог успеха. Хотя, впрочем, кто не рискует — ест гуляш в заводской столовой за тридцать семь копеек и имеет шанс отравиться никак не меньший, чем мы — попасть в лапы к подручным Зуба.

Когда в переполненный автобус сел водитель, мы поняли: пора — и вскочили в закрывающуюся переднюю дверь. Оглянувшись, я увидел, что попыток последовать за нами никем не предпринималось. «Ничего, — сказал себе, — перестраховаться никогда не мешает, особенно теперь. Или встречающие уже сели?» — присту-

пил к выискиванию волчьих взглядов. Осмотрелся: нет, похоже, таковых не имеется.

Ехать пришлось стоя. Недолгие двадцать минут обернулись добрыми пятьюдесятью. Но истекли и они. Трехметровым прыжком нам удалось покинуть общедоступное средство передвижения и не попасть в лужу, посреди которой оно остановилось. Вскоре мы убедились, что лужа простиралась на всю Алтайскую улицу.

— Ничего, — подбадривал меня напарник, — зато собаки след не возьмут.

Приземлившись в целом удачно (с грязью едва соприкоснулись), мы осмотрели стоящие вокруг дома: почти все «панельки» были новые и одинаковые (как в первый приезд этого не заметили — убить мало) и, понятно — с легким паром, так сказать, — близнецы как на подбор, притом инкогнито — без номеров.

— И хорошо, что дома не расписаны, — культурный, значит, народ обитает, — браво выпалил Женька. И обосновал: — Правильно, говорю, что цифирек не видно, язык для того и дан, чтобы до Киева довести.

Но вот здесь умник слишком губу раскатал. Выскочившие из автобуса аборигены вмиг растворились, а новые вылазить что-то не спешили. Ну да ладно, разберемся...

Разбираться пришлось часа два. Наконец мы позвонили в дверь квартиры, хозяйка которой почти трое суток не отвечала на звонки из разных точек одной шестой части нашей планеты. Не ответила она и теперь. Что ж, работаем дальше согласно плану. Едем к самой шустрой и, может быть, пока единственной в городе обла-

дательнице очень дефицитной купюры с портретом дяди Франклина. Благо, адресок у нас был.

О своем визите мы, понятно, Людочку не предупредили: вдруг раскрасавица захочет поискать счастья на другом берегу. И поэтому, отворив дверь, наша спасительница глазам своим не поверила. «Это ж надо, бегунки-то совсем шальные, — думала, верно, ее светлая головушка, — без приглашения на погибель вернулись. Отчаянные ребята...»

— Привет самому дорогому и любимому в дивном городе грез человеку! — выпалил Женька. Молодцом, однако, оказался.

— А-а, ребята! Живые! Я так и знала, что вы тогда ушли от пацанов, уж больно Зуб шипел, когда вернулся. Как заведенный бегал по залу. Совсем извелся. Смотреть было тоскливо. Пришлось его пожалеть. Отвлечь от мыслей горьких и опасных. А что было делать? Он ведь мог разборки устроить. Начать выяснять, как вы ресторанчик покинули. Вот и отвлекла Зуба. Ублажила родненького. Так что за вами теперь должок.

— Долги мы всегда вернуть рады. Только вот выяснять их размеры на лестничной площадке не хотелось бы, — перебил красотулю-официанточку нахальный Женька.

— Ой, да вы проходите, раздевайтесь, — очнулась наконец Люда. — Сейчас чай поставлю. Или у вас кофеи предпочитают? И этот негритянский напиток в коллекции имеется.

— Послушай, — снова напряг хозяйку смельчак Женька, — чаи-кофеи потом будем гонять. И не только чаи. Теперь же хотелось бы другим за-

няться — кое во что тебя посвятить. Просветить некоторыми соображениями. И главное, чтобы ты все запомнила, не ошиблась потом, ибо с этой минуты мы переходим в состояние минеров на объекте.

О планах Люде рассказали скрупулезно и точно. Чтобы все правильно поняла и не преподнесла сюрприза. План смелой девчонке понравился, особенно последняя его часть — расчетная: Людочка могла стать обладательницей десяти «франклинов», а это уже кое-что даже для человека из свободного мира, в здешнем же болоте на такие деньги можно было и квартирку прикупить...

Часа через полтора из кабинета директора люкс-ресторана мы спокойненько наблюдали, как менты-черносотенцы, не приближаясь к парадному входу, прикуривали одну сигарету от другой. Заметили, что руки у ребят чешутся, и чешутся давно. Они все чаще поглядывали на окна ресторана и на своего главного. А тот — на Зуба.

Послышались выстрелы. Главный мент мгновенно повернулся к «адидаснику», но Зуб показывать зубки не спешил. Молодец, паря, так держать! Примерно ментов отдрессировал. Талант! Дуров, а не Зуб.

Но тут последовал божий — для ожидающих — знак, и «бригада скорой помощи» ринулась спасать утопающих в крови. Как и в прошлый раз, все было кончено минут за десять-пятнадцать. Участников халявного банкета погрузили в знакомый зарешеченный автобус-тюрьму. Подумалось: «У них, наверное, и рекордсме-

ны свои есть. Интересно, каков рекорд посещения-катания в каталажке с решетками?»

Люда, как и условились, постучала три-два-три раза, потом снова. Женька к двери подошел, но открывать не стал, автоматом спросил:

— Да?

— Я это, Люда, не боись.

Компаньон принял вид самца на распеве и, открыв фанерку-занавесочку, гордо выдал:

— Прошу!

«Фраер!» — констатировал я про себя.

Дело было к вечеру, но продолжение стишка складывалось иначе — во всяком случае, так мы поняли слова завербованной нами, чужой среди своих Людочки. Влетев в кабинет, она бросила:

— День на день не приходится, но сегодня он, кажется, наш. Зуб зацепил тут одного из заезжих. Ванька-таксист, Зубов побратальник, его привез. Спекуля уже обработали и вот-вот повезут к Зубику на фазенду. Порасспрашивают при свечах: что да как, где и сколько? Я однажды присутствовала при такой беседе. Больше не хочу. А теперь на посошок скажу главное: Зуб, когда везет кого-нибудь к себе, берет только двоих горилл, так что это хоть и небольшой, но шанс, другого в ближайшее время не предвидится. В общем, думайте сами, — уже не говорила, а пела официанточка-подельница, — решайте сами... (Какое сопрано пропадает!)

— Что решать? Судьба все за нас сама распределила, короче — по коням! — Женька явно брал инициативу на себя.

Еще итальянская, «от своей мамы», Людмилиного папы «копейка» по-охотничьи цепко взяла след новой «восьмерки» «адидасника». Слежка длилась не более получаса, прошла на удивление спокойно и закончилась вблизи неприметного домика с мансардами. Плечистые парни проводили гостя в дом, ни разу не оглянувшись. Да и зачем? Ребята были очень далеки от действительности: прикидывали, сколько кому перепадет после босса.

Подмывало заглянуть на огонек и нас, но после небольшого трепа коллегиально-мужественно решили оставаться на месте. Для нас еще не наступил тот самый вечер.

А в подвальчике-спортзальчике домика с мансардами шла очередная серия фильма ужасов — «место встречи обозначилось аккурат в полдень» (сценарий его представить нетрудно).

Зуб смотрел на привязанного к батарее незадачливого любителя путешествий и тихо, но внятно, вдохновенно (не зря — как потом выяснилось — три курса Щукинского осилил) говорил:

— Ох и молодец же ты, спекульчик ненаглядный, любимый, золотой, расчудесный! Умненький ты наш и богатенький Буратино! И что же тебя, хохолка такого чубатого, занесло в здешние места таежные? Неужели так капусточки захотелось? И зачем головушка умная подтолкнула к дорожке скользкой? Ну что ж, поможем страждущему, избавим от болезни денежной, охладим голову горячую. Сидор, окуни-ка друж-

ка хорошего в воду. Аккуратненько мокни, без насилия. Как ты умеешь...

Сидóр-помидор (это я по фейсу его прокатываюсь) отцепил бедолагу от батареи, за чуприну поволок освежаться к стоявшему неподалеку бочонку с водой. После третьего нырка гость сообразил, что в этом подвальчике, отнюдь не винном, пособие на жизнь не выдают и аборигены могут дошутиться с ним до самой что ни есть кончины. Парень решил: пора спасать тело, а не деньги, но сивая грязная старуха уже приметила его на том, не этом берегу.

Через час Зуб установил не только код ячейки в камере хранения, где лежала сумочка с приданым, но и тот факт, что пульс у гастролера больше не прощупывается. «Жаль», — хотел было сказать по доброте своей душевной, но, поймав взгляд обезумевших в предсмертном тике глаз, промолчал.

Нервы у Женьки на поверку оказались слабее моих, и неугомонной Людочке все чаще приходилось отвлекать друга-праведника последними местными ньюсами.

Я уже и сам был порядком навинчен, когда заветная рулетка-калиточка отворилась и бравая группа аморального воздействия, громко изъясняясь на чингисханском, двинулась к машине.

Завелась «восьмерочка», как те часики, что теперь тикали под ее бензобаком. Люда тонко заметила и наше внимание обратила на то, что в здешних краях, по зимней привычке, новые машины и летом слегка прогревают. Шуршала на месте уже минуту и эта. На такое как раз время

Женька, дебютант-взрывник, и завел в адской машине будильничек.

Взрыв оказался такой силы (вспомнились слова умельца-пиротехника: «За эту штучку спорить по цене не стоит. Она конкретно проблемы решает...») и оглушил и ослепил нас так, что в первое мгновение казалось, будто взорвалась именно наша бедная «копеечка». И лишь когда увидели, как тело «адидасника» вместе с прилипшей к нему задней дверцей летит-возвращается к калитке (Вот судьба! А ведь только что герой героем был!), у нас открылось второе дыхание.

Медленно, чуть шелестя шинами, серая старая «копейка» поковыляла в сторону железнодорожного вокзала. До отправления поезда «Нижний Тагил — Москва» оставалось больше часа, и спешить было некуда.

— Саша? — услышал я женский голос в трубке и, узнав его, подскочил от радости:

— Лена, ты, что ли, пропажа?

— Я, кто же еще. Не волнуйся и не ругайся. Сейчас все объясню. Только не шуми, дай слово сказать. После того, как ты тогда позвонил, я совсем извелась. Все время вспоминала ту ночь. Вы сидели, спорили, шутили. Как Коля был рад, что вы объявились! Какие планы грандиозные строил! Та ночь бесконечно прокручивалась перед глазами. И я потихоньку сходила с ума. Боялась, что дети одни останутся. И, когда стало совсем невмоготу, собрала Тому, Владика и уехала к маме. Там мы пробыли две недели. Мама есть мама. Ходила за мной, успокаивала,

наставляла. И отчаяние постепенно прошло. А сегодня утром мы вернулись домой. Входим, и почти сразу же — звонок. Подбегаю, беру трубку. Вся трясусь, Коленьку вспомнила. Чуть выдавила «алло». Слышу голос: «Это следователь Дангулов. Мы решили, что необходимо еще раз встретиться с вами. Три дня назад неизвестные взорвали машину очень уважаемого в городе человека. Возможно, это те же бандиты, которые убили вашего мужа». Ты представляешь, Саша? Уважаемого человека! А-а? Как тебе? Интересно только, кто же эту гадину прикончил? Памятник таким бандитам ставить надо! Саша, ты хоть слышишь меня?

— Да-да, — успокоил я Лену, — слышу: памятник бандитам.

А про себя подумал: «Вот уберешь с дороги такую нечисть, и сразу увековечить тебя готовы. Придется, видимо, профессию менять».

КОСИЛ ЯСЬ

1994 год. Глубокая осень. Лучи прожекторов крадутся по бетонным скалам недостроенного аэропорта «Минск-2». Слева от забытого людьми и Богом сооружения притаилась громадная «желтая черепаха» — ангар-склад, переоборудованный под зал ожидания, секторы прилета и отлета, милицию, таможню, билетные кассы, багажную секцию, бар, туалеты и прочее. За черепахой — летное поле. На нем танцуем мы, «эмиратчики». Ждем, дрожим, синеем. Пронизывающий холод, сбивающий с ног ветер, слепящие хлопья снега. Не Минск, а север Аляски (а что, и там бывали!). Ждем.

Наконец из пурги-тумана выплывает бело-серебристый от изморози призрак — «Икарус». Прыгаем, спотыкаемся, валимся, смеемся. Подъезжаем к родимому «ТУ-134». Взбегаем-рассаживаемся со скоростью звука. Радуемся первой успокаивающей ласточке: «Пассажиры, пристегните ремни, пожалуйста». Теплеет.

Разгоняемся. Взлетаем. Мы — в небесах! Теперь им нас не достать! Ура! Свобода! Нал-ливай!

— Э, деловые, у кого моя «капуста»? — вспархивают с нескольких мест беспокойные голоса.

— Топайте сюда, ребятки, — вальяжно бросает Юрик Сачкин по прозвищу Банкир из хво-

ста самолета. — И стаканчик дядьке не забудьте наполнить, — распечатывает, улыбаясь, пачку сигарет «Davidoff».

*

— *Касіў Ясь канюшыну! Касіў Ясь канюшыну!* — не пел — орал я спустя час после взлета.

— *Ка-асіў Ясь канюшыну, паглядаў на дзяўчыну!* — перебивал мои вопли, подпрыгивая у иллюминатора, Сергей Ласовец. Словно заправский дирижер, махал-помогал себе руками. В немалой степени он им и был. План, куда и за чем крутнуться, при этом не остаться в дураках и не быть подвешенным за ноги вследствие нерентабельного использования чужих финансов, зрел и вызрел в его светлой голове.

Таможня! Атас! Мы прошли таможню! Прорвались! Продрались! Пробились! Наливай!

— *А дзяўчына жыта жала...* — поднял Сергей аэрофлотовский стаканчик с «Абсолютом». — *А дзяўчына жыта жала! А-а дзяўчына жыта жала...* — чокнулся со мной, — *ды на Яся паглядала!*

Сергей рисковал меньше, но и ему не сносить бы головы при обломе. Меня же в случае влета живьем поджарили бы. Он вез пятьдесят шесть, а я — девяносто две тысячи тех самых, зеленых (как-никак за троих держал ответ).

Таможня! Таможня! Таможня!

Денежки! Денежки! Денежки!

Где? Где? Где?

Не-ету-у!!!

*

— Сними обувку, — то ли приказал, то ли посоветовал мне щенок с парой звездочек на погонах. — Теперь — носки. Не стесняйся, ты же не красна девица. А может, поумнеешь и сам расскажешь, куда бабульки спрятал? Тогда хоть и не полетишь вместе со всеми, зато при своих останешься.

«“При своих” — это не к нам, — про себя улыбнулся я. — “При своих” мы уже проходили, достаточно в нищете слюнок наглотались».

Щенку ответил:

— Вы впрямь как панибратские янки: все «ты» да «ты». В чем сознаваться, ежели не в чем?

Говорил доверительно и спокойно. А в душе все пело: на пакет с продуктами, что стоял перед «телевизором», парень не обратил никакого — ноль! — внимания. Не усек, тупица! А в нем-то и была собака зарыта. Проверили, к примеру, твои сумки-чемоданчики, махнули: «Проходи!». Ты и пошел. Только пакетик с домашней колбаской подхватил и пошел. А вещи — да-а! — пусть смотрят-рыскают. Работа такая — в чужих вещах ковыряться. Потроши челнока зажравшегося. Вот и этот усмотрел с полчаса назад, что в моей паре сумок чисто, и сообразил: «При себе, должно быть, умник держит баксики». Подсуетился: «Пройдемте». И — зря погнал волну. Ему бы, стратегу всевидящему, подождать, пока я заветный пакетик в руки возьму и уже с ним потопаю. А так, простите-извините, — пролет-с. Пакет в зону досмотра не вошел: его Сергей, стоявший на подстраховке, ногой к себе придвинул. Отработано!

— Напрасно, ей-богу, время теряете, — отогнал я подкатившее было волнение (а если Сергей не придвинул?). — Вдруг в этот самый момент настоящие контрабандисты через ваши поредевшие кордоны прорываются?

— Ты слышал? — повернулся молодой таможенник к такому же собрату-новобранцу. — Советы дает, жизни учит, издевается. Оборзел! Наверное, к проктологам неравнодушен, хочет, чтобы к нему в одно место залезли.

«Хотя и небывало наглые, но зелень-зеленью, — спокойнее забилось мое сердце. — Разве в это место можно без малого сотню саузендз[1] засунуть? Порвется место, по швам разойдется, ни в одной больнице не спасут».

— К врачам, точно, неравнодушен, век бы их не видать, — тянул время. — А усердствуете вы, повторяю, зря! Как на духу говорю: при себе только пятьсот разрешенных для провоза без декларирования долларов, даже меньше — коечто уже в баре оставил.

— Пой песенку, пой, челнок ты наш золотой, — не унимались цепкие парни. — Не хочешь сознаваться — твое дело. Вызываем парня в белом халате. Сам на медосмотр напросился.

«Так и есть, сверх всякой меры борзые, — огорчился за них, не за себя. — Таких наездчиков еще не встречал. Что же, ребята, с вами дальше будет? Этак можно и до старости не дожить. Выдернете, очистите какого нервного, кому терять нечего, он вас и порешит — деньги-то нешуточные крутятся. Встретит как-нибудь ограбленный вас у подъезда... Впрочем, это не

[1] От английского *thousands* — тысячи.

моя история... А что же у нас? Напугали таможенники парня — ладно, такая уж у них работа, но пора бы и отпускать. Идиоту понятно: пассажир не дергается, спокоен, а посему вряд ли бабки при себе затихарил».

— Так, молодежь, исчезли! — ввалился наконец в «пыточную» Игорек. («Фу-у!» — предательски вырвалось у меня.) — С этим хлыщом я сам разберусь.

— Мы тут, Игорь Николаевич, его почти раскрутили. Может...

— Не может. И крутить будете девчонкам головы или себе усы, когда вырастут, а контрабандистов выявляют. И давайте-давайте, шагайте к стойкам. Шефу только что сверху звонили: рейс ни при каких обстоятельствах не задерживать. Этим самолетом сын предсовмина в свадебное путешествие летит. Предупредили: чтоб никаких эксцессов! А тут я сам разберусь.

Цепкие парни понуро исчезли, и Игорек подошел ко мне. Самый раз было выпустить пар:

— Молодец! Где тебя носит? Я чуть на соплях не погорел! А если бы салаги наткнулись на пакет с едой?

— Не кричи, здесь, как-никак, я начальник. С пакетом все нормально: Сергей его подхватил — не растерялся. Сам видел. А опоздал из-за мымры своей. У нее сегодня день рождения, вот дунька и решила сразить гостей невиданной — под какую-то голливудскую звезду — прической. Ни свет ни заря поперла в парикмахерскую. Сказала — на часок-полтора, а явилась через три. Убить мало. Потом летел сто шестьдесят, едва машину и себя не угробил — ты же

предупредил, сколько в эту ходку денег берешь. Ужас! Я и Вадиму звонил, чтобы подстраховал тебя, если не успею доехать. Так он возьми и заболей. Ну, думаю, могила! Но все, слава Богу, обошлось. Хотя — не совсем. На двоих в серых плащах, словно прикованных к стойкам, обратил внимание? Наши парни, гэбэшные. С революции той никак не успокоятся. Шастают, выискивают, кто от лап государства пару копеек пытается утаить. И нет им, неугомонным, покоя. Впрочем, работа у них такая — собачья. Перейдем к нашим, человеческим вопросам. Ты сейчас для конспирации попытайся хоть фейс немного скривить. Представь, к примеру, будто тебе по голове дубинкой ментовской врезали. Тогда, если эти в твою сторону глаз кинут, подумают, что мы тебя уже вычистили, и по новой душить не полезут. Покажи физиономию! То, что надо! Прямо артист! Но — не суетись без причины, все будет нормально. Иди, с Богом!

Двое на меня даже не глянули: были заняты другими клиентами, вернее, клиенткой. Одна наша (из новеньких) накрасилась под куклу Барби, вырядилась, как валютная проститутка в ночной ресторан, и гордо подплыла к стойке. Явно рассчитывала своим обаянием непробиваемых «двухзвездочников» уложить. А уложили — ее. Дурочка спрятала в косметичке пятерку тысяч «лишних денег» и впопыхах забыла — оставила ее в сумке с одеждой. А ту, конечно же, просветили и засекли узелок потаенный.

Глазастый таможенник, получив отступного, скорее всего, отпустил бы куклу, да вот незадача: парни в плащах вмешались (сынка знатного товарища подстраховывали, а тут подвернулся

шанс отличиться). Теперь все пойдет по полной программе — сначала будет задан «веселый» вопрос: «Так, значит, декларацию заполнили, вписали все, что требуется?». Затем последует повторный, уже тотальный шмон, за ним — составление протокола, конфискация, а дальше — как карта ляжет. Может так лечь, что и до неба в клеточку дойдет. Статья-то серьезная: незаконный вывоз иностранной валюты в особо крупных размерах. Для нас — увы! — других статей не существует. Мы же враги государства! Одновременно и лучшие друзья масс. Поди купи дешевле! Но вот цена этому «дешевле» иногда бывает непомерно высока...

Жаль, до боли в сердце жаль было Барби, но при прохождении таможни есть неписаный закон, правило, условие: каждый — сам за себя. Жизнь так поставила-заставила. Бывали случаи, некоторые расслаблялись, пытались протянуть руку тонущему, вырвать из волчьей пасти друга-товарища. В результате терпели полное фиаско: «залетали» сами и нередко еще кого-нибудь под разборку втягивали. А вы знаете, что такое попасть под разборку? Это — словно у тебя отняли часть тела, скажем, ногу. Даже, пожалуй, хуже. Потому что живут и без ног, а вот после разборок некоторые этот мир покидают.

Помню, как билась головой об пол, голосила и стонала такая же, как только что пойманная Барби, разукрашенная красивая девчонка. (Как трагически схожи некоторые судьбы!) Из экономии не «купила» декларацию на право вывоза валюты и, вдобавок, в спешке купюрки лишние спрятала так, что даже салаги нашли их

за несколько минут. А деньжат американских оказалось немало: хотела заработать не только на хлеб с маслом, но и гардеробчик обновить. Вот и обновила. Последнее потеряла. Обчистили голубушку до нитки...

А куклу «плащи» подхватили и, словно террористку, поволокли «за кулисы».

Как она заливалась слезами, вырывалась, умоляла, упрашивала! Знакомая здесь сцена, нередкая. Но таможня, как и Москва, слезам не верит. Я знал, что дома у Барби остались мать-пенсионерка и двое мальчишек, знал, что в каждый приезд ребятишкам вручались подарки, и понимал: на этот раз не дождаться им ярких пакетов с игрушками. Может быть, не приедет и мамка, долго не приедет. Но что я мог сделать? «Влетевшей» красавице уже ничем не поможешь. Шакалы ухватились за нее крепко. Ради очередной звездочки они и родного брата на части разорвут. А меня дома тоже ждут двое малышей...

Задушив в себе чреватую в данной ситуации жалость, я направился к залу ожидания, представлявшему из себя несколько рядов бывших кинотеатровских стульев. Мой и Сергея пакеты с едой соединились в один, он лежал теперь между нами. Вызовут на перепроверку Сергея — он возьмет только свою сумку. А пакет чей? Пакет — не его. Выдернут повторно меня, прихвачу только свой баульчик: пакет — не мой. Даже пройдя таможню, расслабляться не спешите: вас могут вытащить из зала ожидания. (Нередко это делают представители другой службы, при упоминании которой и самому смелому таможеннику хочется «сотку» опрокинуть.) Они все мо-

гут, но не все знают, а те, которые знают, — помалкивают. За то, чтобы знающие «не знали», приходится включать их аппетиты-знания в себестоимость товара.

«Информация — это деньги», — думают некоторые.

«Информация дороже денег»», — утверждают знающие.

«Информация — это все!» — говорят богатые.

«Информация — это жизнь!» — говорю я.

«Информация — это хорошая жизнь!» — знают избранные.

*

— *Ці ты Ясь, ці ты не...* — мотал головой опьяневший Сергей.

— *Ці-і ты Ясь, ці ты не-е,* — обогнала и перепела его Лиля, — *спадабаўся ты мне!*

На время «гастролей» Лиля становилась женой Сергея. Сближались они сразу после взлета; прощались — за минуту до посадки на родной земле.

А дома у Лили имелся муж — заводской инженер-трудяга, тянувший на худых прокуренных плечах всё КБ, но не вытягивавший и трети реального семейного прожиточного минимума. Он существовал обычной серой доперестроечной советской жизнью и чистосердечно считал: именно его стараниями в семье все одеты, обуты, не голодны, а по выходным лопают апельсины и бананы. Лиля с ним не спорила, никогда ничего не объясняла и даже по-своему любила. Но в поездках отрывалась от нудных буд-

ней, позволяла себе расслабиться. Не прочь был отдохнуть от примерной жены-воспитательницы («Ох и залетишь ты когда-нибудь с полной конфискацией!») и Сергей. Вот такая «семейная пара», довольно типичная для «эмиратчиков».

Поразительно, как оба они менялись, когда возвращались в Минск и сходили с трапа самолета. Впечатление было такое, что эти двое не только не знают друг друга, но и вообще психологически несовместимы. Сергей — вечно расхристанный, шумливый; Лиля — сама собранность, аккуратность, строгость, спокойствие. Флирт флиртом, а семьями «эмиратчики» дорожили.

*

Разбудила нас стюардесса, как всегда, заранее. Спящих, неслабо отдохнувших — много, а их с подругой — двое; пока всех растормошишь...

Все же голос у нее был необычно резкий, но спросонья я не придал этому значения. Позже, в гостинице, услышал: сели мы только с третьего захода. Я не удивился. Отмотавший два срока «ТУ» явно устал таскать нас по белу свету и, сдается, решил поставить крест на своих каторжных мучениях. Дважды, заходя на посадку, он не выпускал шасси. Но в третий раз старик смилостивился, пожалел бедолаг-челноков. И даже вполне мягко, как бы попросив извинения, приземлился.

«Собраться!» — приказал я себе, как, наверное, и все спускающиеся по трапу. Нас ждала новая опасность — арабы. Эти ребята редко предсказуемы. Хотя таможня в Дубаи нулевая

(максимум, что отнимут, так это лишнее горячительное), зато в других отношениях... Просмотрев паспорт, возьмут и шарахнут ни с того ни с сего прямо в солнечное сплетение: «No!». No — и все! Нокаут! Объясняй, доказывай, кричи, жалуйся, падай в обморок — «No!» И каждый из нас, отдавая документы, пытался улыбаться, держаться уверенно: «Все о'кей, никаких "No!"».

Однако «No!» прозвучало и на этот раз. В адрес Левы.

О Боже, есть ли Ты на свете?! Я бы выдюжил такой удар, Сергей — тоже, Лиля не сдалась бы, да и другие, пожалуй. Только не Лева. Он был честным парнем, челноком-пахарем, но — бестолковым, никудышным счетоводом и уже давно запутался в своей бухгалтерии: что выгодно возить, а с чем «попадалово», где плюсы, а где минусы. Он летал, закупался, работал, а тучи сгущались. И чем больше Лева летал, чем больше закупался, тем большая у него создавалась неразбериха с деньгами и товаром, тем чаще ему требовалось рисковать, идти ва-банк, приобретать новый, не проверенный на расходимость товар (при этом непременно надо вписаться в отпускную цену, раза в полтора-два меньше магазинной), тем глубже залезал в долговую яму. И сейчас ему сказали: «No!». Тихо, убийственно, неотразимо. Как дубинкой по почкам.

В этот раз, правда, удалось его спасти. Я забрал у Левы деньги и список с заказами. Мы обнялись, попрощались, и он поплелся в бар глушить горькую и ждать обратного рейса. (Сергей

вручил ему пакет с белой, замаскированной под минералку: в Арабских Эмиратах «сухой закон».)

Леве не повезло только с въездом. Некоторым же...

Был у меня друг — Виктор. Много позже описываемых здесь событий, когда уже практически пропал смысл закупаться в Эмиратах и большинство переключилось на другие страны-континенты, он продолжал летать в Дубаи за символические двести «зеленых» да еще и транзитом через Москву. Челночный бизнес в Эмиратах для большинства являлся не первым, чем они занялись в перестроечные времена. Виктор же спохватился поздно и уволился из института только в начале девяностых. А тут еще и женился. Вскоре родилась дочь, и пошло-поехало: кроватка, коляска, памперсы, отнюдь не дешевое финское детское питание, фрукты, соки. Потребность в деньгах росла с удручающей скоростью. Вот Виктор и продолжал таскать мешки туда-сюда почти задаром. Некогда увлекался культуризмом, и для него таскать груз было не так уж обременительно. Даже форму вроде поддерживал. Но сердце...

Из очередной поездки Виктор возвращался, волоча на себе пять громадных баулов.

К дому подходил ночью. Стояли февральские холода, а его прошибал пот. Внезапно почувствовал боль в груди. «Ничего, — успокоил себя, — дойти до лифта, а от него — два шага». Но лифт не работал, и два шага превратились в сто пятьдесят четыре. На сто пятьдесят пятом, перед самой дверью, Виктор упал. Разлетелись по углам баулы. В одном лопнула молния, и с вылезшей упаковки памперсов улыбнулась ве-

селая маленькая блондиночка. Совсем как дочурка Виктора...

Если бы он успел дотянуться до звонка! Если бы Люда, высматривавшая его из окна, не отлучилась перепеленать захныкавшую малышку... Но рвется там, где тонко. Так и оборвалась жизнь Виктора.

Он был не первым из «эмиратчиков», кто жертвовал собой ради того, чтобы в семье был хоть какой-нибудь достаток. Не дождутся мальчишки с бабушкой и упомянутую выше Барби — маму и дочку. За два месяца до освобождения из колонии она погибнет на строительстве никому не нужного электрозавода. Придавит красавицу трехметровая плита перекрытия.

Все это произойдет значительно позже, а сейчас...

Сейчас мы проходили дубайскую таможню. Как обычно, пострадали любители сэкономить на «горючем» (в Эмиратах, напомню, оно продается лишь в спецмагазинах для белых и по цене от десяти условных единиц) и взять в «поход» свое. А в целом все прошло спокойно.

Выходили из аэропорта, словно с войны вернулись. Наконец-то позади проверки, обыски, грохот рвущихся из груди сердец. Впереди — свобода! Мир рабов, их хозяев и наш мир — тех, кто между ними.

Шел переломный 1996-й. Конец ноября.

Мы вышли на площадь перед аэропортом «Дубаи» в 12.34 местного времени (впрочем, оно совпадает с нашим). Сверкающий в лучах солнца параллелепипед вокзала, жирное шоко-

ладное стекло стен-окон, бегающая с кваканьем накачанная обслуга: «What? What? What?»[2] — все это малость поднимало настроение.

Жарко не было: плюс двадцать девять.

Со времени встречи в «желтой черепахе» с двумя солдатами невидимого фронта и другом из «группы поддержки» прошло около двенадцати часов. Вернее, два года и двенадцать часов жизни — полета над пропастью. Нашей жизни.

— *Касіў Ясь канюшыну!* — оживала в такси у меня за спиной Лиля. — *Ка-асіў Ясь канюшыну...*

— *Паглядаў на дзяўчыну!* — пытался угнаться за нею Сергей. Заодно он строил рожицы, демонстрируя эмиратского таможенника, нашедшего у него вместо положенных двух бутылок водки — восемь.

— *А дзяўчына жыта жала...* — перешли раньше времени на новый куплет, обгоняя «молодоженов» и мелодию, мы с Банкиром. — *А-а дзяўчына жыта жала ды на Яся паглядала!*

Мы обгоняли мелодию, а обогнали жизнь, вернее — пролетели ее.

В боковом окне увозящей нас от аэровокзала толстозадой «Хонды» я увидел разгонявшийся родной «ТУ-134». Вот он взлетел и скрылся в небесах.

— See you soon! — вспоминал я свободный язык. — Don’t be nervous any more[3].

---

[2] Что? Что? Что? (*англ.*).

[3] До встречи! Ты только больше не нервничай (*англ.*).

ИНТУИЦИЯ

Как объяснить предчувствие беды? Возможно, есть только одно объяснение: интуиция — мало исследованная и потому кажущаяся сверхъестественной сила, выражающаяся в способности человека принимать решения порой лучшие, чем логически обоснованные, и значит — предугадывать будущее.

Человек генетически нацелен на оптимизацию ситуации. И когда мозг не получил достаточно информации и не может разобраться в происходящем (казалось, нет причины, а тревога сердце гложет), а следовательно, сделать выводы, как последняя инстанция защиты человека в бой вступает Ее Величество Интуиция.

Вот и сейчас. Мы только подъезжали к границе, а Юрик уже беспокойно защебетал:

— Печенкой чувствую: на этой таможне не проскочим. Давай на следующую. Может, там...

— Поздно, Юрик, пить боржоми, — оборвал я стоны напарника. — К шлагбауму подъезжаем. Если сейчас перед носом погранцов развернемся, ребятки, пожалуй, и погнаться могут. Теперь только вперед — за одного битого двух небитых дают! Да не газуй ты так, на таможне шума не любят...

Бедный Юрик! Первый раз из заграницы возвращается — и сразу не пустой.

«А как же у меня все начиналось?» — попытался я напрячь память...

— Пашпарты, панове! — перебил мои мысли польский пограничник. Как всегда, улыбка на его устах сочеталась с ненавистью в глазах.

«И чего им еще надо? Помогаешь пшекам жить, помогаешь (этому дай, тому заплати, с тем рассчитайся, хотя ничего не должен), а в ответ — одна неблагодарность».

Юрик забыл от волнения, что паспорта мы засунули под его солнцезащитный козырек, кинулся лапать себя по груди и боковым карманам. Видя, что ситуация уходит из-под контроля, правой рукой я достал документы, а левой довольно сильно ткнул Юрика в бок. Он мученически скривился, но дергаться перестал.

Протянув паспорта погранцу, я понял, что тот заметил дерганья Юрика, и попытался успокоить поляка:

— Водители вечно заторможенные попадаются. В прошлый раз один умник чуть машину не разбил, а этот, — кивнул на Юрика, — вообще безголовым оказался.

Поляк понял, что в машине едет босс с водителем, и потерял к нам интерес. Водителя, особенно новичка, он еще мог бы «опустить» долларов на десять-двадцать, а с боссом такой номер не пройдет. У того (это у меня, значит) все расписано: что, где, куда, кому, когда и тем более — почему, зачем и сколько.

Юрик наконец-то поймал первую передачу, и мы покатили к месту досмотра.

Тут же подскочил пан номер два и с ходу врезал еще не отошедшему Юрику:

— О, дружа, самохад твой, здаецца, новы. На дагляд, дружа, на дагляд![1]

— Что ему надо? — обратился почему-то ко мне Юрик. Бедняга уже ни русского, ни белорусского не понимал.

— Так, — устал я от дерганий своего неопытного водителя. — Умри! — И, повернувшись к пану поляку, добавил: — Няма праблем. Адну хвілінку[2]. — Открыв дверь, вышел из машины. — Усё ў парадку, — подбадривал уже заодно и себя. — Вось тэхпашпарт, а вось і мае паперы[3].

Взяв документы, пограничник помахал ими, словно погрозил мне пальцем:

— Ад вашых дакументаў залежыць, колькі гадзін, а мо і сутак вы тут пратырчыце[4] (по-белорусски, как вы, наверное, уже заметили, поляки еще кое-как говорят).

«Не пратырчым», — спокойно рассудил я, имея в виду, что не зря же вкладывал в паспорт новенькую десятку.

Как и ожидалось, минут через пятнадцать активный и принципиальный выискиватель краденых машин вернул документы, и мы двинулись на таможню.

Я все никак не мог успокоить трясущегося Юрика и решил воздействовать на него более жестко:

---

[1] О, друг, автомобиль твой, кажется, новый. На досмотр, друг, на досмотр (*бел.*).

[2] Нет проблем. Минуточку (*бел.*).

[3] Всё в порядке. Вот техпаспорт, а вот и мои бумаги (*бел.*).

[4] От ваших документов зависит, сколько часов, а может, и суток вы тут проторчите (*бел.*).

— Если сейчас же не прекратишь дергаться и погранцы начнут рыть машину, я тебя убью! Твоя трясучка сделает нас нищими. Ты понял? Нет? Наши дети будут голодать. Твой Сережка будет го-ло-дать! Дошло? И тот громадный «Lego», что ты ему купил, даже не увидит. Заберут Сережкин конструктор. За долги заберут.

При мысли, что сын не дождется того, о чем мечтал весь первый трудный школьный год — как сказала по телефону жена: «Не спит и ночью — ждет этот чертов “Лего”», — Юрик наконец взял себя в руки и уже почти спокойно сказал:

— Санек, прости. Нервы. Понимаю: подставляю, но сделать с собой ничего не могу. Страх парализовал...

— Ладно, ладно, главное — успокойся, не дергайся. Тут и без тебя забот хватит.

Польский таможенник учуял добычу и направился к нам. Шел медленно, выдерживая паузу.

«Прошитый, — понял я сразу. — Такой кровушки попьет. Начнет: “Дзе пан рахункі (чеки значит) схаваў?”[5], а закончит: “Ну, гэта вывозіць нельга”»[6].

Перестраховавшись, я добавил к вложенной в паспорт десяточке еще одну и вышел навстречу поляку.

— Естэм бізнесмен[7], — стукнул ладонью себя в грудь. — Усё ведаю. Няма праблем[8]. («Так уже и няма», — мелькнуло в сознании, но я быст-

---

[5] Где господин спрятал счета? (*бел.*)

[6] Ну, это вывозить нельзя (*бел.*).

[7] Я бизнесмен (*поль.*).

[8] Всё знаю. Нет проблем (*бел.*).

ренько отогнал эту вредную мыслишку.) Вось, калі ласка, дакумент[9].

— Давай, давай, паглядзім, ці добрыя ў цябе паперы[10].

Таможенник (как Юрик потом посчитал: пан номер три) взял паспорт и, немного отойдя от меня, обращаясь к собрату, добавил:

— Смелы, сам сустракае. Бачыш?[11]

Пан номер три раскрыл на секунду паспорт, улыбнулся, закрыл его и благословил:

— Так, добрыя дакументы, едзь да сваіх[12].

Уже садясь в машину, я услышал от Юрика:

— Смотри ты, без баксов отпустил. Не понимаю...

— Дурачок, от страха ты просто ничего не видишь, — продолжал я уже более спокойно давать Юрику бесплатные уроки. — Баксы они прячут быстрее, чем картежник карты...

Наши встречали нас по-нашему:

— Ну, что там у тебя, рассказывай, не стесняйся, здесь все свои.

— Да так, — начал я уклончиво, — по мелочам.

— Мелочи я люблю, — сказал наш. — Мелочь к мелочи — уже, глядишь, что-то есть. Как говорится, курочка по зернышку.

«Этот вытянет больше среднего, — тут же прикинул я. — Педант. Такой хочет не только

---

[9] Вот, пожалуйста, документ (*бел.*).

[10] Давай, давай, посмотрим, в порядке ли у тебя бумаги (*бел.*).

[11] Смелый, сам встречает. Видишь? (*бел.*)

[12] Да, документы в порядке, едь к своим (*бел.*).

денег, но и нервы хорошенько подергать. Садюга, одним словом».

Я открыл заднюю дверь микроавтобуса, и таможенник с ходу засек мою подставу (я бы еще сказал — подсказку):

— А, цветочек, — указал он моими документами (почему и те, и эти любят махать моим паспортом?) на метровую пальму. — Это, дружок, провозить нельзя. Пойдешь в двенадцатый кабинет. Будешь с нашими девчонками разбираться. А с ними, скажу тебе, ох как трудно найти общий язык.

— Земляк, не губи. «Цветочек» теща-змеюка заказала, убьет ведь.

Видимо, мои слова упали на благодатную почву: наш наконец-то «увидел» меня и сказал:

— Не знаю, не знаю...

— Дружище! — понял я, что пора брать быка за рога. — За такой цветок ничего не жалко. — И, понизив голос, добавил: — Хоть двадцатки.

— О, ты знаешь, — так же тихо подхватил наш. — В школу я пошел сразу во второй класс и поэтому с числами меньше тридцати просто не знаком.

«Неужели так и проскочу на халяву?!» — не верил я, расставшись с очередными десяточками и садясь в машину.

Но нет. Конечно же, нет! Вот он, субчик, догоняет, родной.

— Слушай, земляк, так я ж боковую дверь не открывал. Забыл впопыхах. А ты рад-радехонек и не напомнил. Непорядок, земляк, непорядок.

«Да, педант. Педант и садист. Ведь мог бы сразу все проверить».

— Ну, что тут у нас? — уже с напускной строгостью спросил таможенник. — А-а, — увидел мою вторую подставу, — пивко. Баварское, ихнее, хорошее, значит. Целый ящик? Не много ли на двоих?

— Нет проблем, — согласился я. — С земляком можно и поделиться...

— Правильно, — подхватил педант. — Хлеба горбушку и ту пополам.

— Не губи, — снова включил я дурака, — дорогой же напиточек.

Про себя подумал: «Дурень ты ослоухий! Весь этот ящик тебе и предназначен. Я пива еще с первых рейсов на дух не переношу. По мне что баварское, что жигулевское — одна вода. Мою нервную голову пивом не обманешь».

Минут через пять к машине подошел солдатик и быстренько переложил в принесенный с собой черный пакет шесть бутылок «ихнего».

— Возьми и себе, — посмотрел я на явно недоедавшего первогодка и сунул ему оставшиеся полпалки «Московской сырокопченой».

Во второй раз пройдя таможню, я сел в машину и снова услышал причитания бедного Юрика:

— Нет. Больше я с тобой не ездок. Ну его в баню! Лучше снова на родной завод. Я со стороны смотрел — и то чуть не помер.

— Не дрейфь! Пока проблем нет. Смена, конечно, паршивая, однако... — я прикусил язык. Заметил, что у Юрика глаза становятся круглыми. За спиной услышал:

— Земляк, так я же забыл спросить, что ты все-таки везешь из той далекой Голландии?

«Вот, наконец-то, а то уж действительно губу раскатал, размечтался, что на одних десятках проскочу. Сразу ему двести бахнуть или со ста начать?» — быстро прикидывал. Вслух сказал:

— Дружище, как земляк земляку (говорил смело: ведь немного подмазал, подстелил, так сказать, соломки), скажу честно: машина одним мусором забита. Есть только две новые вещички, два таких небольших ящичка, — приподнял за угол (так, чтобы видел только он) подобранное на одной из улиц Кельна почти новое пуховое одеяло.

— О, так это же вроде телики. И большие какие-то...

— Да, большие, но не фирменные — «Sony» там или «Panasonic». Так, «плазмотроны». Китай, одним словом...

— А-а, — затянул таможенник.

— Сто, — попытался остановить я его аканье.

— Ну-у, — перешел он на другую тональность.

— За каждый, — пришлось мне уточнить.

— Как все-таки везет некоторым, — сразу же загорелся земляк. — Представь, что было бы, если бы тебе попался не я, земеля твой кровный, а какой-нибудь иуда.

«Ты он и есть», — подумал про себя, а вслух схамелеонил:

— Встретить своего всегда приятно.

Пройдя в третий раз таможню и в очередной (не помню, какой) раз сев в машину, я снова услышал стоны:

— Могила! Все! Из дому больше ни шагу. Приеду — и сразу же на завод! Сразу же!

— Заткнись, утомил! Умирать будешь потом. Двинулись! Видишь, погранец машет. Небось, тоже пива хочет.

Вскоре вдобавок к пиву пришлось расстаться и с последней десяткой.

Вообще-то *это* стоило пятерку, но купюрки такой не оказалось и пришлось повысить ставку. С тех пор, между прочим, ставка такой и осталась, и мало кто знает, кем она невзначай была удвоена. И слава Богу, а то б разделали друзья-товарищи шикующего коллегу под орех.

Машина наконец-то вырвалась из «зоны раздевания», и Юрик, немного отойдя от «кошмаров», потихоньку начал показывать свое мастерство водителя-аса (для чего, собственно, я его и взял: после таможни могли объявиться еще одни «проверяльщики» — с большой дороги). На ближнем свете он держал положенную сотку и что-то насвистывал. Отходил наконец от трясучки.

— Слушай, Юрик, — настала очередь уже мне поволноваться, — сдается, не хочешь ты доставить меня целым к змеюке-теще.

Юрик впервые за всю поездку рассмеялся:

— Какая же твоя Ольга Владимировна змеюка? Добрей человека на всем белом свете не сыскать!

Юрик смеялся. Он не знал, что кошмар еще не закончился, что таможня еще не дала окончательное добро. Впереди было притаможенное ГАИ, но я не хотел его расстраивать.

Он дохохотался почти до слез, но махнувшего жезлом невесть откуда (как Юрику показалось) вынырнувшего гаишника все же увидел.

— Что везем? — послышался нормальный для здешних мест вопрос.

— Пиво, — ответил я, выходя из машины. Чем ближе контакт-общение, тем большая вероятность, что он хорошо закончится.

— Пиво — это хорошо, — констатировал гаишник, глядя на задний номер машины. — О, земляки! Что ж, пиво так пиво.

Уже глубокой ночью притаможенный гаишник откупоривал последнюю бутылку «ихнего». «В ночной смене есть свои прелести, — рассуждал, похмеляясь, — днем так не расслабишься».

В это же время на одном из отрезков трассы Брест — Москва катамараном, словно склеенные, летели две машины. Несмотря на коварную от выпавшего первого снега серебристость дороги, микроавтобус держал свои максимальные сто шестьдесят, но прилипшая к нему слева синяя «девятка» уступать не хотела. Казалось, схватившиеся в этой смертельной гонке сумасшедшие явно поспорили, кто скорее попадет на небеса. В мгновение ока они промелькнули мимо бензоколонки, и вышедшая подышать свежим воздухом ее хозяйка сначала замерла, потом ахнула и перекрестилась:

— Господи! От недосыпания уже летающие автобусы мерещатся.

А за многие километры от растаявшей в ночи бензоколонки, в двухкомнатной хрущевке, в маленькой, еще детсадовской кроватке не спал второклассник Сережка. Мальчишке почему-то казалось, что пока он не спит, борется со сном, сказочный «Lego» приближается к нему. И Серега держался как мог. «Не спать, не спать, не спать», — снова и снова подсказывала и этим помогала одолевать сон его недетская интуиция. И он все тер и тер пальчиками слипавшиеся глаза. Мать сердцем чувствовала, что ребенок не спит, но подойти, убаюкать его не решалась. Боялась, что и в темноте Сережка разглядит ее заплаканное лицо.

Покореженная левая дверь микроавтобуса подсказала стоявшему в бронежилете на въезде в столицу дежурному по КПП, что с этой машиной не все в порядке. Махнув светящимся жезлом, он одновременно взялся за автомат. Водитель микроавтобуса притормозил и, когда гаишник направился к нему, взглянул на сидевшего рядом пассажира.

— Все нормально, Юрик. Отдохни. Что мог, ты сделал, теперь — моя очередь, — успокоил водителя его товарищ.

Направляясь к машине, лейтенант неожиданно приостановился: по рации передавали сообщение, и он решил, что сидящим в микроавтобусе слышать его не обязательно: «Синие “жигули” ВАЗ-2109 госномер ... не доезжая ... километров до поселка ... на мосту ... со скоростью, значительно превышающей ... вылетели на полосу встречного движения, врезались в металли-

ческое ограждение, пробили его и упали в реку...»

Лейтенант понял, о какой синей «девятке» идет речь, и, выключив рацию, подошел к машине:

— Куда, мужики, путь держим?

— Домой, командир, только домой, — ответил ему сидевший рядом с водителем. — Попутешествовали, и хватит. Как говорится, хорошего понемножку.

— Вы не совсем правильно меня поняли, — уточнил гаишник. — Я хотел спросить, в какой район едете? Машина, вижу, минская.

— На Железнодорожную, — честно выпалил водитель микроавтобуса.

— А-а, ясно, — кивнул лейтенант. — Только вот вид у вас какой-то, знаете...

— Знаем, товарищ лейтенант, знаем, — мягко перебил гаишника пассажир, — как-никак третьи сутки в пути.

— Да вижу, вы будто пьяные — хоть «трубочку» доставай. Ладно, езжайте, смотрите, перед домом не разбейтесь, вдвойне обидно будет, — и лейтенант махнул им светящейся палкой.

Подождав, пока микроавтобус отъедет, он снова включил рацию:

— Четыреста двадцатый?

— На приеме.

— Сто шестой. А ты сейчас где?

— Там, где и был, а что?

Сто шестой немного помедлил с ответом, но, вспомнив о выговоре и написанном вследствие этого рапорте на увольнение, сказал:

— Минут через пять мимо тебя проследует микроавтобус «Мицубиси», так ты его не трогай, пусть ребята едут себе спокойно.

— А что за ребята такие, что трогать нельзя?

— Хорошие, четыреста двадцатый, хорошие. Да, кстати, чувствую, ты от машины отходил.

— Тормознул тут одного. А что?

— Интересную новость прозевал.

— Это какую?

— Да так. Думаю, о банде Боксера ты больше не услышишь.

— Боксера, из-за которого тебя... Почему ты так решил?

— Интуиция, мой друг, интуиция.

ФАРЦ

Фарцовщик. Сокращенно — фарц. Слово когда-то известное. Но невезучее: мелькнуло в истории — и кануло. Недавно мелькнуло и давно кануло. Как и те, кого так называли.

Фарцовщик Саша умирал от тоски и безысходности. Умирал от желания умереть. И топил это желание в алкоголе. Эти пятнадцать лет свободы оказались для него роковыми. Он не смог приноровиться к быстрым играм «новых русских». Он любил классику. Говорил: курочка по зернышку. Слетал в «плохую» капиталистическую Швецию (попасть туда само по себе было подвигом), обменял сумку с водкой, шампанским и икрой на два-три видика, десяток уокменов и стереофонический «Саньо», вернулся, скинул их по-быстренькому в полтора раза дешевле, чем в комиссионке — и снова покупай «приглашение» и лети в очередную капиталистическую.

Теперь — другие времена. «Новые» норовят продать вдвое дороже, чем купили. Продать и сделать все, чтобы не поставить товар, не рассчитаться, исчезнуть, смыться, забыть о долге. Есть и нормальные «новые». Но и они, если ты вдруг на день-два, пусть и не по своей вине, опоздал с доставкой товара, разберутся с тобой по полной программе. Устроят такую трениров-

ку нервной системе, после которой восстановить ее будет очень-очень сложно.

Забежал друг, когда-то обладатель одной из самых богатых в Союзе коллекций — несколько тысяч — фирменных виниловых пластинок, каждая из которых стоила тогда половину зарплаты пролетария. В те добрые старые времена ему удавалось слушать пинкфлойдовскую «Стену», когда сей, впоследствии суперзнаменитый двойник еще не поступил в продажу в той стране, где печатался. Когда-то торгаши слушали музыку и держали в руках альбомы «Цеппелинов», «Паплов», «Саббатов», «Фанков», «Слейдов», «Назаретов» и прочих «Хипов» или «Свитов» раньше самих англичан.

Саша посмотрел на друга, как в зеркале увидел в нем себя — и отвел глаза. Не хотелось жить. Хотелось выть. Выть на небо, на несправедливый нейтралитет Всевышнего. Теперь и представить невозможно, что когда-то у подъезда, в котором находилась квартира этой персоны, сутками дежурили таксисты. В ресторане, куда персона соизволяла зайти покушать, официант знал: если вдруг — ну вдруг! — он останется без работы, то после того, как персона отобедает, в ближайшие месяц-два с голоду не умрет. И ходила персона с огромными суммами. Денег не скрывала и никого не боялась.

Теперь персона боялась всего. Превратилась в тряпку. Дрожала. Просила. Исчезла. Но больше всего она боялась друга. Боялась, что тот откажет, не даст этих злосчастных двадцати долларов, которых, если экономно, ему хватит, чтобы забыться дня на три. Он не знал и не видел,

или не хотел знать и видеть, что его друг давно такой же, как он, и для него эта сумма тоже ой какая немалая.

Правда, Саша старался держаться, не падать духом. Ежедневно бегал, принимал душ, читал ликующую перестроечную периодику, следил за новинками. Новый альбом Маккартни недавно записал. Радовался, что Вейкман после долгого молчания объявился. Что Дилан по-прежнему не сдается. Что не спят Бенсон со Стюардом, и Плант с Блекмором. Боуи снова в кино снялся... «Сражается старая гвардия, — вздохнул Саша, глядя на себя в зеркало, — не в пример нам, зацикленным, затюканным советикусам». Аккуратно носил купленные когда-то эксклюзивные вещи. «На них теперь не заработаешь, даже если умрешь от перенапряжения, — информировал жену, прося включать стиральную машину в щадящем режиме. — Хорошо, что тогда покупал все фирменное. Фирма́ и спустя годы отвечает».

«Где же найти для Стаса эти проклятые двадцать долларов? — ломал голову Саша. — Что их у меня нет, он, безусловно, не поверит, и в одночасье я превращусь для него из друга в заклятого врага».

Думай, отставной фарц, думай!

Сегодня понедельник, на рынке выходной, и сосед дома. Отдыхает. Бывший слесарь, потевший когда-то от волнения, если для него записывались в этой квартире доводящие до сексуального возбуждения «Бони М», «Оттован» или «Чили», стонущая от избытка чувств Донна Саммер, взрывавший низами акустику и легкие «Супермакс» или антимосковский бандитистый

«Чингисхан», давно владел этими максами и ханами. Ханами Стаса. Закладывая каждый раз за бесценок «до завтра» «Битлз», ставших классиками в возрасте студентов, или джаггеровский «языкастый», но строго выверенный «Стоунз», отравившегося наркотой первую рóковую гитару мира Хендрикса или разорвавшуюся в напряжении связок и жизни Джоплин, Стас постепенно лишился своей знаменитой коллекции. Позднее за бесценок полетела уникальная даже по теперешним временам аудиоаппаратура: эквалайзер с анализатором спектра и корректором акустики комнаты тогда еще крепкой японской фирмы «Сан Суй», двухблочный, стоимостью в несколько иномарок усилитель знаменитого американца «Марка Левинсона», профессиональная акустика от английских джентльменов Бауэра и Вилкинсона, дека от невызывающей вопросов легендарных умельцев из «Накамичи», аналоговый проигрыватель высшей группы сложности цепких немцев из «Дюала». За техникой настала очередь последних запасов — видеокассет с лазерными копиями и видеодисков. Позже с молотка ушла коллекция французских духов жены, платья от Коко Шанель и других непотопляемых.

Теперь у Стаса для слесаря, а точнее, для владельца сети коммерческих киосков, стоявших у входа на центральный рынок столицы, ничего не было, и он пришел к Саше. Деньги Саша должен другу найти, иначе станет ему врагом. Не выручивший сосед или знакомый — это просто тот, кто не дал: жмот, скупердяй. Не выручивший друг — это предатель, кровный враг, иуда.

Саша не хотел быть Стасу кровным врагом, не хотел быть иудой.

Вспомнил. Жив еще последний из могикан — любимый радиоприемник, один из первых цифровых «Sony». Когда-то высшая модель в каталоге. С нее каталог начинался. Даже сейчас, спустя полтора десятилетия, ее никто не превзошел. Появились меньшие по габаритам и весу, но не лучшие по качеству.

Все эти годы приемник простоял в спальне и стал полноправным членом семьи. Сначала — свидетелем счастливых мгновений зачатия, потом — страстных сцен ревности, теперь — бессонных ночей поставившего на карту все и проигравшего, точнее — не ставшего играть. Любимца лелеяли, накрывали махровой салфеткой, берегли, жалели. Включали только перед сном: что там, на «Свободе», о самой свободной говорится? Потому и сохранился он в идеальном состоянии.

Интересно, возьмет ли Витек, неугомонный бизнесмен и баловень судьбы, аппарат, стоивший семьсот долларов, за десять?

Другу сказал:

— Ладно, подожди. Сам понимаешь, сейчас деньги дома хранить — что бандитов на чай приглашать.

Войдя в спальню, Саша увидел родимый «Sony». За эти годы тот стал ему вторым отцом, первым учителем, младшим братом. И сейчас он должен своего брата продать. Саша посмотрел на приемник, помедлил, успокоил себя: он выкупит, он обязательно его вернет. Любой ценой!

Нежно протер «соньку», блок питания от нее, достал с нижней полки шкафа внушительное, толщиной с добрую книжку, руководство по эксплуатации, прилагаемый к нему справочник частот ведущих радиостанций мира, сложил все это в дипломат и отправился к соседу. Шел, как на плаху. В тридцатиградусную сонную июльскую жару тело пронизывал холод когда-то чуть не заморозившей его Сибири.

Дверь открыла Светлана, жена бизнесмена, бывшая уборщица ЖЭСа, а теперь заядлая посетительница бутиков, массажных кабинетов и других хороших мест для здоровых и богатых.

— Светка, твой дома? — попытался Саша спросить соседку по-свойски, но стушевался. Нахлынул французский туман, и у бывшего короля видеоаппаратуры язык прилип к небу. Получился не вопрос, а просьба. Последний флакон духов у жены закончился год назад. «А Франция остается Францией, — подумал Саша, — гипноз, а не запах. Не сдается старая гвардия. Не сдается».

— Как все утомили, — недовольным голосом заведующей колбасным отделом времен бровастого коллекционера побрякушек Леонида Ильича встретила его соседка. — В выходной отдохнуть не дают. Виктóр (сделала ударение на втором слоге) занят! — соседка собралась закрыть дверь.

— Свет, кто там? — услышал он голос слесаря-бизнесмена. — Сашка? Пусти парня. Пусть тащит, что приволок.

— Проходи уж, — бросила Света, нехотя отпуская дверь. — Мертвого уговоришь. Тапки сними. Виктор в спальне.

«Бедный мой “Сонечка”, — подумал Саша, входя в белоснежную опочивальню. — Не спросясь выдернул тебя из насиженного местечка. Здесь тебя, сдается, ни разу и не включат, не побеседуют с братишкой».

В спальне Саша увидел, как по голому телу Витьки-бизнесмена прохаживалась массажистка, высокая, в прозрачном халате без нижнего белья, сочнотелая блондинка. Витька, кряхтя от кайфа, бросил отрывисто:

— Выклад-дывай свои безделушки. Может, чо пригодится.

Сашка подошел к соседу и протянул ему «Sony».

— Часы, что ли? — хмыкнул, гадая, Витек.

— Приемник, — ответил Саша, начиная злиться на это безграмотное, довольное жизнью существо. — Вот написано: «All band Receiver» — всеволновой, значит. Но часы и таймер в нем тоже имеются.

— Сколько? — отреагировал хваткий владелец киосков.

Мгновение подумав, Саша назвал цену чуть выше суперхалявной, по которой сосед все в основном и покупал:

— Семьдесят...

— Ну ты даешь! — не дослушав, оборвал Витька. — Дурака ищи в другом месте. Тридцать! Потолок!

— «Sony» оригинальный, японский, не какой-нибудь малайзийский филиал — объяснял Саша. — Таких теперь раз-два и...

— Правильно! — снова перебил его Витек. — Теперь — не тогда! Пятьдесят! Последнее

слово. Полтинник! И рублями. Все! Торг закончен, — сжег сосед последний мостик, связывавший Сашу с той другой, активно-застойной жизнью. — Светка, неси капусту! Санек меня снова обул.

Получив деньги и отдав соседу приемник стоимостью в семьсот долларов за пятьдесят рублей, Саша пожелал ему дальнейшего процветания и ушел.

Уже подходя к своей квартире, подумал: «Только бы Стас глупость какую не упорол и не украл, пока меня не было, что-нибудь из дорогой посуды, до продажи которой я пока не докатился. Ира исчезновения ее талисмана, последнего символа той, почти забытой жизни, не выдержит».

Но волнения его были напрасны. Даже в нынешнем бедственном положении Стас чужую посуду красть бы не стал. Пропить свое кровное — да. Но чужое... Он же бывший фарц, а не вор! Да, Стас не крадет — и погибает.

Отдав другу пачку рублей (два червонца «ихними»), Саша проводил его и, вернувшись, присел на раскинувшийся на ползала, местами уже потертый, но все еще шикарный кожаный диван. Вздохнул.

— Старик, — обратился к дивану, — что будем делать дальше? Может, хватит бездействовать, катиться в пропасть нищеты, апатии? Сдается, пора подумать, как далеко я зашел в нежелании принять новые правила игры.

Саша размышлял. Прикидывал. Куда направить усилия, знания, опыт? Да и с чего начать? Кинуться в бой самому или пойти в услужение?

Нет, лакеем он никогда не был! Но и от боев устал. Может быть, поэтому теперь и не в обойме. Да, он устал. Пятнадцать лет борьбы за достойное существование... Устал...

Саша расслабился, забылся, уснул.

Снился сон.

Индия. Они взлетели. Выбор товара, его закупка, загрузка и последняя остановка перед финальным прыжком в нашпигованном кондиционерами Бомбейском аэропорту — все позади. Ему за сорок, а вынужден толкаться с молодыми ребятами. Но ребята работящие, дружные, веселые, чем-то родные. Он сошелся с ними, ожил, стал улыбаться. Впервые за последние годы почувствовал себя человеком, действующим человеком, работающим, сражающимся, живущим.

Наконец-то!

Их двенадцать. Двенадцать челноков, готовых верой и правдой или без них прорваться, пробиться, проскочить, доставить, заработать, кормить семью, жить и снова прорываться.

Он стал одним из них. Людей вне государства и закона, вне защиты и истории. Немытых, трехжильных, рискующих, вынужденных скитальцев-путешественников, камикадзе, искателей удачи.

В этот раз удача их покинула, бросила, предала.

Сразу после взлета заклинило двигатель, за ним — второй. Он вспомнил слова одного из пилотов, обращенные к экипажу перед взлетом: «Ребята, давайте отложим свой товар на следующий рейс. Мы же не челноки, нас время не душит. Шесть тонн перегрузки».

Да, перегрузка.

Он взял больше нормы, больше, чем мог нести. Он хотел догнать годы. Годы простоя, бездействия, отчаяния. Он не осилил. Не смог. Не выдержал. Сломался.

Самолет сломался. Падал. Погибал.

Саша выдохнул, расслабился, закрыл глаза.

«Все. Финиш. Устал. Устал сражаться с жизнью. Устал навсегда».

Раздался взрыв.

Горел самолет, горел дом, на который самолет упал, горела его судьба.

Он не знал, что сон окажется вещим. Проснувшись, пообещал жене:

— А «Sony» я обязательно выкуплю, вот увидишь.

Но она не увидела. Она спала. Вчера были его похороны, и она очень устала.

БОНУС-II

ПАРА ПУСТЯКОВ

100 марок. Сто. Ровно столько в конце восьмидесятых — начале девяностых требовалось отжалеть за «гостевое приглашение» в Германию (тогда с трепетом и гордостью добавлялось: Западную), спокойно брать билет на поезд-мечту «Москва — Берлин» и махать стране ручкой: «До нескорой встречи, дорогая!»

— Мы пойдем другим путем! — по-ленински наставлял меня старший товарищ, уже успевший побомжеваться у капиталюг ненасытных. — Вдвое более дешевым! Главное — добраться до Згоржелец (это чуть севернее треугольника — стыка границ Польши, Чехии и Германии), а дальше пара пустяков...

Пустяки оказались совсем не пустяками, и было их совсем не пара... Такая не пара, что и теперь, спустя годы, при упоминании о том Згоржелецком треугольнике сердце с ритма сбивается.

Знакомого поляка, «специалиста по безвизовому пересечению границ», товарищ не застал — покатил пан, как у нас говорят, в места не столь отдаленные, а его недурак-сосед и кореш по эмигрантскому бизнесу таксу удвоил.

— Тяжелые настали времена, опасные, хватать полицаи кинулись нашего брата. Двести «дойчев», не меньше, стоит нынче удовольствие

попасть на ту, Богом не забытую сторону, — успокоил подлец нас — как зарезал.

Дело было к вечеру, а там, глядишь, и ночь не за горами. Повздыхали мы, повздыхали, да и подвязались на сию идиотскую авантюру. (Заплатили столько же, сколько стоит виза, а идем без нее, родимой.)

Граница — река. Грязная, но выбирать не приходится. Пересек, переплыл ее — и ты там, за Кордоном. Да-да, с большой буквы. С малой — это ежели бы речь шла о Поляндии. Сами понимаете: курица — не птица, Польша — не заграница.

Вплавь, как Чапаев, мы в речку не кинулись, зато довелось по-обезьяньи карабкаться по ржавой арматуре то ли недостроенного, то ли полуразрушенного железнодорожного моста.

На удивление, сошло.

Тихо, почти не дыша, протопали и половину Гёрлица (тот же Згоржелец, но с немецкой стороны). Не узрели нас полицаи и на местном, разрисованном свастикой молодыми продолжателями дела Адольфа, вокзальчике. И покатили лихие парни в центр Европы без штампиков-виз в паспортах, хотя за них вроде бы и заплатили.

Сэкономили.

И еще впереди меня ждала ситуация, когда на востоке Голландии, в тихом буржуйском Арнхеме (самый закоренелый бомж-бездельник здесь фруктозой напичкан плотнее, чем любой наш хваленый сильно грамотный, без меры эрудированный суперинженер), я останусь один с двумя накануне купленными автомобилями (товарищ залетит в тюрьму за уличную торговлю си-

гаретами) с суммой, которой едва хватало на заправку одного.

И еще впереди меня ждала ситуация, когда брестский таможенник вылезет из будки подивиться на клоуна, который один две тачки через границу просунуть пытается. И сжалится. За символическую плату (блок «Мальборо» — последнее, что осталось из вещей товарища, свои два разрешенных для провоза я поменял у старшины ограниченного совконтингента на солярочку) он произнесет заветную фразу:

— Езжай, артист, но не сейчас, дождись утра: по ночам пацаны на дорогах шастают, обидно будет залететь на финише.

Но не стал я ждать утра. Погнал в ночь «Форд», а с рассветом вернулся за «Опелем».

И приехавший из Германии спустя два месяца, посвежевший, словно из санатория, но с пустыми карманами и невъездным штампом в паспорте товарищ, забирая у меня ключи от «Опеля», скажет:

— Жаль, не присутствовал. Я за полблока границу проскочил бы. Ну да ладно, в следующий раз лучше сработаем. Кстати, пока в каталажке сидел, надежные люди ценной информацией снабдили: теперь выгоднее машины на Ближнем Востоке покупать, в Арабских Эмиратах. Здесь главное — чтобы при перегонке на территории Ирана не подстрелили, а дальше — пара пустяков...

ДЕВЯТЬ СУТОК И ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Отъехали от Омска километров двадцать, асфальт пошел вперемешку со снегом и льдом, и сидевший за рулем Азик — так звали присибиревшегося азербайджанца — вдруг громко, будто ему в шею впилась змея, завопил: «Ва-ай!» — и резко затормозил. Машину понесло юзом, но передний привод справился, удержал ее на дороге. Остановилась «восьмерка» за какой-нибудь шаг от обрыва. Поначалу заикаясь, шофер признался:

— Вод-дитель я, с-сам видишь, никакой, даже н-не знаю, как в твоем «зубиле» задняя передача включается. Подвязался на непосильное для себя дело из-за жены. Неделю назад снова подняла хай и заявила, что больше не потерпит в квартире дармоеда. Человек я простой, но ситуацию понимаю, согласен и готов на все. Можешь избить меня, если тебе от этого легче станет, только отпусти: отсюда я домой еще на своих двоих доберусь.

Такой вот веселый сюрприз мне преподнесли в начале пути длиной в две с половиной тысячи километров. И что было делать? Вышвырнуть обманщика из салона и остаться одному? А если машина, набитая под завязку аппаратурой, в дороге сломается? Кто останется

ее охранять и кто побежит искать подмогу? Что же делать? Да ничего! Оставить гада в машине, хоть сторожем, хоть...

— Глуши мотор, поговорим, — приказал я горе-водителю. — У меня тоже есть жена и дети. Но с тобой мой компаньон Женька Бендеров вперед рассчитался, и твои в ближайшее время от голода не зачахнут. А мои — зачахнут. Вчера у них закончились и продукты, и деньги, и теперь я уже не представляю, у кого жена будет занимать. У соседей брала, родители сами в помощи нуждаются. Так что про «отпусти» — забудь! И намотай на ус: не дергайся и не вздумай отойти от машины даже на шаг. Будешь грузчиком, штурманом, не знаю кем, но — поможешь добраться. Теперь — вылезай, поменяемся местами. И перестань трястись! Возьми из бардачка атлас дорог. Прикинь наш дальнейший маршрут. Не так уж ты туп, коль челнока за нос провел. И не смотри на меня — я не красна девица.

Азик взял атлас осторожно, словно ему подсовывают отраву. Я пришел в ужас: «Может, он еще и неграмотный? Влетел так влетел! По полной программе. Что ж, не впервой, будем биться до конца».

И я начал биться, вернее — бить. Я хлестал его по рябой небритой морде, тыкал носом в карту, кричал:

— Ты у меня в два счета грамотным станешь, мигом проснешься и начнешь помогать!

Лишь хлынувшая у него из носа кровь охладила мой пыл. Я дал ему губку для протирания

стекол. Он приложил ее к лицу. Не просился, молчал — видно, решил, что лучше не испытывать судьбу. Понял, что я не шучу и в срыве могу пришибить.

Так начинался первый день моего «путешествия» из Омска в Минск. Впереди их было девять. Девять суток тотального гололеда при минус тридцать восемь за бортом и с бандитами или временами ментами (дающими бандитам — но не мне — передохнуть) на хвосте.

Девять суток, отнявшие девять лет жизни.

Нормальная для челнока статистика.

ВЛАДИВОСТОК — САМЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, или ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Знают ли уважаемые господа город, в коем, если обратиться к местной мадамс и, с улыбкой-намеком игриво вскинув брови, поинтересоваться: «И сколько?» — вам не зададут встречного вопроса: «Чаво?», не кинутся уточнять, как долго вы намерены пользоваться имеющейся в виду услугой, и уж тем более не плюнут в лицо и не врежут по наглой морде? Вам бесконечно томно улыбнутся и по-заговорчески чуть слышно озвучат цифру. Даже две: за час и за ночь. Цифры будут скромными, не испугают: скажем, тридцать и пятьдесят тех самых условных единиц. Но главным и наиболее удивительным окажется то, что обслужат вас по высшему разряду. Высшему! Вы не услышите: «Так — не хочу!» или «О-о, хитрец, за *это* — отдельная плата!». С вами будут с удовольствием, выжмут из вас все соки — даже те, о наличии которых вы и не подозревали.

После столь качественного обслуживания останется только охать и ахать: где это вы раньше, на какой такой забытой Всевышним планете маялись, в каком каменном веке пребывали? Насколько же далеко до этой планеты вашим

жене и любовнице! Вы наконец-то поймете, что именно так угнетало вас. Но главное — вы узнаете, что такое Владивосток. Самый бандитский город бывшего Советского Союза. Государство в государстве. Бандитское государство. Ибо как по высшему разряду вас обслужат местные гейши (а это в той или иной степени, считай, все здешние *women*), так же по высшему разряду вас вычистят местные гривастые ребята.

Из аэропорта после тщетной попытки улететь мы вырвались только чудом. До железнодорожного вокзала добрались на грузовичке «Хлеб». С накупленной в местном ГУМе дефицитной японской электроникой подкатили с тыла и дежурными бандитами, охраной, как они себя величали, были замечены не сразу и коечто успели.

— Два против восьми. Не самое худшее соотношение, — прошептал мне Женька Бендеров, когда пересчитал кавказцев, перекрывших нам подход к железнодорожной платформе.

Я был с парнем согласен: «Первая попытка прорваться оказалась неудачной. Но попытка — не пытка (хотя, как сказать!), повторим. Чтобы вырваться из лап хозяев Владивостока, пупок придется напрячь».

— Пробиваться к вагонам предлагаю перебежками, как недавно в Нижнем Тагиле, — вспомнил Женька наши последние гастроли.

«Да, перебежками», — кивнул я, продолжая следить за передвижениями маленьких узколобых чернявых шустриков. И не карлики, и не нормальные пипл. Симбиоз крысы и собаки. Носятся по платформе, как угорелые, ищут. Нас,

понятно. Тут, увы, мы с ними связаны, пребываем в одном жизненном действии. В одном, но в разных ролях. Они — охотники, мы — добыча. Мы всю жизнь для кого-то добыча: справа — милиционеры, слева — гэбисты, впереди — таможня и налоговая полиция, позади — бандиты. Хотя нет: сейчас и бандиты впереди!

Как я устал! Взять бы и перестрелять свору ненасытную. Пистолет-то прикупили. Однако перестрелять — значит пойти ва-банк, значит — сдали нервы, значит — наплевать на семью, значит — не вернуться домой, никогда не увидеть сына, Наташу...

— Ну что — вторая попытка? — окунул меня в реальность Женька Бендеров. — Прыгнули?

И мы спрыгнули на железнодорожные пути, побежали, понеслись, полетели.

Черная свора сорвалась за нами. Но трудненько им будет нас достать. Ведь их помыслы не идут дальше денег, а мы теперь мечтаем о большем — выжить! Аппаратурка-то японская в почтовом вагоне покатила...

МОСТ

Мост соединял рассеченный автобаном надвое торговый центр города. Почти круглосуточно обе половины кишели покупателями, продавцами, грузчиками, праздно шатающимися навеселе туристами. На мосту же глаз фиксировал разве что одинокие фигурки. Мост оставался не у дел. Загадка.

«Заколдованный, — мелькнуло. — И как азиаты общаются между собой, столь упорно избегая дугообразного стального красавца?»

На мост ступил с тревогой. Устрашающе длинный, он висел не только над шестиполосным шоссе, но и нырял концами в глубь бескрайнего базара.

Тревога усилилась, когда отсчитал первую сотню шагов и спиной почувствовал: я — не один. И за что Бог наградил меня этим непонятным притяжением? Стоит подойти к прилавку магазина, как у него тут же выстраивается очередь, а кто-то норовит уже и оттолкнуть, вперед просунуться. Про театральные кассы вообще слов нет: сдается, смог бы создать ажиотаж и распродать билеты на заведомую серость.

Шедший сзади обогнать не пытался, но я все же прибавил шагу: чутье подсказывало — лучше оторваться. Оторвался. Но к середине моста незнакомец снова задышал в спину.

— Ну и жарища! — как бы попридержал словом. — Вредная у нас, однако, работенка. Как считаете?

Надо сказать, интуиция редко обманывала меня. Сейчас же она просто взорвалась: «Делай ноги! И пошустрее! Не вздумай дергаться. Силы не равны. Он, конечно же, не один, весь мост у них под контролем. Но беги не сразу, а как сойдешь с моста. Лети без оглядки. Окажешься у дороги — немедля хватай такси».

«Ясно, не волнуйся, — заверил интуицию. — Будет сделано». Успокоил и прилипалу:

— Чертовы Эмираты! От жары совсем свихнулся: бабки в номере забыл. Надо возвращаться. С дурной головой ногам непокой.

Нацепил маску челнока-дебютанта: раскрытый рот, выпученные удивленные глаза (мол, крест крестом — все о’кей, не суетись, я твой, тепленький).

Он был кидала хотя и молодой, но, судя по всему, опытный, прошитый, и на мою отвлекаловку, ясное дело, не клюнул, не отцепился. Наоборот, все любовнее оглаживал взглядом сумку-кошелек, висевшую у меня на поясе. Усмехнулся:

— Я, кстати, тоже в «Карлтоне» живу. («Значит, с самого начала вели: не прочел же он сквозь рубашку на бирке от ключей название отеля».) Ого! Кажись, кошелек! Видишь?! Вот подфартило! Посмотрим, что там? Посмотрим... — он нагнулся, подхватил заботливо оброненное кем-то из его подручных светло-коричневое портмоне. — Вот так дела! — подбросил его. — Ну-ка, ну-ка... Тяжелый кошель... — Раз-

вернул. — Слушай, а бабок сколько! Халява, брат! Только чур, делим по-честному, пополам...

— Мне чужого не надо, оставь себе, — осмелел я, ощутив под ногами ступеньки, означающие близость одной из базарных улиц. Но не побежал. Внизу нас, разумеется, ждали и с моста могли просто не выпустить. — И еще, — продолжил, немного стыдясь нервического многословия, давать молодой бандитской поросли бесплатные уроки. — Что ты не челнок, ощущается сразу. Во-первых, мы никогда ни к кому не пристаем — недосуг: за три дня в десятке точек нужно отовариться. Второе — на работенку свою никогда не жалуемся: чего язык зря чесать? Не хочешь — бросай: свято место пусто не бывает и замена всегда найдется. (Про себя отметил, что насчет замены несколько палку перегнул, ибо незаменимые все же есть, но это уже другая история.) И последнее — твой фокус с портмоне, в котором, как известно, сначала найдется пара косарей «зеленых», а потом банда подлетит и в два счета докажет, что бумажник их и денег там лежало раза в три больше, — сей фокус я знал, когда ты под стол пешком ходил. А теперь — прощай! — закончил речь, ступая с моста на землю. — И бежать за мной, бывшим стайером, не надо: зря время потеряете...

Едва миновав компаньонов моего провожатого (они маячили именно там, где следовало ожидать), я ринулся бежать. Возможно, те и устремились бы вдогонку, но их одернул крик:

— Стойте, лох все равно пустой: капусту в отеле забыл. Ждем следующего.

«С чего это он такой заботливый?» — с тревогой подумалось в тот момент, но только подумалось.

Пробежав на всякий пожарный полквартала, я спешно выбросил вверх руку. Не успел отдышаться, как уже сидел в светло-коричневой с узнаваемыми во всем мире черно-белыми шашечками машине. И все бы хорошо, если бы не голос, раздавшийся сзади:

— Смирненько сиди, не рыпайся: дверь изнутри заблокирована, а дуло прямо на твою левую почку смотрит... Не ожидал? А как ты думал. Под особо шустрых — таких, как ты, — мы машину на выходе держим. Да, умник, пролетел ты, попал так попал. Не захотел наш кошелек взять — теперь мы возьмем твой... Серый! — Голос уже был обращен к водителю. — Разворачивай к мосту, прихватим пацанов — и на базу.

«Хороший город Шаржа, — думал я, парализованный новым поворотом событий, — но лучше отовариваться в Дубаях».

— Бывает и на старуху проруха, — пытался выйти из транса, а заодно и отвлечь бандита, нащупывая в кармане баллончик с оч-чень эффективной жидкостью (на себе проверил, когда покупал у знакомого гэбиста: тот долго не мог меня откачать — сам, видимо, не знал, что за вещицу продает). — Еще не вечер, господа, еще не вечер, — резко приподнялся, с разворотом освежая одеколончиком парня с пушкой.

Водитель кинулся тормозить, чтобы освободить руки и помочь дружбану. Не вышло: того по инерции подало вперед, и он хватанул порцию газа с запасом. Обмяк сразу... Машина уже оста-

новилась, но Серый, вместо того чтобы мужественно полезть в драку, выскочил и надавил на пяту. И ключи, валенок, в замке оставил. Но я дорогим подарком не воспользовался: азиаты угонщиков вылавливают — не успеешь свистнуть, а наказывают так, что потом нечем будет свистеть. Я тоже побежал — в противоположную от моста сторону. Эдак и остались при своих.

Интересный, как вам думается, мостик, а? И мне так кажется.

ОБЛАВА

— Санек, говорят, облавы по всем таможням. Ребята предлагают отсидеться день-другой в гостинице, да и аппаратура на госскладе целее будет. Нынче поговорка «Кто не рискует — не пьет шампанского» — не проходит. Не те времена. — Серый сделал глубокую затяжку, выдохнул, немного успокоился и далее нагнетать обстановку не стал. Смотрел на друга, ждал, что скажет тот.

«А когда они были те? — нервно подумал Санька. — Да никогда! Нет уж, сидеть и сходить с ума от бессилия и неизвестности — не для меня. Увольте!»

— Серега, — пытался Санька говорить все же спокойно и уверенно, — надо ехать, двигаться, уносить ноги. Облава — лишь начало. Дальше кольцо начнет сжиматься. Доберутся рано или поздно и до склада, пусть и государственного. Нужно забирать аппаратуру и рвать на какой-нибудь дальний переход. Впереди послать легковушку (чтоб еще и на халявщиков из ГАИ не нарваться), а за ней — нашу фуру. Рации, понятно, прихватим. Надо уходить, Серега! Доверься еще раз моей интуиции, она ведь пока не подводила.

— Может, и глупость делаю, но другого варианта не нахожу. Тут хоть интуиция.

Когда их фура, набитая аппаратурой так, что и палец не воткнуть, въехала на одноколейку Гераненского таможенно-пограничного перехо-

да и заняла почти всю его территорию, по ошарашенно-туповатым взглядам сельских таможенников Санька понял: на этот раз на его жизненном пути судьба поставила барьер особой прочности. Эти сонные мухи в сером максимально растамаживали разве что свинью, да и ту разделанную. И этим страшны. Они не познали сладость обладания зелеными купюрами и, значит, в своей тихой деревенской жизни рассчитывали исключительно на продвижение по службе.

Начальник пункта-вагончика выбежал, схватившись за голову:

— Это что? Это от-куда? Это за-ачем?

Бедняга заикался.

«Когда увидит, что внутри, дар речи потеряет. Впрочем, это не так уж и плохо. Мы его для начала дорогим винцом отпоим, потом бумажки нужные в кармашек засунем. Главное, чтобы в центр не кинулся звонить — экспертов по аппаратуре вызывать. Эти вампиры до трусов способны раздеть, глазом не моргнув, а то и кожу снять не напрягаясь. Эх, куда меня понесло. Так и на самом деле можно беду накаркать. Собраться! Забыл, чем рискуешь? Забыл, как семья после прошлогоднего влета на Брестской таможне полгода черным хлебом да капустой питалась? Забыл, что еще и теперь при виде тех салатовых качанчиков внутренности выворачивает? А ну-ка, нюхни черной корочки, может, память-то и освежишь»!

Санька вскочил, словно ему в нос нашатырем брызнули. Спрыгнул с кабины и двинулся навстречу судьбе и начальнику Гераненского перехода.

И правильно сделал: вода камень точит, а вот под лежачий не течет.

И ВОТ ОН ВЕРНУЛСЯ...

Бензин закончился ночью в минутах езды от дома. Бензин не мог не закончиться: судьба не хотела отпускать его вот так просто, не попытав напоследок и в родном городе.

Дремавший за рулем таксист за буксировку запросил столько, что если бы у челнока был пистолет, он тут же крохобора застрелил бы. Но пистолета не было, и челнок, сжав зубы, согласился. Это был тот случай, когда с первых шагов (а масть в эту поездку не пошла сразу) он решил пробиваться любой ценой. Любой!

«Интересно, — усмехнулся вяло, — я в минусе или хоть что-то на жизнь осталось? Впрочем, теперь такие времена, что не выпасть из обоймы — уже достижение».

Таксист дотащил его «восьмерку» до подъезда. Прикинув, что спросонья заломал сумму, раз в десять превышающую тариф, без нытья помог втащить товар, личные вещи. Поблагодарил и исчез.

Челнок перекрестился: вроде все тихо, жену не разбудил. Пусть отдыхает — и так перенервничала, бедняжка: шесть суток ожидания. Встал под душ. Включил горячую воду. Согревался. Почувствовал, что от нахлынувшего тепла засыпает. Вышел. Вздохнул. Что-то сердце покалывает. Не впервой... Присел. Так лучше. Посмотрел

в окно. Взгляд скользнул на стену, потолок — челнок терял сознание...

Утром, когда жена вызвала «скорую», он уже не дышал.

«Что же ты, что же?» — стонала она, обнимая мужа, пытаясь теплом своего тела вернуть его к жизни. Но челнок не сл7ышал.

Он был уже *там*. Вернее, *здесь*. С нами. В разбившемся пять лет назад «ТУ-154», из пассажиров которого он один тогда выжил.

И вот он вернулся.

БОНУС-III

СИНОПСИС

Записки убитого контрабандиста

Зрительская аудитория и жанр фильма.

Зрительская аудитория — все мы. Все, кто сражался и сражается за лучшую жизнь. Все, кто мечтает в ней чего-то добиться. Вот только добиваются, осуществляют свои мечты далеко не все...

Жанр фильма сложно определить одним словом. В нем есть элементы приключений, детектива, криминала, мистики, любви. Нет только политики, хотя — как сказать...

Герой.

Герой картины — волк-одиночка. Человек, надеющийся только на себя и верящий исключительно в свои силы. Не бесконечные, но свои.

Родившийся в другую половину послесталинских 1950-х, наевшийся по горло справедливого социализма в октябрятах, пионерах и комсомольцах, в студенческие годы стал задавать себе неправильные вопросы. Ну хорошо, их рабочий, как вы настаиваете по телеящику с утра до вечера, несколько больше получает, потому что мно-о-го больше работает, нет — вкалывает, пашет! Да так, что загибается к пятидесяти! Хорошо. Нет, конечно же, плохо, но... Но как быть с маленькой такой, тихой гебистской подтасо-

вочкой: несколько больше получает. Не несколько, а В несколько, В несколько — десятков! — раз больше! Наглешь... А вот к правдематке «загибается к пятидесяти» нет вопросов. Не удавшийся перекид с больной головы на здоровую. Загибаются... Но — у нас!

И еще. Как, подскажите, быть с их таксистами? У них, что, в «Мерседесах» тяжелее баранки крутятся, чем у наших, простите за слово, «Газах»? По большим, чем у нас на дорогах, ямам скачут? И со сторожами, опять же, труднообъяснимая ситуация. Более напряженно-упорно-бдительно охраняют? Смешно получается, правда?

И человек начинает сомневаться, не верить в светлое будущее, удаляется от соцобщества. Становиться волком-одиночкой.

Работать на вас за три копейки? Да пошли вы...

Но еще 1970-е бодро шагают по стране и не отменена трудовая повинность.

Так, значит, в бандиты? Гулять так гулять! Украл, выпил, в тюрьму?

Нет. Есть третий вариант.

Между ментами и бандитами.

Краткое содержание.
Или о жизни, смерти и любви. Любви к жизни.

Ты трясешься от высоты и — полбытия проводишь в самолетах. Ты умираешь в замкнутом пространстве, но — часами вынужден душить себя бездвиженьем, таясь от крадущегося рядом молодца-погранца. Ты таким родился. Ты вынужден и должен. И даже за краткий вопрос — почему? — тебе могут снять головушку.

А начиналось все с музыки, с аппаратуры. Beatles, Pink Floyd, Led Zeppelin, Deep Purple, Queen, другие развеселые ребята. Спрыгнул ты с третьего этажа безбалконного здания, где афролатиносы, гады, жизнью не тюремно-социалистической на всю катушку наслаждаются. Спрыгнул, значится, на земельку под Новый год не сильно мягкую, вырвался из облавы ментовской внутри зданьица и полетел отрываться от гебешной охранки снаружи. Ноги молодые несут, не подводят. Еще бы те грампластинки с веселыми ребятами по горбу не били да нога подвернутая нервы в узел не завязывала...

И попадаться — связь с иностранцами. Загребут, бандитам позавидуешь... 1970-е... И Новый, опять же, год не хочется в клетке отмечать...

А переход по маршруту «Владивосток — Москва»? Как вам такое расписание? «Жигули», понятно, машина итальянская, хорошая. Вот только без меры перегруженная от ненасытных, опять же, бандито-ментов плохо убегает. Держится на волоске и аппаратурка японская — у моряков по чужим-своим морям плавающим приобретенная — и ваша жизнь залишне, пожалуй, не скучная.

Думали, перестройка спасет от риска непомерного? Конечно. Держи карман шире...

Таможенник, он что за человек? Правильно — первый враг народонаселения. Задумали вы видеокасеты немецкие басофские хорошие — в 1980-х г. весьма популярные — народу простому по два баксика (при дойч-прайсе в полтора) подкатить, при цене в госмагазинах по четыре. Доброе дело задумали. Для народа доброе.

Держава же родная столь правильное желание на изумление ваше не поддерживает. Родная держава, будь она проклята, норовит шлепнуть вас по голове за такое народовыгодное желание, забрать-конфисковать те самые кассетки. Фигу ему, народу, по два доллара, сожрет и по четыре. Плати пошлину 100-процентную, гад, быстро! Ну!

Вот тут уже вы фигу государству ненажирному показываете, только в кармане. Обходите, значит, лесами, тропами, боком тех самых даньдай-собирателей. Только бы те грампластинки... извините, видеокассеты, вместе с бедными «жигуликами», болотная тропа не заглынула...

А как вам нравиться «боинг» ТУ 154? Нет, ни дизайном. А когда вас «штормит» в нем вместе с пятитонной перегрузкой? Маршрут новый «Дубаи-Москва», однако вопросы вам по прилету зададут старые. Даже не зададут, а потребуют, нет, рявкнут — ДАЙ! А дай дань-собирателям, что народу останется? Вот вы барахтаетесь с камикадзе-пилотами на пару — перегруз — это их видики-шмыдики — небольшая прибавка к жалованию — и думаете: Домодедово? Шереметьево? Чья сегодня смена? Может, на Киев или Вильнюс развернуться? Вам надо, необходимо думать, если вы хотите жить, а не существовать.

Вот и на этот раз придумали — на военном аэродроме в Мочулищах под Минском приземлились. У пригородной таможни глОтки — или глоткИ? — поменьше.

А народ-то радовался не нарадовался: телики заморские — Sony называются — в 2 раза дешевле, чем в ГУМе!

Народу — хорошо и вам малек перепало. Подъем, конечно, не такой, как у бандита-государства, но на жизнь хватит. Правда, если зечье поганое, на волю за «примерное» выпорхнув, не захочет вам ее подсократить.

Утюг на живот, и вы понимаете: садюги Ленин со Сталиным — отдыхают. Расстрелы? Бух и вас нет — не больно. Все там будем. Тюрьмы и концлагеря? Пытки избиением, страхом и голодом? Месяцами держались.

Сейчас, мальчик, время пошло другое, на мгновения разлетелось времечко, рассыпалось, побежало, полетело оно быстрее солнышка, света и всех галактик, да будь они и весь мир прокляты. Полетело, сжав годы в секунды быстрые, и их у тебя всего несколько.

Думай, думай, думай. Всё! Пошел запах паленого мяса, вашего мяса. Задрали, скоты! Берите всё, жрите, подавитесь!

Лучше нищим, но живым, чем богатым в дубовом гробике?

Может, ты и прав, человечек. Может ты и прав. Только теперь ты уже и не человечек, а человечишка. Сдался, ты, мальчик, сдрейфил. Не выдержал высшего пилотажа. Не принял смерть в бою, повалился перед врагом на колени, застонал, завыл о пощаде. Раб! Родился в яме, карабкался на гору и сорвался. Назад в яму! В нищету, в грязь, в ничто. Прозевал атаку, расслабился, зажрался. Вот тепленьким и взяли, связали, скрутили, придушили. И утюжок, для подогреву, ускорения процесса включили. И в яму. Назад в яму. Сидеть! Не рыпаться!

И Бог! Ты есть! Свет! Луч! Окно! Лишь на мгновение. Но тебе хватило. Рванулся к свету, к

лучу, к окну, и застонали, завыли струны-мышцы. Но рывка хватило. Не остановить было рывок. Ведь ты вырывался из рабства к свету, к свободе. Разрубил головой окно и полетел. Вниз, но не в яму, на деревья. Бог есть! И ты есть. Ты остался, остался человеком.

И, как по команде, сжались твои враги-шакалы. Вырвалась дичь, разорвала путы, загорелась смертельным боем, зря вы ее подожгли.

Глаза в глаза — не для шакалов. В спину, сзади, в хребет вгрызться они герои. И попятилась мразь, покатилась, улетучилась, исчезла.

Свет! Теперь его много. Ты жив, и ты не в яме. Но ты больше никогда не уснешь, не расслабишься. Ты только когда-нибудь умрешь, но это уже тебе не страшно.

Из тумана, из полужизни-полусмерти ты выйдешь лишь спустя полгода тихим солнечным июльским утром. Ты выйдешь, и круг завертится, как и вертелся. А что же ты хотел? Ведь это жизнь, мальчик.

И ты снова ринешься в бой. В бой с теми, кто ТАМ. Ты всегда задавал себе вопрос. Почему они ТАМ, почти на небе, а ты здесь, внизу, на земле. Ты снова ринешься в бой, зная, что он будет проигран. И когда-нибудь ты уйдешь туда, откуда не возвращаются. Но не растворишься в пространстве. Мрамор, брошенный детьми на землю, в которой покоишься, не даст ветру разнести твою могилу.

Но это будет потом, много потом. А сейчас одевайся, мы едем. Ты снова в игре. Жизнь продолжается. Разложим карту. Где сегодня рвем через шакалов кордон? И когда? На рассвете? А вы думаете, он когда-нибудь взойдет?

Содержание

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

ЗАПИСИ

БОНУС
(из черной тетради)

ЗАПИСКИ УБИТОГО КОНТРАБАНДИСТА

БОНУС-II

БОНУС-III